

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

HARLEQUIN®

Жаклин Бэрд

МОЙ
ИТАЛЬЯНЕЦ

Жаклин Бэрд

Мой итальянец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121623

Мой итальянец: Радуга; Москва; 2004

ISBN 5-05-005851-1, 0-263-82555-8

Оригинал: Jacqueline Baird, "The Italian's Runaway Bride"

Перевод:

Ж. Баскакова

Аннотация

Молодая англичанка Келли Маккензи, окончившая университет, приезжает в Италию, чтобы поработать несколько недель няней у ребенка своей подруги и заодно отдохнуть...

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	30
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	50
ГЛАВА ПЯТАЯ	69
ГЛАВА ШЕСТАЯ	78
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	90
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	111
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	135
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	157
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	173

Жаклин Бэрд

Мой итальянец

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Келли Маккензи, облаченная в рубашку и короткие джинсовые шорты, лежала, устремив глаза в небо, на лужайке, полого спускающейся к кромке озера Гарда. Она с наслаждением вдыхала ароматный воздух. Стояли последние дни августа; солнце сияло, жизнь была прекрасна. Перевернувшись на живот, она бросила взгляд па дом роскошное старое каменное строение, возвышающееся ярдах в пятидесяти от берега. Дом опоясывала терраса, каменные перила которой с одной стороны были скрыты кипарисами и густым кустарником. Кустарником, который, похоже, шевелился, хотя не было даже намека на легкое дуновение ветерка. Как странно!

И тут Келли увидела незнакомца. Она настороженно прищурила синие глаза. Полускрытый кустарником, мужчина держался одной рукой за перила и, наклонившись, пытался заглянуть в окно. В другой руке он сжимал металлический прут. Очень подозрительно.

Келли напряглась. Стоя к ней спиной, мужчина распрямился. Он был в белой майке и заляпанных краской защитного цвета шортах, очень высокий, широкоплечий и узко-

бедрый, с длинными мускулистыми ногами.

Крадучись, он двинулся к окнам задней стороны дома...

Спокойно, девочка, сказала себе Келли, не впадай в панику.

Три месяца назад Келли случайно встретила в Борнмуте свою старую школьную подругу Джуди Бертони. Джуди предложила ей поехать на два с половиной месяца в Италию, где находилась ее семья, и поработать няней ее сына. Келли была в восторге. Разве не прекрасно насладиться солнечным летом перед тем, как приступить к работе в научно-исследовательской химической лаборатории Дорсета? Эта идея показалась очень заманчивой, однако теперь, наблюдая за зловещим незваным гостем, Келли подумала, не поступила ли она опрометчиво...

Она осталась одна. Все семейство Бертони уехало в Рим, а Марта, экономка, воспользовалась отсутствием хозяев, чтобы навестить друзей. Уезжая, она наказала Келли все тщательно запирать, поскольку в округе участились случаи грабежей.

подавив инстинктивное желание вскочить и убежать, Келли продолжала наблюдать за незнакомцем, который осторожно занес ногу над первой ступенькой лестницы. Металлический прут в его руке красноречиво говорил о его агрессивных намерениях. Он явно стремился проникнуть в дом.

Чрезвычайные ситуации требуют чрезвычайных мер. Келли недаром увлекалась гимнастикой в школе, а в универ-

ситете два года подряд была чемпионкой по кикбоксингу. Пока внимание незваного гостя было целиком сосредоточено на окнах дома, Келли бесшумно встала, подкралась к нему и внезапно с леденящим кровь воплем вихрем взметнулась в воздух. Несколько ловких приемов – и потенциальный взломщик лежал навзничь па земле, металлический прут оказался в ее руке, а ее нога – на горле незнакомца.

Падая, Джанфранко Мальдини лишь мельком увидел, как кто-то светловолосый бросается на него.

Это было невероятно... Какая-то девчонка в буквальном смысле слова уложила его на обе лопатки. Ни разу за тридцать один год его жизни ни одной женщине не удавалось сделать с ним такое. Прежде чем пошевелиться, он окинул взглядом ее высокую стройную фигуру и замер. Гормоны тут же дали о себе знать.

Она была великолепна! Его взгляд скользнул по собранным в хвост платиновым волосам, задержался на правильных чертах лица, горящих глазах и влекущих губах, потом опустился ниже, где вздымалась мягкая рубашка, завязанная под высокой крепкой грудью. Он увидел гладкую светлую кожу, тонкую талию и пупок, который, так же как длинные стройные ноги, не скрывали коротко обрезанные шорты.

Джанфранко онемел. Неожиданно он ощутил прилив желания, чего с ним давно уже не случалось. Она была ослепительно красива и полна жизни, а ее эффектный прыжок, совершенный с необыкновенной ловкостью и грацией, про-

извел на него неотразимое впечатление. Он не представлял, что она могла делать у Карло Бертони, но было бы забавно выяснить это. Вот уже три года, как он не был в отпуске. Один звонок на работу – и он сможет на какое-то время стать свободным. Нью-Йорк подождет. Пожалуй, он приударит за этой девчонкой.

Конечно, он мог сбросить ее ногу со своего горла, но не спешил с этим.

Келли подняла руку с металлическим прутом и всмотрелась наконец во взломщика. Густые черные волосы мягкими завитками спускались на его широкий лоб, над темно-кариыми глазами красиво изгибались черные брови. Только слегка искривленный нос, который был когда-то, по-видимому, прямым, нарушал его классическую красоту. Но красота эта была какой-то гнетущей. Грешной, поправила она себя, когда его губы медленно растянулись в чувственной улыбке, обнажив ослепительно белые зубы.

Келли едва не застонала. Почему такой роскошный мужчина, какого ей едва ли доводилось видеть в своей жизни, оказался вором? Даже теперь, когда он находился в ее власти, в нем чувствовалась какая-то необыкновенная мужская сила. Но от этого он не перестает быть взломщиком, решительно сказала она себе.

– Послушай, парень, ты явился сюда, чтобы совершить кражу со взломом?

– Что-о? – возмущенно воскликнул Джанфранко.

То, что его застигли врасплох и повергли на землю, было и так достаточно оскорбительным, но чтобы его обвинили в том, что он вор, – это уже слишком для человека с его самолюбием. Он заставит эту дамочку заплатить за оскорбление.

– Только не надо прикидываться невинной овечкой, это не пройдет, – решительно заявила Келли. – Но я готова дать тебе шанс. Ты ничего не успел украсть, так что я отпущу тебя на все четыре стороны, но с условием, что ты пообещаешь никогда не возвращаться сюда.

Человек, распростертый на земле, замотал головой. Если эта девушка на самом деле считает его преступником, какой же наивной должна она быть, полагая, что настоящий грабитель ушел бы просто так.

– Как это понимать, ты не согласен? – строго спросила Келли. – Тогда мне придется дать тебе по голове этим железным прутом и вызвать полицию.

– Да нет, согласен, – поспешно сказал Джанфранко, увидев, что она подняла над головой тяжелый железный прут. Она явно не в своем уме, и он потерял слишком много времени, лежа на земле и любуясь ею.

Мгновенно положение изменилось с точностью до наоборот.

Ее голова с глухим стуком коснулась земли. Она почувствовала, что искры посыпались из глаз, а когда очнулась, то обнаружила, что лежит, прижатая к земле. Огромная мужская ладонь стиснула обе ее руки над головой. Незнакомец

навалился на нее, закинув длинную мускулистую ногу поперек ее стройных ног.

– Отпусти! Ну и скотина! – закричала она и попыталась отбиваться, но безуспешно. Незнакомец был намного крупнее и сильнее Келли. Он просто еще жестче сжал запястья девушки, а свободной рукой взял ее за подбородок, чтобы она не могла отвернуться.

– С какой это стати я вас отпущу? – насмешливо спросил Джанфранко. – Если я такой злодей, как вы говорите, неужели вы действительно думаете, что я вас отпущу?

Келли вообще ничего не думала, она была в панике. Металлический прут, который она вырвала из его руки, куда-то исчез, и она чувствовала железную тяжесть его груди, навалившейся на нее. В последней отчаянной попытке сбросить негодяя, она попыталась ударить его по бедру коленкой и открыла рот, приготовившись закричать.

Но ее рот внезапно накрыли его губы, и ей стало нечем дышать. Это был властный поцелуй, который с такой силой прижимал ее губы к зубам, что она подумала: сейчас брызнет кровь. Если его целью было напугать ее, то ему это вполне удалось.

Вдруг поцелуй стал иным, чувственным и нежным, и, к своему стыду, она вдруг ощутила наслаждение.

Его рука скользнула по ее груди, и время остановилось. Каждая частичка ее тела наполнилась жаром. Она таяла от его прикосновения, от его поцелуя, его мускулистого мужско-

го запаха. Такого с ней никогда раньше не случилось. Чувственное возбуждение завладело всем ее телом.

Когда он наконец прервал свой поцелуй и поднял голову, Келли распахнула глаза, недоумевая, почему он остановился. Его рука упала с ее груди, и он взглянул на нее сверху вниз потемневшими от злости глазами. Внезапно она пришла в себя. Почему она безропотно приняла его поцелуй?

Джанфранко испытывал нечто похожее. Что, черт возьми, он делает с этой ненормальной молодой англичанкой на лужайке дома своих друзей среди бела дня? Он даже разозлился на себя – он не относится к числу мужчин, которые когда-либо теряют над собой контроль.

– Пожалуйста, отпустите меня, – умоляла Келли. Жар и тяжесть его тела были теперь не возбуждающими, а угрожающими. Она имела дело с совершенно незнакомым человеком и к тому же вором. – Прекратите немедленно! – взывала она, стараясь сохранить самообладание. – Вы можете угодить в тюрьму на долгие годы за изнасилование.

– Санта Мария!

Он возмущенно посмотрел темными глазами на красивую женщину, над шторой возвышался. Ему доводилось слышать много обвинений в свой адрес, но чтобы его назвали насильником? Такого еще никогда не было.

– Вы совсем выжили из ума? – взревел он в бешенстве.

– Нет.

Келли подумала, что он слишком зол и опасен и ей надо

потакать ему до тех пор, пока у нее не появится шанс освободиться.

– Кто вы такая, черт возьми? И что делаете здесь? – грубо спросил Джанфранко. Он взглянул в синие глаза и увидел, что она и в самом деле испугана и изо всех сил старается скрыть это.

– Меня зовут Келли Маккензи, я буду все лето работать здесь няней. – Если ей удастся разговором отвлечь его, у нее будет шанс удрать. – Никто не слышал моего крика, так что, если вы отпустите меня сейчас, я обещаю не заявлять о вас.

– Баста. Довольно. – Все и так слишком далеко зашло.

Заявлять о нем! Джанфранко увидел, что она вздрогнула, и постарался смягчить свой тон.

– Послушайте, Келли Маккензи, я не собираюсь обижать вас. Никогда в жизни не применял силу к женщинам и не собираюсь этого делать. – (Она взглянула в смуглое красивое лицо, и ей захотелось поверить ему.) – А сейчас я отпущу вас, мы сядем и обсудим это недоразумение как двое взрослых людей. Согласны?

Она кивнула. Каждая мышца ее тела была напряжена в ожидании освобождения. В следующую минуту он выпустил ее запястья и сел, но прежде, чем она смогла пошевелиться, обнял ее сильной рукой за плечи и крепко прижал к себе.

– К тому же я и не вор, – спокойно продолжал он, – так что сидите тихо и слушайте.

У нее не было выбора: он сцепил пальцы и взял ее в коль-

до своих рук. Но так как мысль о надвигающейся опасности изнасилования померкла, к Келли начала возвращаться ее обычная задиристость.

– Так, значит, для вас обычное занятие – слоняться по чужим садам с металлическим прутом в руке? – Она повернула голову и вскинула брови. Неужели этот человек принимает ее за полную идиотку?

– А, теперь я, кажется, все понял, – хмыкнул он. – Карло Бертони мой знакомый. Я одолжил у него монтировку, чтобы закрепить колесо на прицепе яхты, которая стоит внизу, у причала. Я пришел, чтобы вернуть ее.

Келли ни разу не упомянула имя хозяина виллы, тем не менее этот человек знал его. К тому же синьор Бертони действительно держал яхту у причала. Келли чуть не застонала. Все проще простого, а она вообразила черт знает что. Ее собственный отец всегда говорил ей, что слишком бурное воображение не доведет ее до добра. На этот раз она превзошла себя. Этот человек говорил по-английски, но с итальянским акцентом. Вероятно, он работал в гавани Дезенцано. Она почувствовала, как краска заливает ее лицо.

– Калитка была не заперта, никто не откликнулся на мой зов, и я обошел вокруг дома, чтобы оставить монтировку на террасе. Мне не хотелось брать ее с собой, потому что я зашел сюда по пути в еще одно место. Но тут вы, как дикая кошка, прыгнули на меня и заявили, что я вор.

– О господи! Простите. – Келли с облегчением взглянула

на него смеющимися глазами. – Так, значит, вы не вор, а моряк и работаете в порту.

Уголки губ Джанфранко дрогнули в усмешке. Ему никогда еще не доводилось встречать женщину, так поспешно делающую выводы. Он хотел было ее поправить, но, взглянув в простодушное лицо, вспомнил о своем намерении немного развлечься. К тому же ему все еще не давало покоя то, что он так легко справился с ней.

– Да, я хожу в море и все утро занимался яхтой. Он не солгал, но и не сказал всей правды.

– Наверно, это время года самое напряженное здесь, на озере Гарда, при таком наплыве туристов и при том, что на следующей неделе грядут большие соревнования. Участники понаехали сюда со всего мира. Наверно, поэтому вы так хорошо говорите по-английски.

Келли понимала, что тараторит без умолку, но она так обрадовалась, что он не вор...

– Возможно, – сказал он с улыбкой, и его темные глаза заблестели, встретив доверчивый взгляд ее синих глаз. – Однако позвольте мне представиться. Джанфранко...

– Очень приятно, синьор Франко. – Она отбросила его рук, но улыбнулась: – Можно называть вас Джан?

– Я предпочитаю Джанни. – Взяв ее за руку, которая утонула в его ладони, он поставил ее на ноги. – Итак, Келли, недоразумение уладилось. Будем друзьями... и, как говорите вы, англичане, скрепим это рукопожатием.

Они пожали друг другу руки, но она заметила пляшущие в его глазах огоньки и фыркнула. Потом громко рассмеялась. Его сильное рукопожатие, мозоли, которые она почувствовала на своей ладони и которые явно свидетельствовали о занятии физическим трудом, убедили ее в том, что он говорил правду.

– Странно, что я приняла вас за вора, – залепетала она, но тут ее лепет прекратился, потому что он притянул ее к себе.

– Один поцелуй, чтобы скрепить нашу дружбу. Он наклонил голову и поцеловал ее долгим нежным поцелуем.

Когда Джанфранко наконец отпустил ее, она стояла ошеломленная и смотрела на него затуманенным взглядом. Но полуопущенные тяжелые веки скрывали выражение его глаз, и она подумала, не слишком ли доверчиво отнеслась к его объяснению.

– Боюсь, что мне пора идти, но теперь, когда мы решили стать друзьями, не согласитесь ли вы поужинать со мной сегодня вечером? Или синьору Бертони это не понравится? – осторожно спросил Джанфранко.

– С удовольствием, – ответила Келли. – Вся следующая неделя у меня свободна, поскольку синьор Бертони с женой и сыном Андреа уехал в Рим навестить своих родителей.

Она болтала лишнее, знала это и не могла остановиться.

– Сколько вам лет? – спросил Джанфранко, разглядывая взволнованную девушку. Эта ее лихорадочная реакция на его поцелуй удивляла. Он и сам уже давно не испытывал та-

кого сильного влечения к женщине. Она явно не имела большого опыта общения с мужчинами, и он с удовольствием восполнит этот пробел в ее образовании. Он улыбнулся ей и почувствовал легкое угрызение совести. Она казалась почти подростком.

– Двадцать один год, – лучезарно улыбнулась в ответ Келли. – А вам?

– Тридцать один. Я, вероятно, слишком стар для вас.

– Вовсе нет, – поспешно возразила Келли. – Джуди на двенадцать лет моложе синьора Бертони, а они очень счастливая супружеская пара. Она готова на все пойти ради него. Поэтому я и оказалась тут одна: пока Джуди гостит у свекра и свекрови, она решила доказать им, что в состоянии сама заботиться о своем сыне.

Келли не имела представления о том, как много выболтала своим заявлением, но для ее собеседника это было предупреждением, что Келли Маккензи не тот человек, с которым можно просто по-флиртовать. Она явно верила в брак и счастливую семейную жизнь, и он понял, что ступил на опасную почву. Но, глядя на ее оживленное лицо и точеную фигурку, Джанфранко подавил свои мысли. Он желал эту девушку. А он относился к людям, которые всегда добиваются желаемого...

Было восемь часов вечера. К удивлению Келли, Джанни заехал за ней на огромном ревущем мотоцикле. Сидя на террасе небольшой таверны в крохотной деревушке высоко в

горах, они лакомились запеченной озерной форелью. Далеко внизу искрились темные воды озера Гарда – прекрасная обстановка для романтического ужина!

Уже перевалило далеко за полночь, когда они наконец встали и вернулись к мотоциклу. Обхватив руками талию Джанни, Келли прижалась к нему, когда он, виртуозно управляя мотоциклом, мчался по извилистой дороге обратно к Дезенцано.

Возвращая Джанни защитный шлем, Келли с сожалением ощутила, что чудесный вечер подошел к концу. Она взглянула на дом, потом снова перевела взгляд на Джанни. Не пригласить ли его войти? Но это не ее дом, и они едва знакомы...

– Спасибо за прекрасный вечер, – начала она вежливо, по Джанни разрешил ее проблему тем, что положил оба шлема на сиденье мотоцикла и заключил ее в объятия.

– Это я должен благодарить вас, – тихо проговорил он севшим голосом, – и, если позволите, поскольку у меня есть несколько дней отпуска, я хотел бы воспользоваться этим и повозить вас по окрестностям.

– Да, пожалуйста, – согласилась она, едва дыша, совершенно ошеломленная той томной чувственностью, которую увидела в его карих глазах. И когда он наклонил голову и поцеловал ее, судьба Келли была решена. Он был воплощением ее мечты. И ей ничего больше не было нужно, кроме его объятий, что, и она знала это, было предначертано самой судьбой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Следующие четыре дня они провели, совершая на мотоцикле экскурсии по таким уголкам, которые, по словам Джанни, были известны только местным жителям.

Келли чувствовала себя очарованной. Они смеялись и шутили и бесконечно много разговаривали. Она узнала, что жил он на другой стороне Дезенцано со своей матерью. Его отец умер несколько лет назад. Это было похоже на правду, потому что Келли знала, что по другую сторону пристани раскинулся старый город. Так что, очевидно, Джанни был местным жителем, а для итальянских мужчин было довольно типично жить в родительском доме до женитьбы.

С каждым днем ее тянуло к Джанни все больше, пока она не призналась себе, что впервые в жизни влюбилась.

Келли лежала навзничь на пледе, который Джанни захватил для пикника. Они расположились в красивом месте – на небольшой лужайке на берегу озера. Им пришлось проехать на мотоцикле через лес, чтобы добраться сюда. Однако Джанни уверенно заявил, что ни на чью частную территорию они не вторгаются. Сбросив шорты и рубашку и оставшись в крохотном синем бикини, Келли окунулась в прохладную воду озера, Джанни последовал за ней. Она ощутила прикосновение его крупного, почти обнаженного тела, когда он обхватил ее своими сильными руками и накрыл своим ртом ее

губы так, что у нее перехватило дыхание...

Келли повернула голову. Джанни лежал рядом с ней, вытянув одну руку вдоль тела и слегка согнув другую у нее над головой. Его могучая бронзовая грудь медленно вздымалась и опускалась. После обеда, который состоял из свежего хлеба, жареного цыпленка, фруктов и сыра, он, похоже, задремал, и она могла незаметно любоваться им.

Ее взгляд скользил по его соблазнительному телу – загорелой груди с легкой черной порослью, сбегаящей вниз, к узким черным плавкам, стройным ногам. Она уже начала жалеть о том, что не предложила ему войти в дом в ту, первую ночь. На следующий день вернулась Марта, и теперь Келли уже не могла пригласить Джанни, а она жаждала его со страстью, которую почти не могла контролировать.

Сегодня утром позвонила Джуди: они возвращаются завтра, в субботу, и ее возможность встречаться с Джанни будет ограничена. Ее беспомощный взгляд снова скользнул по мужчине, который лежал рядом с ней, и она нахмурилась.

– Чем мы недовольны? – лениво спросил Джанни, подняв тяжелые веки.

Она думала, что он спит. Однако, заметив блеск в его глазах, поняла: он знал, что она разглядывает его, и ему это нравилось. У нее екнуло сердце.

Подтянув колени к подбородку, Келли обхватила их руками, устремила взгляд на озеро и, попытавшись улыбнуться, сказала:

Завтра возвращается семейство Бертони. Сегодня, похоже, последний день моего отпуска.

– Значит, мы не должны терять время, – протянул Джанни хриплым голосом, схватил ее за плечи и опрокинул на себя. Его губы слились с ее губами.

Сильные руки Джанни скользнули по изгибам ее тела.

– Дио, как я жажду тебя, – почти простонал он. – Ты нужна мне.

Прошло много времени с тех пор, как он занимался любовью с девушкой на открытом воздухе, и он знал, что не должен делать это сейчас. Он известный человек, а по озеру плавало множество лодок. Возможно, здесь даже были папарацци, и вот это ему было нужно меньше всего. Ему надо остановиться. Но он был не в силах.

Джанни повернул девушку па спину, его руки потянулись к верхней части ее купальника. Он хотел насладиться этой красотой, почувствовать каждый сантиметр ее восхитительного тела. Он стал жадно и страстно целовать ее, но тут...

Джанни вскочил, и что-то похожее на ругательство сорвалось с его губ.

Келли села. Джанни направился к опушке леса, где стоял молодой мужчина с ружьем в руках. Ей не было слышно, что тот сказал, тем не менее она страшно смутилась. Она ничего не слышала. Слава богу, что Джанни услышал приближение этого старика.

Она поднялась на ноги. Что бы ни говорил Джанни, она

знала, что они вторглись куда не следовало и что их поймают. Охваченная паникой, Келли начала собирать вещи. Мысленно она уже видела себя в итальянской тюрьме.

– Не могу поверить, – сердито пробормотал Джанни, повернулся и зашагал назад, чтобы надеть шорты и рубашку.

– Мы вторглись в чужие владения, да? – спросила Келли. Ее лицо было красным, волосы растрепаны. Она не заметила, с каким удовольствием Джанни наблюдал за тем, как она поспешно одевается.

Джанни криво улыбнулся. Его засек его же охранник, нанятый для того, чтобы следить за принадлежащими ему землями и охотничьими угодьями.

– Извини, Келли. Я все тебе объясню сегодня вечером, обещаю.

Наклонившись, он взял плед и корзину с провизией в одну руку, другую протянул ей. Взглянув на ее светлую головку, на руку, доверчиво покоящуюся на его руке, он почувствовал острый стыд. Келли действительно была замечательной девочкой. Ее влекло к нему, и она была не в состоянии скрыть это. Да и он тоже, мрачно подумал он, мечтая о том, чтобы усмирить свое тело. Сегодня был решающий день, потому что завтра он уедет. У него было работы по горло, не говоря уж о том, что семейство Бертони возвращалось домой.

Джанни удивлялся только собственной сдержанности. Правда, он не относился к числу мужчин, которые стремились немедленно провести с женщиной ночь. Обычно сначала

ла он три-четыре раза приглашал их куда-нибудь. Ему должна была нравиться женщина, с которой он спит, а Келли ему, безусловно, нравилась. Джанфранко был готов к новому любовному приключению: с момента последнего его увлечения прошло уже три месяца.

– Да не расстраивайся ты так, – сочувственно сказала Келли. Он посмотрел на нее, и его темные глаза как-то странно заблестели. – Нас же не арестовали, а все могло быть значительно хуже, – с улыбкой добавила она. – Этот человек по крайней мере не стал в нас стрелять.

Губы Джанни дрогнули. Он хмыкнул, а потом расхохотался.

– Ты так добра ко мне, Келли. Пошли... – Протянув ей шлем, он добавил: – Садись. Поехали. Пока я не передумал, – поддразнил он ее, окинув взглядом ее изящную фигурку. Она и в самом деле была очень привлекательна. С ней он снова чувствовал себя подростком. Она выглядела очень мило в своих джинсовых шортах. Он вдруг подумал, что видел ее только в шортах или брюках. Интересно, как бы она смотрелась в платьях от дизайнера, которые обычно носят его подруги. Он невольно озвучил свои мысли: – Надень сегодня платье.

– И разъезжать в нем на мотоцикле? Ты шутишь? – улыбнулась Келли, занося стройную ногу над сиденьем.

– Нет, не шучу. – Сидя на мотоцикле и широко расставив ноги, он оглянулся через плечо. – Сегодня проведем время

с шиком. Я заеду за тобой в восемь на машине.

Келли обхватила его руками и крепко уцепилась за него, когда он нажал на газ. Обычно она наслаждалась ездой, чувствуя себя под надежной защитой его огромного тела, но не сегодня. Она судорожно перебирала в уме свой гардероб и приходила к заключению, что ей совершенно нечего надеть!

Услышав звонок, Келли помахала рукой Марте и помчалась к входной двери. Ей очень хотелось, чтобы Джанни понравилось ее светло-розовое шифоновое платье на шелковом чехле, которое она в этот же день купила в городе на распродаже в очень дорогом модном магазине.

Реакция Джанни оправдала ее надежды. Его темные глаза стали огромными, а на лице отразилось изумление.

– Ты выглядишь просто сногшибательно, Келли.

– Я сделала, как ты просил, – нежно ответила Келли. Ее сердце было преисполнено любви и гордости. Она не сводила с него глаз. Светло-зеленая рубашка обтягивала его широкие плечи, запахнутый ворот открывал загорелую шею. Кремового цвета льняные брюки подчеркивали узкие бедра и длинные сильные ноги. На ногах были легкие коричневые туфли.

Она снова взглянула ему в лицо, и у нее остановилось дыхание. Он был таким красивым и казался старше, чем тот бесшабашный байкер, в которого она влюбилась.

Джанфранко долго молчал, прищулив темные глаза. Его оценивающий взгляд скользил по ее лицу и фигуре. Ее длин-

ные платиновые волосы, поднятые наверх, открывали сверкавший на шее бриллиантовый крест. Украшение было настоящим. Элегантное розовое платье и туфли были от дизайнера. Уж он-то знал цену этому: ему доводилось не раз покупать наряды для женщин.

Он сдвинул темные брови. Возможно, она прекрасно знает, кто он. Интересно, кто кого пытается обмануть? Сегодня ей можно было дать больше двадцати одного года. Она выглядела зрелой, опытной женщиной. Что ж, раз ей нравится играть в игры, тем лучше. Она, безусловно, все понимает.

– Джанни.

У Келли возникло смутное чувство, что она чем-то расстроила его, и она подумала, всем ли влюбленным свойственно испытывать то взлет, то падение. У нее все дрожало внутри и учащенно бился пульс при одном только взгляде на него; стоило ему нахмуриться, и ее охватывало беспокойство.

– Келли, дорогая, – ласково протянул он и, взяв ее за руку, добавил: – Поедем поужинаем.

Вдохновленная его нежным обращением, она заняла место на пассажирском сиденье синего «вольво» и спросила Джанни:

– Какая красивая машина. Это твоя?

– Моей семьи. – Наклонившись, Джанни быстро поцеловал ее в губы. – Не беспокойся, я не украд ее, – насмешливо произнес он.

– Разве посмела бы я такое подумать? – шутливо ответила Келли.

– Разумеется, нет.

Он саркастически поднял темную бровь, и оба хмыкнули, вспомнив свою первую встречу.

Прежние страхи Келли быстро исчезли, а спустя полчаса, когда он, предложив ей руку, помог выйти из машины, она с интересом вглядывалась в большой серый каменный дом на поляне, окруженной деревьями.

– Где мы? – спросила Келли. Это вряд ли был ресторан. Свет горел в единственном окне дома и падал на террасу. Вокруг не было видно ни души.

– Я хотел пригласить тебя в самый дорогой здешний ресторан. – Джанни повернул ее к себе лицом. – Но потом придумал нечто более интимное, – хрипло произнес он.

У нее затряслись поджилки, но это ведь было то, чего она хотела – быть с Джанни. И, подняв голову, она улыбнулась ему.

– Сознайся, тебе это было не по карману, – поддразнила она его, – вот ты и решил вломиться в какой-нибудь дом в лесной глуши.

– Твое воображение окажет тебе плохую услугу в один прекрасный день, дорогая, – протянул он, но искрящиеся смехом темные глаза, взглянувшие на нее, опровергали его цинизм. – Нам не потребуется вламываться – у меня есть ключ. Этот дом принадлежит компании, в которой я рабо-

таю, и мне разрешено пользоваться им.

– О, так тут никого нет, – тихо пробормотала Келли и проглотила подступивший к горлу ком. Она понимала, что, входя в этот дом, тем самым соглашается на дальнейшее развитие их отношений.

– Я не собираюсь обманывать тебя, Келли. Я мечтаю о тебе, и ты знаешь это, – тихо сказал он. – Но обещаю, что не сделаю ничего такого, чего ты не захочешь, – заверил ее Джанни. – А теперь идем. Ужин ждет нас. Я заезжал сегодня сюда и все приготовил.

– Ты умеешь готовить? – спросила она, когда он распахнул дверь и, положив руку ей на спину, повел в дом.

– Я все умею, – сказал Джанни высокомерно и, прежде чем она поняла его намерения, повернул ее к себе лицом и поцеловал. Когда он поднял голову, ее глаза с благоговением неотрывно смотрели на него. – Давай лучше поужинаем, – резко сказал он, – пока еще можем.

Келли прекрасно понимала, что он имеет в виду. Она жаждала его с каждой секундой все сильнее. Ей была совершенно незнакома та чувственная, жаждущая женщина, в которую превратил ее Джанни. Они ужинали на террасе при свечах. Джанни был великолепным хозяином, но Келли не сдержалась и поддразнила его:

– И это ты называешь «готовить»? – (Он угощал ее дыней с пармской ветчиной, креветками с салатом, а потом холодными кусками мяса с еще одним салатом.) – Да тут нет ни

единого блюда, которое надо готовить, обманщик ты эдакий. Клянусь, ты просто закупил все в магазине деликатесов.

– Может, и так, но я своего добился. Я хотел, чтобы ты была со мной одна, – протянул он со сладострастной улыбкой и снова наполнил ее бокал белым вином.

Келли со смехом ответила: – Ты неисправим.

– Я знаю. – В его карих глазах плясали чертики, когда он встретился с ней взглядом, и на мгновение она почувствовала, что все едва уловимо изменилось. – Келли, – пробормотал Джанни, – у нас осталось не так много времени. Твой хозяин возвращается завтра, а мне надо будет уехать в Геную. Я буду отсутствовать несколько дней.

У нее упало сердце.

– Ты уезжаешь.

Их идиллия закончилась, но это не означало, что их отношения вообще должны закончиться, сказала она себе твердо.

– Мы сможем увидеться не раньше чем через неделю. – Он протянул ей руку ладонью вверх. – Может быть, пойдем?

Келли повеселела: он собирался увидеть ее снова. Она посмотрела в его темно-карие глаза, и то, что увидела в них, заставило ее пульс учащенно забиться. Они смеялись и шутили, но скрытое чувственное напряжение становилось все сильнее и сильнее. Она понимала, что он ей предлагает, и знала, что, если примет его руку, пути назад не будет.

Она поставила бокал на стол и протянула ему обе руки.

Джанни поднес ее руки к губам и прежде, чем встать, неж-

но поцеловал каждую ладонь.

Почувствовав, что Келли дрожит, он обнял ее. Она такая нежная, такая теплая, такая доверчивая! – подумал он, целуя ее.

– Джанни, – со стоном произнесла она, теряя контроль над собой.

– Да, дорогая моя Келли, – хрипло произнес он, подхватил ее на руки и понес по лестнице в спальню, целуя на ходу ее губы, щеки, глаза, шею. – Дио! Келли, ты даже не представляешь, как я жажду тебя, до боли, – простонал он, прижимая ее к себе. – Я не в состоянии ждать больше. – Он взял ее за плечи и спустил бретельки платья, неотрывно глядя ей в глаза. Каждой своей клеточкой она чувствовала нежное прикосновение его пальцев к своему телу. – Хочу видеть тебя обнаженной.

Он сбросил с нее платье. Оно упало к ее ногам.

Стоя перед ним в крохотных кружевных трусиках, Келли вздрогнула, когда его руки скользнули вверх по ее бедрам и сжали талию. Его взгляд смаковал красоту ее обнаженного тела. Он сильнее сжал ее талию. Его лицо было напряженным от страсти, и на какую-то долю секунды она испугалась.

Он почувствовал ее страх и разжал объятия. Его руки скользнули по ее шелковистой коже.

– Ты необыкновенная, такая чуткая, такая красивая. Ни одна женщина не действовала на меня так, как ты, Келли. – Он наклонил голову к ее лицу, его дыхание коснулось ее

губ. – Но если ты хочешь, чтобы я остановился, скажи, – про-
бормотал он и нежно поцеловал ее.

Келли качнулась к нему навстречу, ее дрожащие губы рас-
крылись, пальцы потянулись к пуговицам его рубашки.

– Я не хочу, чтобы ты останавливался, – прошептала она.

Их губы встретились в страстном поцелуе. Ее последние
сомнения исчезли. Для нее существовал только Джанни. Он
отпустил ее и стал быстро раздеваться. Через секунду он был
уже без одежды.

Келли заворожено скользнула взглядом по его торсу. Он
был сложен как бог. Опустив взгляд ниже, она густо покрас-
нела.

Джанни, протянувший к ней руки, остановился и отсту-
пил на шаг.

– Ты так покраснела, словно никогда не видела обнажен-
ного мужчину.

– Это проклятие семьи Маккензи, как говорил мой отец.
Он был рыжим и вечно краснел. – Она продолжала лепет-
ать чепуху, и понимала это, но, когда Джанни отстранился,
вдруг почувствовала себя незащищенной. – Моя мама стра-
дала тем же самым, и я унаследовала это качество от обоих
родителей.

– Успокойся, – остановил ее Джанни, заключая в объ-
ятия. – Мне нравится это, – сказал он и неожиданно почув-
ствовал, что ему жаль ее. Келли почти ничего не знала о нем,
не знала даже его настоящего имени. Он должен сказать ей.

– Ты нравишься мне, – пробормотала Келли, когда он крепко прижал ее к себе. Чувства, не знакомые прежде, охватили ее. Ее не смущало, что продолжал гореть свет. До конца своих дней она не забудет эти мгновения.

Келли провела тонкими руками вниз по его спине. Крупное тело Джанни вздрогнуло от нежного прикосновения. Он поднял ее и понес в постель.

У нее перехватило дыхание. Взгляд ее глаз встретился с его взглядом, и она протянула к нему руки.

– Мое полное... – Он хотел сказать «имя», по вид ее податливого обнаженного тела, распростертого на постели, невозможно было вынести. – Дио, си, Келли, – произнес он сдавленным голосом. Его признание могло подождать, чего нельзя было сказать о нем. Он лег рядом с ней.

– Да. – выдохнула она.

Она не могла найти слов, чтобы описать то, что почувствовала благодаря ему.

– Я люблю тебя, – выдохнула она и поцеловала его плечо.

Джанни произнес что-то громко по-итальянски, вырвался из ее объятий и спрыгнул с постели.

– Так ты – девственница, – раздраженно произнес он и, прищурившись, посмотрел на нее. – Какого черта ты мне об этом не сказала? – спросил он с едва сдерживаемым гневом. Он не мог поверить, что настолько потерял контроль над собой и, возможно, поддался на старый как мир трюк...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Мне и в голову не пришло, – пробормотала Келли. Ее эйфория бесследно исчезла, когда она услышала ярость в его голосе. Над ней склонился не чуткий любовник, каким он был всего минуту назад, а взбешенный мужчина. Он смотрел на нее тяжелым взглядом, и от угрожающего выражения его лица она внутренне содрогнулась. Келли не понимала, что она сделала не так. У нее пересохло во рту. Она облизнула верхнюю губу и отвела взгляд.

– Тебе не пришло в голову! – фыркнул Джанни. Келли ничего не могла поделать с тем, что была девственницей и ей даже не пришло в голову сказать ему об этом.

– Очевидно, я допустила ошибку, – тихо сказала она унылым голосом, с трудом произнося слова дрожащими губами. Ей вдруг ужасно захотелось плакать.

– Вот я, безусловно, допустил, – процедил он сквозь стиснутые зубы, натягивая на себя одежду. – Девственница. – Нахмутив черные брови, он окинул взглядом ее изящное тело, распластанное на кровати. – Да прикройся ты, ради бога!

Электрический свет, который не мешал ей прежде, теперь, казалось, высвечивал ее обнаженное тело. Поспешно сев, она схватила простыню и натянула ее до подбородка.

– Очень сожалею.

Однако не перед ним она оправдывалась, ей было жалко

себя – его реакция превратила то, что она считала прекрасным, в нечто низкое и постыдное.

Теперь Келли все поняла. Джанни хотел развлечься во время отпуска, а она, дуручка, приняла это за любовь, за что-то настоящее...

– Сожалеешь. Ты сожалеешь! – возмутился Джанни. – А как же я? Было бы глупо надеяться на то, что ты принимаешь противозачаточные таблетки. Теперь прикажешь мне через несколько месяцев ждать обвинения в отцовстве?

Едва выпалив это, он понял, что поступает в высшей степени бесчестно. Ему самому следовало позаботиться о безопасности. Но он настолько потерял голову, стремясь обладать Келли, что первый раз в жизни обо всем забыл. Он потерял контроль над собой, и не только это, подумал Джанни, окидывая взглядом ее съезжившуюся на кровати фигурку. Он даже не доставил Келли чувственного удовлетворения, чего никогда не случалось с ним раньше. Это сильно задело его самолюбие. Он должен был подумать, и подумать хорошенько, а он не способен был на это. Келли сидела на кровати, похожая на сломанную куклу.

– Извини, Келли... – Джанни протянул к ней руку. – Мне не следовало этого говорить.

Независимо от того, была ли она ловкой охотницей за богатыми женихами или нет, она не заслуживала его гнева.

Беременность. Отцовство. В то время как она думала о любви, он подсчитывал свои издержки! Кровь отлила от ее

лица. Она поняла, что допустила самую большую ошибку в своей жизни. Как могла она быть такой легковверной, такой беспечной? Келли оттолкнула его руку и соскочила с другой стороны кровати. Обернув простыней свое дрожащее тело, она бросила на него возмущенный взгляд.

– Пожалуйста, не извиняйся. Твое сожаление не может идти ни в какое сравнение с моим.

Она стала собирать свои вещи. Джанни преградил ей путь, когда она направилась к двери:

– Подожди.

Он схватил ее за руку и повернул лицом к себе.

– Зачем? Чтобы услышать все еще раз? – возразила она, борясь с непреодолимым желанием разрыдаться.

– Нет. – Он невесело улыбулся. – Я не такое уж чудо-вище, Келли, хотя думаю, что сейчас тебе трудно поверить в это. Давай одевайся, а потом мы поговорим. – И прежде, чем она успела остановить его, он резко притянул ее к себе и снова поцеловал.

В тот момент, когда его губы прикоснулись к ее губам, знакомое страстное желание огнем разлилось по ее жилам, но не успела она поддаться искушению, как он отстранил ее от себя. Его темные глаза были насторожены.

– Ванная комната там, – показал он пальцем и попытался улыбунуться, но глаза его оставались серьезными.

Снова смущенная своей реакцией, она покраснела и кинулась в ванную. Спустя пять минут, стоя умытая и одетая

перед зеркалом, она пыталась кое-как собрать спутанные волосы в узел. Шпильки остались в постели. Она закусила нижнюю губу, что-бы не расплакаться. Ночь, которая должна была стать лучшей в ее жизни, оказалась самой худшей. Легкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Келли, ты в порядке?

Заботливая нотка в его голосе была равносильна соли, насыпанной па рану.

Набрав в легкие воздуха, Келли распрямила плечи. Усмешка искривила ее губы.

– Уже выхожу, – бодро откликнулась она. Она ни за что не покажет ему, какую сильную боль он ей причинил.

Войдя в спальню, она снова была сражена тем, какое сильное влечение ощутила, лишь взглянув на него. Она едва не застонала. Он стоял у двери и задумчиво смотрел на свою ладонь, сжимающую дверную ручку. Его мужественный профиль с искривленным носом, высокие скулы и твердо очерченные чувственные губы были ошеломляюще красивыми. У нее захватило дух, влечение к нему не ослабело даже сейчас, когда он дал ей ясно понять, что она больше ему не нужна. А возможно, никогда и не была нужна.

– Я отвезу тебя домой, – сказал Джанни ровным голосом, не глядя на нее.

Они сидели в машине молча; у Келли от напряжения страшно разболелась голова. Она искоса взглянула на Джанни. Его смуглое лицо было спокойно, словно его не волнова-

ло ничто в мире. Она знала, что он получил некоторое физическое удовлетворение, даже если она в чем-то и не оправдала его ожиданий.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – неожиданно атаковал ее из темноты голос Джанни.

Она повернула голову.

– На какой вопрос?

– Ты принимала таблетки или существует возможность, что ты можешь забеременеть? – Он мельком взглянул на нее, вопросительно подняв бровь.

– Это в высшей степени нежелательно, – уныло ответила она, прерывисто вздохнув, и тайком скрестила на счастье пальцы.

Крупная рука легла на ее бедро, и она вздрогнула.

– Я позабочусь о тебе, Келли, если это потребуется, – сказал он, но, судя по всему, он предпочел бы, чтобы этого не потребовалось.

Она гневно столкнула его руку со своей ноги, краска залила ее щеки.

– Ничего не нужно. Я в состоянии позаботиться о себе сама.

– Как ты это сделала сегодня? – резко спросил Джанни.

– Замолчи и веди машину, – взорвалась Келли, не желая вступать в пререкания.

Машина свернула к обочине тротуара возле чугунных ворот. Явно решив не въезжать в них, Джанни повернулся на

своём сиденье. Он бросил взгляд на ее изящную фигурку. Келли отодвинулась в самый уголок пассажирского сиденья, чтобы быть как можно дальше от него. С лицом, на котором не было и тени косметики, со свободно падающими на плечи серебристыми волосами, она выглядела такой юной и беззащитной, что он почувствовал угрызения совести.

– Я не собирался причинить тебе боль.

Он вдруг испытал совершенно несвойственное ему желание защитить ее.

Глаза Келли наполнились слезами.

– А ты и не причинил, – выдавила она и стала возиться с ремнем безопасности, чтобы не встретиться с ним взглядом.

– Нет, причинил, и ужасно сожалею. Но я был удивлен. Я думал...

– Ты думал, что со мной все будет просто... Английская туристка. Я знаю, какова у них репутация, – сказала она едко, повернувшись к нему спиной, и попыталась открыть дверцу. Ей хотелось выйти прежде, чем она не выдержит и разревется. Ее тонкие брови напряженно сдвинулись. Как, черт возьми, открывается эта дверца?

– Нет, нет, ничего подобного. – Джанни со вздохом протянул к ней руки. – Ты не понимаешь, Келли. Я не ожидал, что ты девственница, и был в шоке. – Он сомкнул руки вокруг ее напряженного тела и повернул ее лицом к себе. – Но я не хочу, чтобы все у нас закончилось таким образом. – Он убрал несколько прядей волос с ее нахмуренного лба.

Прижатая к его крепкому гибкому телу, она ясно представила, как должна чувствовать себя птичка, загипнотизированная хищным взглядом огромного кота.

– Не хочешь? – спросила она, не осмеливаясь в это поверить.

В его карих глазах мелькнуло что-то похожее на раскаяние. Ей вдруг стало жарко. Джанни стал наматывать ее шелковые волосы себе на палец, не сводя с нее взгляда.

– Нет.

Его взгляд упал на ее влажные губы, и, наклонив голову, он нежно прикоснулся к ним. Достаточно ему было дотронуться до нее, чтобы она вновь растаяла.

Джанни поднял голову и заглянул в ее глаза. Он знал, что породил в ней надежду, и ненавидел себя за это. Он прижал палец к бешено пульсировавшей ямке на ее шее.

– Притяжение между нами оказалось гораздо сильнее того, что я мог предполагать. Я допустил глупость. Под влиянием страсти я отнесся к тому, что должно было быть особым даром, как вор, как ты однажды назвала меня. Я разозлился на себя сильнее, чем ты. Но в следующий раз, клянусь, все будет прекрасно.

Услышав его слова, Келли вдруг все поняла. Этот человек разозлился, потому что решил, что не удовлетворил ее. Любовь в ее сердце разгорелась с новой силой.

– О, Джанни, каждый миг с тобой прекрасен, импульсивно воскликнула она и почувствовала, что тяжесть свалилась

с ее плеч.

– Интересно, это лесть или правда? – подумал он. Он хотел использовать шанс... хотя пока не собирался признаваться ей, кто он. Джанфранко улыбнулся. Она не умела скрывать свои чувства, глаза выдавали ее. А может быть, она – прекрасная актриса, подумал он, наклонил голову и снова поцеловал ее.

– А вот тут Андреа бегают за кошками в Колизее. – Джуди Бертони протянула Келли следующую фотографию.

Они сидели рядышком на софе в гостиной. Перед ними стояла бутылка белого вина. Андреа мирно спал в своей кровати, а синьор Бертони уехал в морской клуб.

Взглянув на Джуди, Келли улыбнулась.

– Похоже, ты великолепно провела время в Риме и прекрасно, без всяких проблем, самостоятельно справилась с Андреа. Я чувствую себя лишней.

– Свекор со свекровью были мною довольны, но твоя помощь все равно необходима.

Джуди, высокая элегантная брюнетка, была до замужества манекенщицей и не относилась к числу самых примерных матерей.

– Меня там не было, – напомнила ей Келли, усмехнувшись.

– Я знаю, – улыбнулась Джуди. – Но Карло заметил разницу. В то время, когда мы были здесь и ты помогала нам, ему

доставалось от меня больше... внимания, скажем так. В Риме я постаралась, чтобы он понял, что все несколько иначе, когда Андреа отнимает мое время и силы. – Она подмигнула Келли. – Теперь, когда мы вернемся в Англию, он наймет няню на полный день. Не понимаю, почему я не догадалась сделать это раньше. Келли рассмеялась.

– Мне кажется, у твоего бедного мужа нет другого выхода.

Когда Джуди хотела чего-то добиться, ничто не могло ей помешать. Келли прекрасно помнила, как настойчиво та преследовала Карло Бертони и заставила его жениться на себе. Джуди сама призналась ей в этом. Карло Бертони был богатым человеком, он возглавлял британское отделение семейного бизнеса по импортно-экспортным операциям.

Кроме того, он был довольно старомодным человеком, типичным итальянским мужчиной. Его мать никогда не нанимала нянь, и он сам не видел причины, по которой и его жена не могла бы сама ухаживать за их ребенком.

– Ну, хватит обо мне, – сказала Джуди. Снова наполнив два бокала вином, она поднесла свой бокал к губам и, слегка прищурившись, взглянула на Келли. – Марта сказала, что ты не устояла перед шармом итальянских мужчин и нашла себе друга. Давай-ка раскалывайся. Где вы встретились? Кто он? Чем занимается?

Келли, не привыкшая делиться с кем-то своими личными переживаниями, вдруг все рассказала Джуди о Джанни.

– Я встретила его на прошлой неделе. Это роскошный, вы-

сокий, темноволосый красавец. Он работает в порту и живет в старом городе.

– Только не это! – воскликнула Джуди. – Надо тебе было влюбиться в одного из местных парней! Побойся Бога, Келли, ты могла бы найти себе кого-то получше, чем простой работяга.

Келли застыла от унижительного комментария Джуди.

– Ты не понимаешь, это любовь, – защищалась она. С ее стороны все было действительно так, а в пятницу вечером, когда она наконец рассталась с Джанни, она была убеждена, что он тоже ее любит. Он сказал, что позвонит ей в понедельник и они встретятся через неделю в уже знакомом им не-большом трактирчике.

– Любовь! – засмеялась Джуди. – Послушай моего совета, Келли: если уж ты решила испытать судьбу, позаботься хотя бы о предохранении.

– Огромное тебе спасибо, – с сарказмом протянула Келли, все больше злясь на то, как скоропалительно Джуди выразила свое негативное отношение к Джанни. Однако в своем положении спорить она не могла: ведь это Джуди наняла ее на работу. Закусив губу, чтобы не наговорить лишнего, Келли поднесла бокал к губам и отпила глоток вина.

Джуди не уловила сарказма в ответе Келли.

– Пожалуйста.

Взглянув на изящные золотые часики на запястье, Джуди взяла пульт и включила телевизор.

Ну и что, если у Джанни мозолистые руки и ему приходится тяжким трудом зарабатывать себе на жизнь? Разве это делает его менее привлекательным? Не сказала бы, подумала Келли. Мечтательная улыбка тронула ее губы. Она живо представила его обнаженное бронзовое тело. Келли едва могла дождаться пятницы: так по нему скучала.

– Интересно, куда это запропастился Карло... что-то он очень задерживается.

Голос Джуди вывел Келли из задумчивости. В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел Карло Бертони.

– О господи! Что случилось? – Джуди вскочила и бросилась к мужу.

Глаза Келли округлились, когда она увидела, в каком состоянии был муж Джуди. Одна рука на перевязи, голова забинтована. В лице ни кровинки. Он страдальчески морщился.

Всему виной была мачта его яхты, которая упала и сломала ему руку. Пришлось ехать в больницу, где ему сделали рентген, наложили пять швов на голову и гипс на руку. Но было очевидно, что он больше страдал не от своих ран, а от того, что не сможет участвовать в соревнованиях, которые состоятся на следующей неделе. Тут Джуди напомнила ему о том, что следующим вечером в Вероне состоится последний оперный спектакль на открытом воздухе, где им отведены почетные места.

На следующий день Карло Бертони наотрез отказался

ехать слушать оперу. У него раскалывалась голова, и он хотел остаться дома с Андреа, предложив Келли поехать на спектакль вместо него. Джуди это мало устраивало, но, поскольку она ни за что на свете не пропустила бы столь важное в светской жизни событие, она согласилась.

Таким образом, Келли, в своем розовом шифоновом платье и расшитом бисером жакете, оказалась в этот вечер, в девять часов, вместе с Джуди на античной арене.

В центре огромной арены, перед оркестровой ямой, около сцены было отгорожено квадратное пространство, заставленное белыми стульями. Пока они пробирались на свои места, Джуди объяснила, что белые стулья предназначены для элиты. Места на серых стульях, позади белых, были пронумерованы, а на древних каменных ступенях, возвышавшихся амфитеатром до самого верха арены, места были нумерованные.

Ночное небо, усыпанное звездами, заменяло крышу. Как всегда перед началом спектакля, атмосфера была наэлектризована. Келли с интересом оглядывала все вокруг. Свободных мест не было, за исключением нескольких пустых стульев перед ними.

– Просто потрясающе.

Она повернулась к Джуди, но ее спутница разглядывала только что прибывших зрителей.

– Вот кого я называю потрясающим. – Джуди повернулась к Келли. – Не правда ли, это самый красивый мужчина, ко-

того ты когда-либо видела?

Проследив за ее взглядом, Келли подскочила на своем стуле.

– Граф Джанфранко Мальдини, самый завидный холостяк в Европе, а возможно, и в мире. Видишь, Келли? Этот человек наделен всем. Какой стиль, какие манеры. Красив как дьявол и неприлично богат.

Келли не могла поверить своим глазам. Человек, проходящий к стульям, стоящим впереди них, был воплощением элегантности. Безукоризненно сшитый темный костюм сидел на нем как влитой. Из-под рукавов пиджака выглядывали манжеты ослепительно белой рубашки, на манжетах сверкали золотые запонки.

Келли тряхнула головой. Нет, этого не может быть...

– Кто это, ты сказала?

Она была совершенно сбита с толку. Мужчина был копией Джанни, но с одной существенной разницей. Он выглядел старше. Не было заметно и искорок смеха, вспыхивавших в глазах Джанни. У этого мужчины было холодное, надменное лицо.

Джуди бросила на нее возбужденный взгляд.

– Граф Джанфранко Мальдини. Их фамильное поместье находится в Ломбардии, а огромные владения – повсюду в мире. Карло знаком с ним и надеется договориться о поставках вина с виноградников Бардолино, принадлежащих графу, в Англию.

Келли зажмурилась в надежде, что видение исчезнет. А когда вновь открыла глаза, увидела, что у этого потрясающе-го красавца нос был так же искривлен, как у Джанни.

– Как, ты говоришь, его зовут? – спросила Келли, все еще не веря своим глазам.

– Джанфранко.

– Разве это не два имени?

– Нет. Джанпауло, Джанкарло, Джанлука – это довольно популярные имена. Особенно в такой аристократической семье, к которой принадлежит Джанфранко Мальдини, – прошептала ей Джуди, и тут, к ужасу Келли, она поднялась и сказала что-то по-итальянски этому человеку.

К горлу Келли подступила тошнота. Это был Джанни, ее Джанни, но таким она его никогда не видела. Высокий и изысканный, он был до мозга костей аристократом.

Почувствовав горькое унижение, Келли съежилась на своем стуле. Ее сердце мучительно сжалось. Он солгал ей, сделал из нее полную дуру.

– А это Келли Маккензи, няня моего сына. Келли, – Джуди обратилась к ней, и Келли ничего не оставалось, как встать, чтобы быть представленной графу Мальдини.

– Ах, Келли. – Его темные глаза улыбнулись ей, и она поняла: он собирается сказать, что они уже знакомы.

Она быстро протянула ему руку:

– Рада познакомиться с вами, граф Мальдини. Она уже и так предстала дуручкой в глазах этого человека, но ни в

коем случае не должна допустить, чтобы ее глупость стала очевидной Джуди Бертони. Ее рука утонула в его ладони, и, удивленно посмотрев на нее, он поднес ее руку к своим губам. Она почувствовала, как ее пронзило током до самых пят, и он, дьявол, понял это, и по его смеющимся глазам было видно, что он потешался над ней.

– Как вам правится наша страна? – вежливо спросил он.

– Очень милая страна.

Она была почти в шоке, но суровое испытание для нее еще не закончилось. Он представил ее и Джуди двум женщинам, которые были с ним.

Его мать, седовласая дама лет шестидесяти, хотя выглядела она значительно моложе, мельком взглянула на Келли и произнесла что-то приличествующее случаю.

Другой даме было лет тридцать. Она была красива и великолепно одета. Одна ее рука покоилась на руке графа, другую она протянула Келли. Это была его невестка Оливия Мальдини.

– Попасть сюда – большая честь для всякой няни, добавила Оливия после общепринятого приветствия. Она оглядела Келли своими темными глазами, и покровительственная улыбка тронула ее тонкие губы.

– Вы правильно заметили, – резко ответила Келли, которая неожиданно обрела самообладание. Шок, заставивший ее онеметь сначала, прошел, уступив место нарастающему гневу. – Только я не совсем няня. Я закончила университет и

нашла себе занятие на лето, прежде чем начну осенью работать в химической научно-исследовательской лаборатории.

Сердито сверкнув глазами, она снова посмотрела на Джанни – нет, не на Джанни, напомнила она себе, а на графа Джанфранко Мальдини. Высокомерие и надменность этого человека потрясли ее.

Краем глаза она видела, что Джуди, метнув на нее сердитый взгляд, сказала что-то Оливии по-итальянски. Вероятно, извинилась за невоспитанность своей няни, подумала Келли, клокоча от злости.

– Однако бывают такие ситуации, когда не успеваешь сообщить правду, – криво усмехнулся Джанни, заметив ее состояние.

А чего он ждал? Он был настолько изумлен, увидев Келли, что уступил ее желанию сделать вид, что они незнакомы. Ужасающая ошибка. Он должен был сразу же заявить, что знает ее. Черт! Кого он пытался обмануть? Он должен был сказать ей с самого начала, кто он, и, уж конечно, до того, как затащил ее в постель... Ничего удивительного, что она в ярости. Но сейчас не время и не место для каких бы то ни было объяснений.

– Извините нас, пора уже занять свои места, но, возможно, потом... – обратился Джанфранко к Джуди Бертони, – вы с Келли захотите присоединиться к нам и поужинать вместе?

Келли задрожала при мысли о том, что ей предстоит провести время в его обществе. Она уже видела, как Джуди об-

радованно принимает приглашение.

Келли была бы не в состоянии ужинать в присутствии этого человека. Она все больше осознавала глубину его обмана. Это был совершенно чужой для нее человек...

Она вспомнила тот день, когда он представился как Джан-Франко, а она назвала его синьором Франко. Если бы он засмеялся и все ей объяснил, ничего бы не произошло...

Глубоко вздохнув, Келли уныло напонила себе о том, что она давно уже взрослая женщина, а не неразумный подросток. Она должна Вы уже разбираться в людях, чтобы не попадать в подобное положение. В том, что любовь ослепила ее, она сама виновата. И вдруг Келли услышала, как Джуди сказала, обращаясь к графу Мальдини:

– Оливия права, и хотя мы бы с удовольствием присоединились к вам, я вынуждена отказаться. Мой муж плохо себя чувствует. По его настоянию я не пропустила сегодняшнего спектакля, но после должна возвратиться домой как можно скорее.

– Разумеется, – согласился граф Мальдини. – Возможно, в следующий раз.

Все сели на свои места, и Келли тоже опустила на свой стул. Заиграл оркестр.

– Дрянь, – Прошептала Джуди сквозь зубы.

– Что-о? – возмутилась Келли.

– Да не ты, дурочка! Оливия Мальдини. Я рассказала ей о том, что случилось с Карло, и она заявила, что я должна быть

дома и ухаживать за ним. Решила заставить меня таким образом отказаться от приглашения на ужин. С тех самых пор, как три года назад не стало ее мужа... – Джуди бросила на Келли насмешливый взгляд, – ходят слухи, что она не прочь выйти замуж за его младшего брата. Она явно увидела в тебе и во мне соперниц. Уверяю тебя, что у нее ничего не выйдет. Джанфранко встречается с некоторыми... с множеством... – поправились она с многозначительной улыбкой, – самых красивых женщин. Трудно представить, чтобы он остановил свой выбор на этой даме. В ней нет ничего особенного.

С болезненным вниманием Келли следила затем, как Джанфранко и его спутницы занимали свои места в первом ряду.

Позже Келли не смогла вспомнить ни одной сцены из оперы «Дон Джуованни».

Голос Джуди долетел до нее откуда-то издалека:

– Скорее, Келли. Мы должны перехватить графа на выходе. Я хочу пригласить его на ужин. Это может помочь Карло наладить с ним деловые отношения.

Джуди вскочила со своего места.

У Келли не было ни малейшего желания снова разговаривать с этим графом, и, пытаясь оттянуть время, она нарочно уронила сумочку на пол. Наклонившись, она стала шарить по полу, делая вид, что что-то потеряла, а когда наконец выпрямилась, Мальдини и его спутницы уже ушли.

Келли надеялась, что на этом ее испытания закончились,

но не тут-то было. Не успели они вернуться на виллу, как Джуди, увидев, что ее муж уже лег и уснул, настояла, чтобы они с Келли выпили по бокалу вина и поболтали о графе.

По-моему у нас сохранился прошлогодний журнал, посвященный его жизни. Он дал разрешение на эту публикацию при условии, что журнал пожертвует крупную сумму в пользу жителей одного городка на берегу реки По, который был почти стерт с лица земли в результате оползней.

Это была настоящая пытка для Келли. Она осушила свой бокал, и впервые в жизни ей захотелось выпить целую бутылку, чтобы забыть этот ужасный вечер в театре.

Но когда Джуди положила на стол популярный итальянский журнал и начала показывать снимки, стало еще хуже.

Громадное фамильное загородное поместье, апартаменты в Нью-Йорке и Риме, океанская яхта в Генуэзском заливе. Но что окончательно добило Келли, так это фотография охотничьих угодий на холме над озером Гарда.

Она узнала то место, тот дом, куда он привез ее в прошлую пятницу. Дом, принадлежавший, по его словам, компании, в которой он работал. На другом снимке Джанни сидел на мотоцикле и беседовал с каким-то вооруженным человеком – очевидно, охранником.

Она скорчилась от боли и унижения, тошнота подступила к горлу. Это был тот самый человек, который застал их, почти обнаженных, у озера на прошлой неделе; тот самый человек, с которым Джанни разговаривал. Когда она счита-

ла, что у них будут неприятности из-за вторжения на чью-то частную территорию, Джанни, должно быть, смеялся до упаду над тем, как легко одурачил ее.

– Ты в порядке? – спросила Джуди, обратив внимание на затянувшееся молчание Келли.

– Я неважно себя чувствую. Вероятно, от вина. Пожалуй, мне лучше пойти лечь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чувствуя себя совершенно разбитой, Келли решила принять душ, включила воду и встала под успокоительный водопад. Ее слезы смешивались с водой. Господи, какая ужасная ночь! Какая ужасная неделя!

Она должна была знать, что встретить мужчину своей мечты – несбыточная надежда.

Ей следовало довериться своему первому впечатлению. У этого человека было что-то недоброе на уме. Она правильно это почувствовала! Он оказался лживым и повел себя предательски.

Келли вздохнула. То, что она узнала правду, не принесло ей облегчения. Ей было больно, по-настоящему больно, но винить в этом некого, кроме себя. Она позволила себе попасть под обаяние его внешности и манер, в то время как он просто... Ничего удивительного, что он пришел в ужас, когда узнал, что она девственница и ее возможная беременность стала для него реальной угрозой. Его тогдашнее возмущение и саркастическое замечание насчет отцовства теперь обрели подлинный смысл. Уж если граф Мальдини когда-нибудь и надумает жениться, то его избранницей станет богатая и знатная итальянка, а не какая-то безвестная сирота.

Выключив воду, Келли вышла из-под душа. Она чувство-

вала смертельную усталость, у нее разламывалась голова, и ее единственной мечтой было поскорее уснуть. Она вошла в спальню и легла в постель. Но сон долго не шел к ней.

Стоило ей закрыть глаза, как перед ее мысленным взором появлялся Джанни... Нет, не Джанни... Граф Жанфранко Мальдини, постоянно повторяла она себе, а когда в сотый раз пережила его обман, наконец, наплакавшись до изнеможения, уснула.

На следующее утро, в семь часов, смеющийся Андреа прыгнул к Келли на кровать. Она взглянула на малыша затуманенным взором и, вяло улыбнувшись, заставила себя встать. По опыту она знала, что его родители проспят еще не меньше часа, и, умыв и причесав Андреа и приведя себя в порядок, спустилась вниз, на кухню.

Спустя пятнадцать минут Келли сидела за столом и с улыбкой наблюдала за ребенком. Этот прелестный мальчуган, съев тарелку кукурузных хлопьев и выпив стакан апельсинового сока, намеревался слепить из куска хлеба того сказочного зверька, который был нарисован на пакете с хлопьями. Его откровенная радость от такого бесхитростного занятия отодвинула куда-то ее проблемы.

– Ну, молодой человек, – Келли встала, – как насчет того, чтобы...

Ее слова прервал телефонный звонок. Она пересекла комнату, подошла к висевшему на стене телефону и сияла трубку.

– Пронто, – произнесла она обычное приветствие.

– Келли? Келли, это ты? – Она безошибочно узнала глубокий голос Джанфранко Мальдини.

На секунду она онемела. Первым поползновением было повесить трубку, но тут ей на помощь пришел гнев.

– Кто это говорит? Вам кого? – спросила она.

– Джанфранко. Тебя, конечно, – протянул он севшим голосом. – Послушай, Келли, я могу понять, почему ты злишься, но поверь мне, пожалуйста, я собирался сказать тебе...

– По крайней мере ты назвал мне свое настоящее имя, – горько оборвала она его. – Я, видимо, должна быть благодарна тебе, но знаешь, по какой-то странной причине не испытываю благодарности. Видимо, это как-то связано с тем, что я легла в постель с незнакомцем, а может быть, просто старомодная привычка верить в искренность – о чем ты, очевидно, понятия не имеешь.

Костяшки ее пальцев, вцепившихся в трубку, побелели, она была в ярости. Как у него хватило совести позвонить ей?

– Послушай меня, Келли, – требовательно сказал Джанни. Ее последнее замечание было оскорбительным, чего он не мог вынести. Никто никогда до сих пор не ставил под сомнение его честность. – В мои намерения не входило обманывать тебя. Со дня нашей встречи я пытался назвать тебе свою фамилию, а ты, с присущей тебе поспешностью, сразу выскочила со своим «Привет, синьор Франко». Ты все время слишком торопишься.

– Ах, понятно! Так это я виновата. За целую неделю ты не успел сказать мне, что ты не портовый рабочий, а граф Жан-франко Мальдини. Интересно, почему? Не потому ли, что ты стыдишься общаться с простыми людьми, высокомерный сноб? – Келли прорвало. С той минуты прошлым вечером, когда она узнала, кем на самом деле был ее так называемый друг, ее чувства разрывались между болью и унижением, но теперь она ощущала только злость. – То, что ты все время возил меня по разным укромным местечкам, обрело смысл. И конечно, как я могу забыть твой ужас, когда тебе стало ясно, что я не обладаю определенным опытом? А твое беспокойство по поводу того, что я могу предъявить тебе обвинение в отцовстве?

– Нет! – взорвался он. – Прекрати немедленно. – Его резкий тон заставил Келли присмиреть. – Я пытаюсь быть благоразумным, но ты плохо помогаешь мне в этом. Я приношу свои извинения за недоразумение с моей фамилией, но это – единственное, за что я извиняюсь. Вчера вечером я был готов признаться, что мы друзья, но ты снова взбрыкнула и показала, что не хочешь этого. Потому я и пошел у тебя на поводу.

Он был прав, по слово «друзья» резануло ее.

– Может быть, и так, но это не смягчает твоей вины в том, что ты скрыл, кто ты на самом деле.

Она должна была нападать, чтобы сохранить злость, но от одного только звука его голоса ее ноги становились ватными.

– Возможно, но я – тот самый Джанни, с которым ты встречалась, тот самый Джанни, который хочет увидеть тебя в пятницу.

Он все еще хочет видеть ее? Эта мысль на мгновение смутила Келли.

– Но ты – граф.

– И кто из нас после этого сноб? – насмешливо протянул Джанни. – Если для меня это не имеет значения, почему это волнует тебя?

Слабая надежда вспыхнула в ее сердце, и на секунду она задумалась. Здравый смысл одержал верх.

– Келли! Келли, ты меня слышишь? – настойчиво спросил Джанфранко.

– Да. А откуда ты звонишь? – спросила она с сарказмом. – Кажется, ты собирался в Геную? Однако я могу поклясться, что видела тебя в Вероне вчера вечером.

– Твой сарказм неуместен, Келли. Я знаю, что допустил ошибку. При встрече все тебе объясню. А сейчас я не могу говорить, так как должен успеть на рейс в Нью-Йорк. Мне пришлось отложить этот полет на неделю, чтобы быть с тобой. Разве это ничего не значит?

Джанфранко Мальдини и сам не мог поверить в то, что буквально умолял девушку о свидании.

– Тогда не буду тебя больше задерживать. Какой смысл продлевать свои мучения? Джуди говорила ей о его бесчисленных дамах сердца, и, даже если бы ей удалось смириться с

его стилем жизни, Келли это не нужно. В конечном счете она хотела выйти замуж, а не стать на несколько недель очередной игрушкой богатого мужчины. Джанфранко откашлялся.

– Так ты встретишься со мной в пятницу, как мы договаривались?

Он затаил дыхание в ожидании ее ответа.

– Нет, – решительно сказала Келли. – Чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что прошлая пятница была ужасной ошибкой. Лично я собираюсь извлечь из этого урок и вообще забыть о том, что мы когда-то встречались. Советую и тебе сделать то же самое.

Она бросила взгляд на Андреа. Тот беспокойно ерзал в своем высоком стульчике.

– Дио! Келли! – Терпение Джанфранко лопнуло. Эта женщина уже нанесла достаточный удар по его самолюбию, и не стоило напоминать ему о том, что он потерпел поражение в постели. – Либо ты явишься в пятницу, либо я приеду к Бертони и заберу тебя. Ясно? – закричал он. Он не привык, чтобы его приказам не подчинялись.

Андреа, открыв рот, испуганно следил за Келли.

Он никогда раньше не видел, чтобы она так сердилась. Заметив его испуг, Келли заставила себя успокоиться. Она не хотела, чтобы мальчик волновался.

– Да. Хорошо, – тихо произнесла она.

Келли повесила трубку. Как бы не так, подумала она, подходя к мальчику, чтобы взять его на руки и прижать к себе.

Скатившаяся из ее глаз слезинка защекотала малышу шейку.

Джанфранко убрал телефон в карман и широкими шагами направился сквозь толпу к выходу на посадку. Ему еще никогда не приходилось уговаривать женщину встретиться. К тому же он не вполне уверен в своих чувствах к ней. Его твердо очерченные губы скривились в гримасе. Что ж, это последняя попытка. Если Келли придет в пятницу вечером – хорошо. Если нет – он не станет добиваться ее. Приняв такое решение, он, широко улыбаясь, предъявил свой посадочный талон служащей аэропорта, не соизволив осчастливил ее.

– Кто звонил? – поинтересовалась Джуди, входя на кухню в синем атласном халате.

– Это мне, – пробормотала Келли, державшая на руках Андреа.

– А, твой дружок, – сказала Джуди и, подойдя к Келли, забрала у нее Андреа. – А это мой любимый дружок, – сказала она, поцеловала сына и поставила его на пол.

Келли улыбнулась. При всех своих недостатках Джуди была любящей матерью.

– Не стоит расхаживать вокруг с глупой улыбкой на лице, Келли, – сказала Джуди, совершенно неправильно истолковав причину этой улыбки. – Послушай моего совета и брось этого своего местного воздыхателя. Ты привлекательная женщина, и тебе следует поднять планку повыше. Обрати свое внимание на кого-нибудь вроде графа Мальдини. Это – стоящее приобретение. Вчера вечером мне показалось, что

он проявляет к тебе интерес, – заметила Джуди. – Правда, даже если тебе удастся заполучить его, удержать его будет целой проблемой. – Она налила себе кофе и вышла.

Слова Джуди заставили Келли задуматься. Она ведь неглупая, образованная и несколько не хуже других. Джанфранко – граф. Ну и что? Возможно, она слишком бурно прореагировала на все? Он позвонил сегодня утром, как и обещал. Все еще хочет встретиться с ней и все объяснить – во всяком случае, так говорит. Он, безусловно, заслуживает того, чтобы его выслушали, не сноб же она в самом деле, какой сказал.

К утру Келли приняла решение: она встретится с Джанфранко в пятницу.

В четверг днем Келли сидела в самолете, улетавшем в Англию. Ее радовало, что она возвращается домой, к реальной жизни. Во вторник Карло Бертони объявил ей, что в ее пребывании в Италии нет больше необходимости, поскольку, раз ему не суждено принять участие в гонках, он может вернуться на работу в Лондон. Он великодушно предложил Келли задержаться на время, оставшееся до конца контракта, который истекал через десять дней, и отдохнуть. Марта, во всяком случае, остается на этот срок. Келли радостно приняла его предложение.

Но в среду утром, просматривая газету, Келли наткнулась на снимок, сделанный в понедельник вечером на приеме в Нью-Йорке. На этом снимке граф Мальдини держал под ру-

ку какую-то ослепительную рыжеволосую красавицу. Келли не могла больше обманывать себя. Любовное приключение осталось позади, и не было никакого смысла тешить себя иллюзиями. Наступило время прервать всякие отношения с графом Мальдини.

В четверг вечером она распрощалась с Карло Бертони в аэропорту Хитроу. Он направился в свой лондонский дом, а Келли в свое семейное гнездо – не-большой дом в предместье Борнмута.

– Ты беременна, – объявил ей доктор, и Келли ахнула. Нарушения цикла случались у нее и раньше. К тому же она не испытывала ни головокружения, ни тошноты. Не было никаких других признаков, сопутствующих беременности. Она просто чувствовала легкое недомогание, причиной которого считала свои бесконечные слезы из-за Джанфранко. Только месяц назад, осознав, что с трудом застегивает молнию на джинсах, она набралась мужества и обратилась к врачу. Когда доктор Джонс подтвердил ее подозрения, она испытала настоящий шок. – Тебе следовало обратиться ко мне немного раньше, Келли. Правда, ничего страшного не произошло, ты в отличной форме. Как я понимаю, отца ребенка на горизонте не видно? – осторожно поинтересовался доктор. Он знал стоявшую перед ним девушку с самого ее рождения. На его глазах при родах умерла ее мать, потом от рака скончался отец, а теперь вот это. – Судя по всему, ты на тринадцатой неделе беременности.

– Да, должно быть так. Спасибо, доктор Джонс. Келли вышла из кабинета, сжимая в руке талон на внутриутробное исследование.

Она сидела в кафе самого большого в Борнмуте универсального магазина и думала о том, что ничего хуже в ее жизни уже произойти не могло. Но, оказывается, могло.

Откуда ни возьмись вдруг возникла Джуди Бертони, приехавшая на один день к своим родителям. Келли прокляла себя за то, что сняла пальто и повесила его на вешалку. Следующие полчаса она провела, размышляя, как встать, чтобы не стало заметно, что она слегка округлилась. Узкая шерстяная трикотажная юбка и такой же свитер не слишком скрывали это. Однако встать ей пришлось очень скоро, поскольку одним из побочных признаков беременности была частая потребность наведываться в туалет.

Наблюдательная Джуди немедленно заметила все, и Келли пришлось выслушать пространную речь подруги о том, какой ошибкой с ее стороны было встречаться с итальянским парнем.

Келли уже готова была выпалить, кто отец ребенка, но сумела вовремя обуздать себя. Джуди, словно мать Тереза, обещала поддерживать с ней контакт и присылать ей вещи, из которых вырос Андреа. Келли следовало бы испытывать благодарность за это, но она ее не испытывала. Она лишь чувствовала, что стала слабой, толстой и что все ей опротивело.

Холодным январским вечером в пятницу она возврати-

лась с работы с ощущением, что потолстела еще больше и что ей все надоело. Приняв освежающий душ и поужинав цыпленком с жареной картошкой, она устроилась на софе и приготовилась провести спокойный вечер. Включив плеер с музыкой Моцарта, она прижала наушники к своему животу.

Где-то она прочитала, что музыка оказывает благотворное влияние на еще не родившегося ребенка.

В дверь позвонили.

– Ну вот! – с досадой процедила она и, поднявшись с софы, медленно направилась к двери.

Вероятно, это Маргарет. Пока Келли находилась в Италии, соседний дом был продай. Ее новой соседкой оказалась незамужняя женщина средних лет, на попечении которой были старенькая мама, страдающая болезнью Альцгеймера, и холостой брат, Джим. Маргарет частенько обращалась к ней с разными просьбами.

– Иду, – крикнула Келли, когда звонок зазвенел снова. – Пожар, что ли? – пробормотала она себе под нос, открывая дверь.

За порогом стоял Джанфранко.

– Ты всегда открываешь дверь, не поинтересовавшись, кто пришел? – спросил он, осуждающе нахмурившись.

В первую секунду ее синие глаза округлились, сердце радостно забилося, но она тут же опомнилась. Столько дней она пыталась убедить себя, что забыла его, выбросила из головы и из сердца. Но, когда увидела его, элегантно одетого и

красивого, как всегда, с волосами, взъерошенными зимним ветром, она сразу же поняла, что ей это не удалось.

– Почему это должно тебя беспокоить? – фыркнула она, злясь на себя за то, что проявляет такое малодушие.

Джанфранко внимательно оглядел ее, задержавшись взглядом на копне светлых волос, на легких тенях под сапфировыми глазами. Казалось, ее не обрадовал его приход. Опустив взгляд на ее вздымающуюся под нежно-голубой тканью свитера грудь и еще ниже, на немного округлившийся живот, он понял почему. Значит, это правда... Он глубоко вздохнул.

– Твоя безопасность – это главное, что меня беспокоит. Ты – мать моего ребенка, – решительно сказал Джанфранко, входя в холл и закрывая за собой дверь.

Кровь отхлынула от лица Келли, почти в шоке она уставилась на человека, возвышающегося над ней. Джанфранко здесь, в ее доме, и знает, что она носит под сердцем его ребенка...

– Но... как?... – Она покачнулась, вдруг почувствовав слабость.

– Давай сядем. – Джанфранко взял ее за руку. – Тебе вредно стоять в холодном холле в твоем состоянии. – Он уверенно, словно это был его дом, повел ее в гостиную.

– Подожди минуту, – наконец выговорила она дрожащим голосом.

– По-моему, мы и так уже ждали слишком много минут...

точнее, месяцев, – он многозначительно посмотрел на ее живот. Наклонившись и взяв ее за руку, он подвел ее к софе и усадил.

Его близость, знакомый мужской запах, присущий только Джанфранко, заставили ее сердце учащенно забиться, краска залила щеки. Стоило ему только дотронуться до нее, даже до такой толстой, беременной, как ее тело моментально отреагировало.

– Как ты нашел меня... и откуда узнал, что я беременна? – запоздало спросила Келли. Она смотрела куда-то через его левое плечо, чтобы не встретиться с ним взглядом. Тот факт, что он признавал ребенка, которого она носит под сердцем, своим, не спрашивая ее ни о чем, ошеломил ее. Джанфранко был не из тех людей, которые делают что-то без причины. Почему же он нашел ее и пришел сюда? Ведь он достаточно ясно высказался по поводу нежелательной беременности в тот вечер, когда они занимались любовью. В своих тайных мечтах она иногда представляла, как он возникнет на пороге ее дома и объявит о своей любви к ней. Но сознание подсказывало, что, скорее все-го, он просто удостоверится, что она действительно беременна, возможно, предложит чек и, безусловно, скроется – уже навсегда.

– Я был на банкете на встрече Нового года в Риме. Встретив там Джуди Бертони, я, естественно, спросил о тебе. Она сообщила мне, что ты не устояла перед обаянием какого-то парня из Дезенцано и что ты беременна, – просто сказал он.

– Ты же не сообщил ей, что это был ты? – тревожно спросила Келли. Чем меньше людей будет знать о том, какая она идиотка, тем лучше.

Он насмешливо поднял темную бровь.

– Я же не законченный дурак, Келли. Я должен был сначала поговорить с тобой. Но мне потребовалась вся моя воля, чтобы не попросить у нее твой адрес, – сказал Джанфранко. – Пришлось нанять частного детектива, чтобы выяснить, где ты живешь. И вот я здесь. – Он сжал ее руку.

Келли проглотила подступивший к горлу ком. Какой потрясающий мужчина. Это не для нее, попыталась она убедить себя, но разбушевавшиеся гормоны не слушались ее.

– Ты выслеживал меня? Ты так поступаешь со всеми своими подругами? – отрывисто спросила она, ощущая, как взволновало ее тепло его ладони. Неужели только она почувствовала, как наэлектризовалась атмосфера? – подумала Келли, нервно кусая нижнюю губу. Хотя, если вдуматься, она не могла не чувствовать себя польщенной тем, что он нанял детектива, чтобы найти ее. Тем не менее настороженность не покидала ее – она не доверяла ему. – Так что привело тебя сюда? – бодрым тоном спросила она и, наклонив голову, посмотрела на него снизу вверх. От торжествующего блеска, который она увидела в его темных глазах, у нее мороз пробежал по коже. Келли вдруг поняла, что сама знает ответ на этот вопрос, и немедленно высказала вслух свои опасения. – Если ты надеешься, что я сделаю аборт, можешь

забыть об этом! – прошептала она, и ее синие глаза вспыхнули огнем. – Это мой ребенок, я сама несу за него ответственность, а ты можешь убираться.

– Дио! Ты, как всегда, торопишься с выводами. – Джанфранко вскочил на ноги и, сорвав с себя пальто, бросил его на стул. Он кипел от злости. После нескольких месяцев борьбы со своим страстным желанием обладать Келли он решил разыскать Джуди Бертони и обо всем ее расспросить. И когда Джуди рассказала ему о том, что Келли забеременела от одного местного итальянского парня, он сразу понял, кто отец будущего ребенка. А впал в ярость оттого, что Келли не сказала ему об этом сама. – Как у тебя поворачивается язык говорить мне такое? возмутился он. Она увидела неприкрытый гнев в его глазах и что-то еще, чего не поняла. – Возомнить, что я захочу убить собственного ребенка! Каким же чудовищем ты меня представляешь! Что я сделал, что ты обо мне такого низкого мнения?

– Выдавал себя за другого, – вставила Келли. Он застыл посреди комнаты.

– Значит, я должен теперь расплачиваться за одну глупую ошибку всю жизнь? Не потому ли тебе не пришло в голову сообщить мне, что у тебя будет ребенок? – напряженно спросил он. – Поэтому ты не явилась на свидание в пятницу? – С каждым вопросом он подходил к ней все ближе. – Поэтому ты обвиняешь меня в том, что я хочу убить собственного ребенка? – с горечью спросил Джанфранко. – Его темные глаза

горели презрением. – Ты хочешь мне отплатить? Боже мой, я был о тебе лучшего мнения, Келли.

– Ты действительно сдержал слово и пришел на свидание? – Келли была ошеломлена. Вспышка ее гнева бесследно прошла. Последние месяцы она все время думала, как унизил ее этот человек. В самый тяжелый момент, когда подтвердилась ее беременность, у нее было искушение позвонить ему. Однако, стоило ей вспомнить, как он рассердился, когда в момент их близости обнаружил, что она не приняла никаких защитных мер, она отбросила эту мысль. Значит, он не был законченным негодяем, каким она его представляла.

Джанфранко продолжал с яростью:

– Сдержал слово? Да я прождал всю ночь и напился до беспамяतства. А где была ты, экономка сказала мне на следующий день. Вернулась в Англию, отказавшись от бесплатного отпуска. Вот как тебя это волновало!

Так он действительно беспокоился о ней? Это открытие было для Келли столь же поразительным, сколь чарующим.

– Тебе нечего мне сказать? Это меня не удивляет, – протянул Джанфранко со злой усмешкой. – Ты использовала меня, забеременела и укатила назад, в Англию, не сказав мне ни слова.

– Нет, все было вовсе не так, – выпалила Келли. – Я собиралась встретиться с тобой в пятницу, но... – Она замолчала и нервно провела языком по пересохшим губам.

Джанфранко удивленно поднял черные брови. Та Келли,

которую он знал, всегда была предельно искренней.

– И что же произошло, Келли? – ласково спросил он и, сделав еще шаг, сел на софу рядом с ней. Протянув руку, он обнял ее за плечи и осторожно прислонил спиной к мягкой диванной подушке. – Скажи мне...

Злость, подумал он, плохой помощник в отношениях с Келли, она слишком независима, а вот несколько толковых вопросов могут помочь.

Их взгляды встретились, и у нее перехватило дыхание. Его близость действовала ей на нервы.

– Я... я... – Келли запнулась.

– Ну-у, – подбодрил он, гипнотизируя ее взглядом горящих темных глаз.

Сказать ему? Все равно она не умеет ничего скрывать.

– В среду я увидела в газете снимок, на котором был ты со своей последней пассией – неотразимой рыжеволосой красоткой. Снимок был сделан за два дня до этого в Нью-Йорке, – призналась она.

Джанфранко обомлел. Слегка откинувшись назад, он долго недоверчиво смотрел на нее.

– Ты приревновала... – заявил он и впервые широко улыбнулся самодовольной улыбкой.

– Ничего подобного, – решительно возразила Келли, но яркий румянец, вспыхнувший на ее щеках, говорил об обратном.

Не сводя с нее глаз, Джанфранко убрал руку с ее плеча,

обнял ее за талию и притянул к себе.

– Неважно, – тихо пробормотал он и прижался к ее губам долгим, медленным, чувственным поцелуем.

У нее закружилась голова и остановилось дыхание. Когда он наконец поднял голову, она пробормотала:

– Зачем ты сделал это?

Джанфранко притронулся кончиком пальца к отчаянно пульсирующей ямке на ее шее.

– Чтобы ты поняла, что я все еще желанен для тебя, – протянул он севшим голосом. – Необходимая предпосылка, чтобы стать моей женой. Взяв ее за подбородок, он добавил: – А мы с тобой поженимся, Келли.

Разыскивая Келли, Джанфранко убеждал себя, что хочет лишь удостовериться в том, что она ни в чем не нуждается. В первый момент он был удивлен своим внезапным предложением пожениться не меньше, чем Келли. Но теперь это решение казалось ему единственно разумным. Его мать будет довольна – она давно уговаривала его жениться и произвести на свет наследника. Поскольку Келли уже беременна, не будет никаких сомнений относительно ее способности к деторождению, как в случае с бедняжкой Оливией. Да, это решение было правильным.

Келли тупо уставилась на него, не веря своим ушам, а он наклонился к ней и, жарко дыша в щеку, подсунул руку под ее ноги. Она оказалась лежащей на софе.

– Подожди.

Джанфранко снова поцеловал ее.

Сопrotивляясь, она обеими руками уперлась ему в грудь, чтобы оттолкнуть от себя. Но как только она почувствовала, как бьется его сердце, ее руки сами обвили его шею. Ее губы инстинктивно раскрылись в безудержной, так долго сдерживаемой страсти.

Его рука скользнула под ее свитер, и Келли задрожала. Огонь разлился по ее жилам, и она забыла обо всем па свете.

Он наклонил голову и прижался губами к ее губам.

– Джанфранко, – простонала Келли, испытывая почти болезненное наслаждение.

Он посмотрел ей в глаза.

– Я не сделал тебе больно? С ребенком все в порядке?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ребенок! Словно холодный душ окатил ее раскаленное тело. Пытаясь сесть, Келли уперлась в могучую грудь Джанфранко.

– Не наваливайся на меня.

Джанфранко отшатнулся, помог ей сесть и опустил ее свитер.

– Я дал себе слово, что не наброшусь на тебя, Келли, но одного взгляда было достаточно, чтобы меня неодолимо потянуло к тебе, – сказал он хрипло. – Несмотря даже на этот чудесный бугорок. – Он положил свою большую ладонь на ее живот, и в этот момент ребенок шевельнулся. – Он шевелится! – воскликнул Джанфранко, в восхищении уставившись на ее живот. – Просто не могу дождаться, когда мы поженимся и я буду как следует заботиться о вас обоих. – Он поднял голову. – Я не навредил тебе или ребенку?

– Нет, нет, не навредил, – важно сказала Келли. Она не хотела лгать ему, но и позволять одержать легкую победу над собой тоже не собиралась. Самонадеянность этого человека злила ее. Она не видела его почти пять месяцев, и вот теперь, снова ворвавшись в ее жизнь, он предложил жениться на ней – так, словно делал ей одолжение. – Что касается женитьбы – в этом нет никакой необходимости, – резко сказала она.

Она была ему не нужна, его интересовал только ребенок!

Келли поднялась с софы, взглянула на продолжавшего сидеть Джанфранко и едва не рассмеялась, увидев недоумение в его темных глазах.

– Я прекрасно обойдусь без твоего царственного жеста: я вполне в состоянии сама позаботиться о своем ребенке, – спокойно сказала она и предложила: – Не хочешь выпить кофе на дорожку?

Прежде чем она успела сделать шаг, Джанфранко вскочил с софы и схватил ее за плечи.

– О чем это, черт возьми, ты говоришь, Келли? При чем тут царственный жест? Какая царственность? Да во мне ее нет ни грамма. Тебя беспокоит мой титул? Мне следовало догадаться, что ты не такая, как большинство моих знакомых дам, кому это очень нравится. – Он сжал ее плечи. – Я никогда не стремился иметь титул и даже не ожидал, что когда-нибудь удостоюсь его. Это право принадлежало по рождению моему брату. Но три года назад он погиб во время крушения яхты, и его титул перешел ко мне. Неужели ты серьезно считаешь, что мне доставило удовольствие отказаться от той независимости, которую мне обеспечивала моя работа? Мне пришлось взвалить на себя груз забот о семейных владениях, работать с удвоенной нагрузкой и удвоенной ответственностью. Тот день, когда я встретил тебя, был первым за три года, когда я взял неделю отдыха и впервые вернулся в Дезенцано после смерти брата.

– Почему ты все это рассказываешь?

– Потому что с той минуты, как я увидел тебя, такую красивую, такую беззаботную, я решил забыть обо всем, наслаждаться отпуском и постараться узнать тебя. Так что ты в некотором смысле права: мне следовало сказать тебе, кто я такой, но тогда мне просто хотелось развлечься. Неужели так трудно это понять?

Келли никогда не мечтала о богатстве. Ей нравилась ее жизнь, и она была вполне счастлива. Однако она понимала, что огромное богатство влечет за собой и огромную ответственность.

– Да нет, наверное. – Слова о том, что он считал ее красивой, были бальзамом для ее израненного сердца, и она постепенно отходила от того потрясения, которое испытала, увидев его снова. – Но брак? Это совсем другое, – подумала она, не заметив, что произнесла это вслух.

– Да, брак, Келли, – прервал ее мысли Джанфранко и крепче прижал ее к себе. – Ты выйдешь за меня и родишь мне ребенка. Не для того я несколько месяцев сходил с ума по одной белокурой маленькой злючке, чтобы быть ею отвергнутым. – Он по-хозяйски провел рукой по ее дрожащему телу и задержался на животе. – Ты моя, и этот ребенок тоже мой, – спокойно сказал он и улыбнулся.

Как это ему удавалось? Только что он вел себя оскорбительно и вызывающе, а минуту спустя нежно улыбался.

Он вновь прижался губами к ее влажным губам. Его рука скользнула вниз по ее спине. Она почувствовала прилив его

страсти.

Келли попыталась держаться стойко, но ее тело стало podatливым в жарких объятиях Джанфранко.

– Ты мечтаешь обо мне, я о тебе. Что тут еще сказать? – выдохнул он.

– Джанни, – беспомощно пробормотала она. Он чувствовал, что она вся дрожит.

– Ты назвала меня Джанни. Не забыла. – Он пристально смотрел в ее затуманенные глаза, и ему захотелось овладеть ею прямо здесь и сейчас. Однако он прерывисто вздохнул и ослабил свои объятия. – Пожалуй, сейчас самое бы время выпить, но не кофе. Мне требуется что-нибудь покрепче, – признался он.

Келли улыбнулась. Он выглядел измученным.

– Кажется, я могу тебе помочь. У меня осталось после Рождества виски. Сядь, сейчас принесу.

Ей совершенно необходимо было, чтобы их разделяло пространство. Он был прав, говоря, что она мечтает о нем. Так и было, было все время, с первого же момента, как она увидела его. Джанни или Джанфранко – это не имело значения. Он был человеком, которого она любила, призналась она себе, входя на кухню нетвердой походкой. Честно говоря, неожиданное предложение Джанфранко пожениться превзошло все ее ожидания и было очень соблазнительным. Келли открыла буфет и достала бутылку с янтарным напитком.

Через минуту она вернулась в гостиную, держа поднос со стаканом виски и стаканом молока.

Джанфранко стоял, прислонившись к каминной доске, и постукивал пальцем по фотографии в серебряной рамке, запечатлевшей обнимающуюся молодую пару.

– Твои родители? – показал он на фото. – Мне как-то не пришло в голову спросить... где они?

– Оба умерли, – тихо ответила Келли.

– Значит, ты одна в целом мире, – мрачно заметил Джанфранко. Взяв поднос из ее рук, он поставил его на кофейный столик. Потом, выпрямившись, протянул ей стакан молока. – Тебе ничего не следует носить в твоем состоянии.

– Я не больная, а всего-навсего беременная, – сказала она. – И продолжаю ходить на работу, – добавила Келли, со вздохом опускаясь в удобное кресло. Она чувствовала физическую и эмоциональную усталость, но не собиралась говорить об этом Джанфранко. Вместо этого она поднесла стакан ко рту и отпила глоток прохладного молока.

– Ты продолжаешь работать! – воскликнул он и посмотрел на нее так, словно она сошла с ума. – Ну, хватит! – Все это должно измениться, решил он со своей обычной самонадеянностью. – Насколько я помню, ты собиралась работать в химической лаборатории. С этим покончено. Ни при каких обстоятельствах ты не должна приближаться ни к какой лаборатории – можешь подхватить там что-нибудь и навредить нашему ребенку.

Откинув голову назад, Келлли взглянула ему в глаза, и то, что в них увидела, заставило ее затаить дыхание – он был убийственно серьезен.

– Но...

– Никаких «но». Завтра же уволишься – вернее, я сделаю это за тебя.

– Подожди минуту...

– Нет. В этом я не уступлю. Моя жена не будет работать ни в какой лаборатории.

– Джанфранко, в самом деле, на дворе двадцать первый век – женщины работают почти весь срок беременности в любой сфере деятельности. Некоторые возвращаются на работу через три месяца после рождения ребенка.

– Только не ты, – непреклонно заявил он.

Она могла бы возразить, но почему-то ей этого не хотелось. Было приятно сознавать, что мужчина брал на себя ответственность.

– Ты не собираешься спорить?

Одна темная бровь в изумлении выгнулась дугой, и она чуть не захохотала. Он стоял, склонившись над ней в напряженной позе.

– А тебе бы этого хотелось? – мягко спросила Келли. Каким бы невероятным это ни казалось, но она начинала думать об их будущем с надеждой. Она любила этого человека, носила под сердцем его ребенка, и он хотел жениться на ней. Здравый смысл подсказывал ей, что она должна по крайней

мере выслушать его.

– Ну что ты, Келли.

К ее изумлению, он опустился на колени у ее ног и взял ее за руку, которая утонула в его огромной ладони.

– Я понимаю, что наши отношения начались бурно, – сказал он, тщательно подбирая слова. – Понимаю, что ситуация, в которой мы оказались, далеко не идеальна. Но знай, Келли, – его хриплый глубокий голос переполняли эмоции, – я действительно хочу жениться на тебе, и чем скорее, тем лучше, и дело не в ребенке.

Келли охватила дрожь, когда Джанфранко поднес ее руку к своим губам и нежно поцеловал ладонь. Когда его глубокие карие глаза встретились с ее глазами, она уловила в них искренность и еле сдерживаемую страсть.

– Келли, любимая, дай мне еще один шанс. – Он глубоко и прерывисто вздохнул. – Я не хочу, чтобы ты делала что-то помимо своей воли, но выходи за меня скорее, – умоляюще сказал он. – Ты знаешь, как это важно.

Сбитая с толку Келли не была уверена, что дает ему еще один шанс, но, почувствовав, как его руки снова обвили ее вокруг нее и он нежно заключил ее в свои теплые объятия, не стала сопротивляться. Это то, чего она так боялась. Она была не в силах контролировать собственные чувства.

– Дио, какая ты вкусная. Ты даже не знаешь, что делаешь со мной, кара. – Его глубокий голос дрожал, когда он слегка отодвинул ее от себя. – Скажи «да», Келли.

Долгие месяцы она убеждала себя в том, что ей будет хорошо в роли матери-одиночки. Но было ли это честно по отношению к ее неродившемуся ребенку, спрашивала себя Келли, вглядываясь в лицо Джанфранко. Он предлагал пожениться, и двое родителей, должно быть, лучше, чем один. Это неопровержимо, потому что, силы небесные, она любила его.

Она обвила руками его шею и снова прижала к себе.

– Да, о да. – Ее длинные ресницы затрепетали над лучистыми синими глазами, пальцы погрузились в его шелковые черные волосы, ее губы снова искали его губы.

И когда Келли наконец открыла глаза и посмотрела на него, она снова почувствовала себя полностью покоренной.

– Ты сделала меня счастливейшим из мужчин.

– Счастливейший из мужчин, – пробормотала она в избытке чувств. – Ты уверен, что хочешь на мне жениться?

Она должна была спросить. Все это было похоже на сон, и ей хотелось ущипнуть себя и убедиться в том, что все происходит наяву.

– Никогда в жизни я не хотел ничего так сильно. Если не считать моего желания заняться сегодня с тобой любовью и ласкать тебя так, как я должен был сделать это в первый раз. Долго и медленно, очень медленно...

– Звучит неплохо, – выдохнула Келли и еще крепче обняла его за шею.

– Только не здесь. В спальне.

И, взяв ее на руки, он поднялся с ней по лестнице.

Словно очнувшись ото сна, Келли стояла посередине комнаты и смотрела на него. Джанфранко возвышался над ней, слегка придерживая за талию. Взгляд его глаз, потемневших от желания, блуждал по ее стройной фигуре, но, когда его руки потянулись к краю ее свитера, она застыла.

– Нет, – прошептала Келли и схватила его за руки. – Я толстая, моя талия исчезла, – сказала она, покраснев от смущения.

Джанфранко едва не рассмеялся – она выглядела такой красивой и такой удрученной.

– Ты не толстая, Келли, ты роскошная женщина и носишь под сердцем моего ребенка. Ты никогда еще не была такой красивой. – Преодолев ее сопротивление, он повел ее к кровати. Тут, сжав ее руку, он добавил: – Но если ты нервничаешь, можешь сначала раздеть меня. – Не сводя с нее глаз, он быстро скинул туфли и носки, потом, выпрямившись, более медленно снял галстук и расстегнул две верхние пуговицы на рубашке. – Помоги мне, Келли, – попросил он хриплым голосом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Они поженились четыре дня спустя, в пятницу, и Келли, выходя из отдела регистрации браков с обнимавшим ее за плечи Джанфранко, все еще чувствовала, что у нее кружится голова.

– Подождите. – Маргарет, которая вместе со своим братом Джимом была свидетельницей на их свадьбе, остановила их на ступеньках. – Вас нужно сфотографировать, – сказала она и навела на них камеру. – Скажите «чииз».

– Я бы лучше сказал «секс», – прошептал Джанфранко на ухо Келли, заставив ее смущенно улыбнуться.

– Ну и ненасытный же ты, – пробормотала она через минуту, подняв на него смеющиеся синие глаза. Несколько прошедших дней они занимались любовью утром, днем и ночью. В промежутках Джанфранко успел все организовать. Келли уволилась с работы, а дом ее семьи был выставлен местным агентством на продажу. Джанфранко сказал, что отныне дом Келли там, где будет находиться он.

Единственное, что делала Келли самостоятельно, – занималась покупками. Она купила себе разнообразное приданое с учетом своей изменившейся фигуры: кружевное белье и пару атласных ночных рубашек, несколько элегантных простых нарядов и платье для коктейлей.

Они сидели в аэропорту, в зале для важных персон. Келли

ли бросила взгляд на своего молодого супруга. Он стоял у стойки, разговаривая по телефону. Они ждали, когда объявят посадку на рейс до Рима. Келли наблюдала за тем, как он, оживленно жестикулируя, что-то объясняет невидимому собеседнику. Ведь он итальянец. Мой итальянец, уточнила про себя Келли.

В конце дня Келли стояла на балконе и любовалась открывающимся видом. Рим лежал перед ней как на ладони. Сильные руки обхватили ее расплывшуюся талию, темноволосая голова склонилась к ней, теплые губы прижались к ее уху.

– Тебе нравится этот вид, кара!

Нравится? Да она без ума от него! Она распаковала чемоданы, пока Джанфранко сделал несколько срочных деловых звонков. Потом он устроил для нее короткий тур по апартаментам. Удобная и элегантная гостиная, выдержанная в золотистых и синих тонах, со вкусом обставленная антикварной мебелью. Спальня хозяина представляла собой настоящую симфонию кремового и темно-розового цветов.

Вид завораживающий, апартаменты потрясающие. – Проведя тонкими пальцами по его лицу, она добавила: – И ты тоже потрясающий. – Глядя своими синими глазами в его глаза, она обвела пальцем контур его чувственных губ. – А мы не могли бы остаться тут навсегда?

– Навсегда нет, но на три следующих дня точно. Потом мы поедем в мое загородное поместье, и мне придется приняться за работу.

– Как ты думаешь, понравлюсь я твоей семье? высказала Келли вслух свои опасения. – Может быть, тебе стоило пригласить их на свадьбу?

– Они полюбят тебя, а на то, чтобы пригласить их па свадьбу, не было времени. К тому же ты уже встречалась с мамой и Оливией, и они знают, почему мы поженились. Мама готовит прием в твою честь через две недели, чтобы тебя всем представить. – Что-то в его словах насторожило Келли, но прежде, чем она успела подумать об этом, он добавил: – А сейчас я хочу начать наш медовый месяц.

Наклонившись, он обнял ее с нежностью, которая заставила ее обхватить его шею руками, когда он перенес ее в спальню.

– Ты хоть представляешь, как сильно я жажду тебя? – Джанфранко поставил ее на ноги и стал торопливо освобождать от одежды. – Понимаешь, как страдаю по тебе?

В долгие, наполненные страстью часы, которые последовали за этим, они до изнеможения наслаждались друг другом. Келли считала, что Джанфранко научил ее за прошедшие несколько дней всему, что касается любви, но он продолжал удивлять ее.

– Ты делаешь меня ненасытным, – выдохнул Джанфранко. – Я должен помнить о том, что ты беременна, и контролировать себя.

Поздновато, любимый мой, – сонно пробормотала она, кладя голову ему на грудь. – Но ведь это наша свадебная ночь, – прошептала она. Келли крепко спала, когда ее раз-

будил какой-то звук. Повернувшись, она протянула руку к Джанфранко, но ее рука нащупала пустоту. Она села и огляделась. Их праздник, по всей видимости, закончился.

Последние три дня были самыми замечательными в ее жизни. Джанфранко показал ей Рим, Колизей, фонтан Треви, куда она, как полагается, бросила монетку, – все популярные у туристов достопримечательности и несколько не столь популярных. Например, приютившуюся на узкой улочке крохотную церквушку с необыкновенной красоты алтарем. А еще маленький ресторанчик, в котором столы были накрыты виниловыми скатертями и подавали, согласно утверждению ее мужа, самую вкусную еду в Италии.

Она почувствовала, что голодна. Теперь она ела за двоих. Соскользнув с кровати, Келли направилась в ванную, наскоро приняла душ и вернулась в спальню, завернувшись, как в тогу, в большое пушистое полотенце.

– Доброе утро, кара, – протянул Джанфранко хриплым голосом, ставя на ночной столик поднос с кофе и всевозможными булочками. – Прости, что тороплю тебя, но я хотел бы, чтобы мы успели домой к середине дня. Если это возможно.

– Утро понедельника, праздник закончился. – Колли вздохнула, взглянув на него своими сияющими глазами. Он был совершенно неотразим в синих джинсах и черном свитере от Армани.

– Не расстраивайся, – сказал ей Джанфранко, – я увезу тебя на настоящий медовый месяц, куда ты только захочешь.

Мальдивы, Карибское море. Как только родится наш малыш и мы сможем побыть одни. – Его голос прозвучал чувственно, и, подняв руку, он заправил ей волосы за ухо. Прикосновение его теплых пальцев и многообещающий взгляд темных глаз заставили ее сердце замереть. – А теперь поешь, оденься и соберись. – Нежно погладив ее по животу, он повернулся и вышел из комнаты.

Выпив кофе с булочками, Келли была через пять минут готова. Она надела тонкие светло-серые шерстяные брюки, голубой свитер и легкие кожаные туфли. Волосы, расчесанные на прямой пробор, падали ей на плечи длинными прядями.

– Готова? – спросил Джанфранко, входя в комнату.

– Кажется, да. – В глазах Келли притаилась тревога, когда она посмотрела на него. – Надеюсь, что понравлюсь твоей маме...

– Ты слишком беспокоишься, – поддразнил он и снова прижался губами к ее губам. – Я тебя обожаю, а моей маме понравится та, которую я полюбил, – протянул он с невольной самонадеянностью. – Пошли.

Если он считал, что успокоил Келли, то ошибался. Здравый смысл подсказывал ей, что ни одна женщина не может быть довольна, если она не присутствовала на свадьбе своего единственного сына, который заявился к ней потом с беременной женой. Самое большее, на что она могла рассчитывать, – это чтобы ее приняли, и первое сомнение зароди-

лось в ее душе. Правильно ли она поступила, выйдя замуж за Джанфранко?

Келли с некоторым трепетом выглянула в окно «феррари», когда машина въехала на огромный мощеный двор и остановилась возле внушительного входа в фамильную виллу Мальдини. Сейчас Келли встретится с матерью Джанфранко в качестве его жены. Она перевела взгляд на мужа, но тот уже вышел из машины и через секунду распахнул дверцу с ее стороны.

– Добро пожаловать в «Ла Каса Мальдини». – Взяв Келли за руку, он помог ей выйти из спортивной, с низкой посадкой машины. – «Феррари» явно создавали не в расчете на беременных женщин, – сказал он, улыбнувшись, и обнял ее за плечи. – С этого момента мы будем ездить на «мерседесе».

– Вот это домина, – пробормотала Келли. Откинув голову, она взглянула на дом. Прямоугольное трехэтажное здание было огромным. Окрашенные охрой стены казались золотыми в бледном свете зимнего солнца.

– Си, бесчисленные поколения моей семьи владели окрестными землями. Мальдини – очень древняя и очень уважаемая фамилия, – сообщил Джанфранко, ведя Келли по лестнице к массивной двустворчатой двери, которую, словно волшебник, распахнул перед ними низенький седовласый мужчина.

Дворецкого звали Альдо. Его жена Мария была поваром. Тут было еще шестеро слуг, имена которых Келли не запом-

нила, и наконец молодая девушка, лет восемнадцати, Анна, которая застенчиво улыbnулась, когда Джанфранко представил ее Келли как ее личную горничную.

Его мать появилась из одной из комнат, двери которых выходили в огромный, отделанный дубовыми панелями холл. Она расцеловала сына в обе щеки. Келли была встречена не с таким энтузиазмом.

– Очень досадно, что я не присутствовала на вашей свадьбе, но все произошло так неожиданно, в такой спешке. – И она устремила взгляд своих темных глаз, очень похожих на глаза ее сына, на живот Келли, потом поспешно снова перевела взгляд на ее лицо и добавила: – Добро пожаловать, Келли.

– Спасибо, – пробормотала Келли. Вспыхнув, она пожала протянутую руку в надежде, что ведет себя правильно. Ее охватила робость в присутствии этой женщины и многочисленной челяди. Подействовало и великолепие окружающей обстановки.

Минут через пять, сидя на обтянутой атласом софе, Келли огляделась с плохо скрываемым трепетом. Вся мебель была антикварной, а великолепный мраморный камин – подлинным произведением искусства. Но по-настоящему ахнуть заставил ее потолок с необыкновенно красивой росписью. Пастораль изображала лежащих среди винограда и цветов полуобнаженных мужчин и женщин.

– Келли? Что тебе дать?

Келли оторвала взгляд от ошеломляющих фре-сок и взглянула на Джанфранко. Он стоял у камина, зацепив большой палец одной руки за пояс джинсов и держа в другой руке хрустальный стакан, наполовину наполненный виски.

– Алкоголь не для тебя, но, может быть, кофе или свежий сок?

– Спасибо, я бы выпила чашку чая, – сказала Келли первое, что пришло ей в голову.

– Вы такая англичанка во всем, – сказала со смешком мать Джанфранко. – Думаю, наш уклад жизни покажется вам немного странным.

Отдав Альдо короткое распоряжение, Джанфранко с улыбкой повернулся к матери.

– Чепуха, мама. Келли скоро освоится. С такой наставницей, как ты, разве может быть иначе?

И они обменялись понимающими взглядами.

Наблюдая за ними, Келли на миг почувствовала себя здесь лишней. К тому же она не очень хорошо поняла, чему должна учиться у своей величественной, элегантной наставницы.

Альдо вернулся и подал чай, а Джанфранко и его мать продолжали что-то обсуждать на итальянском. Келли немного знала итальянский и несколько последних месяцев пыталась совершенствовать его с помощью кассет, но они говорили слишком быстро, и Келли удалось разобрать лишь несколько слов.

– Извините нас, Келли, но нам с сыном надо так много

обсудить, а я забыла, что вы не владеете нашим языком.

– Все в порядке, – спокойно сказала Келли, возвращая свою чашку снова на поднос. – Я понимаю... – она запнулась, – синьора Мальдини.

Она понятия не имела, как обращаться к свекрови.

– Ах, пожалуйста, поскольку нам всем предстоит жить вместе, зовите меня просто Кармела.

Келли улыбнулась.

– Спасибо, Кармела.

– Пожалуйста. А теперь, поскольку вы уже допили свой чай, может быть, Анна покажет вам дом и ваши апартаменты.

Кармела позвонила в колокольчик, и через несколько минут в дверях появилась Анна.

– Я уверена, что вы в вашем деликатном положении захотите отдохнуть днем. Мы ужинаем в девять.

Келли выжидающе посмотрела на Джанфранко. Он, конечно, не согласится с тем, что его жену отсылают, как маленькую девочку, и предложит сам познакомить ее с домом. Но вместо этого он сказал:

– Мама права. Иди с Анной, а мне надо сделать несколько звонков. – Он поспешно поцеловал ее и, повернув к двери, похлопал пониже спины. – До встречи.

Скрывая свое разочарование, Келли последовала за Анной. Когда был осмотрен первый этаж, Анна провела Келли вверх по парадной лестнице и по нескончаемым коридорам, показала комнату Кармелы и рядом – Оливии. Келли бы-

ла несколько удивлена, узнав, что Оливия тоже живет здесь. Последний этаж был отведен для слуг.

Апартаменты Джанфранко находились в западном крыле здания и были скорее похожи на отдельную квартиру, но без кухни. Сюда входили огромная спальня с просторной гардеробной, две ванные комнаты, удобная гостиная и вторая спальня, немного поменьше первой. Келли стало легче, когда она увидела ярко горевший камин. В гостиной было тепло и уютно. Она с облегчением вздохнула и отпустила горничную.

Одну стену гостиной занимали стеллажи с книгами. Повсюду были выставлены спортивные призы. Большинство наград были за победы в парусных соревнованиях. У камина стояли большая кожаная софа и два кресла. В одном углу был письменный стол, в другом – огромный телевизор...

В спальне стояла огромная дубовая кровать с четырьмя стойками.

Две стены гардеробной занимали стенные шкафы. Кроме того, тут стояли несколько комодов и красивый туалетный столик. Вся мебель была массивной, но при высоких потолках все выглядело пропорциональным.

Келли открыла дверцу шкафа и улыбнулась. Анна уже распаковала ее чемодан, и ее вещи висели рядом с вещами Джанфранко. Это было приятно.

Спустя два часа, приняв душ и переодевшись в бледно-голубую шерстяную юбку и в тон к ней голу-бую с кремовым

блужку, Келли стала ждать мужа.

Подойдя к одному из арочных окон, она увидела двор, обсаженную кипарисами дорожку, ухоженный сад в итальянском стиле и вдалеке – терракотовые крыши деревни среди необъятных просторов возделанных земель – бесчисленных шеренг виноградников и аллей оливковых деревьев.

Это было глупо, но она не могла решиться отправиться на поиски Джанфранко.

Дверь распахнулась, и вошел Джанфранко.

– Извини, что задержался. Но со всеми этими событиями я совершенно запустил работу.

– Прости, если я создаю тебе неудобства, – произнесла Келли обиженным тоном.

Опустившись на софу, Джанфранко протянул к ней руку.

– Иди сюда, моя обидчивая женушка, – мягко сказал он. – Ты не должна думать, что я уделяю тебе мало внимания. Мне просто необходимо работать.

Келли села, он обнял ее одной рукой и стал объяснять:

– Если необходимость не заставляет меня лететь в Нью-Йорк, я обычно провожу здесь четыре дня в конце недели, занимаясь делами поместья. Остальное время я нахожусь в своем римском офисе. Поскольку теперь я женатый человек, я должен буду пересмотреть свой рабочий график. Я спокойно смогу работать и здесь, сократив свои визиты в Рим.

– Какие проблемы? Я могла бы ездить в Рим с тобой. – Келли улыбнулась ему ослепительной улыбкой. Прекрасный

предлог избавляться от его семьи хотя бы на полнедели.

– Нет, не говори ерунды. – Он взял ее за плечи и повернул к себе. – В твоём состоянии необходимо, чтобы кто-то постоянно за тобой приглядывал. Прежде всего я, а в моё отсутствие это будут мама и Оливия. Ситуация просто идеальная. А сейчас мне необходимо принять душ, карисима, а потом... – его глаза лукаво блеснули, – мы оба могли бы отдохнуть перед ужином.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Это был воскресный вечер, и гости должны были прибыть через двадцать минут.

– Как тебе, Анна? – спросила Келли горничную. – Беллссима, – улыбнулась Анна. – Очень элегантно.

– Спасибо, – в свою очередь улыбнулась Келли. Уже с первых дней пребывания в «Каса Мальдини» она поняла, что ей очень повезло с горничной. Девушка была приветлива, немного говорила по-английски и всегда была готова прийти на помощь. Анна провозилась почти полчаса с прической Келли. Она уложила ее волосы в замысловатый пучок на макушке, оставив несколько свободных прядей, обрамлявших лицо. Когда Анна ушла, Келли еще раз взволнованно взглянула на свое отражение в зеркале. Ей очень хотелось произвести хорошее впечатление на друзей Джанфранко.

Первые две недели не были легкими. Она предполагала, что встретится с трудностями, привыкая к образу жизни своего мужа, но не ожидала, что будет чувствовать себя такой одинокой. В семь утра Альдо будил их, принося кофе. Десять минут спустя Джанфранко, приняв душ и одевшись, оставлял ее лежать в постели, а сам принимался за дела. Иногда, если посчастливится, она видела его во время обеда. Но чаще он возвращался домой не раньше восьми вечера.

Только однажды он вытащил ее из дома и повез в Верону.

Здесь он открыл банковский счет на ее имя. Потом записал ее к врачу и подождал, пока ей сделают УЗИ. По возвращении домой он наспех поцеловал ее и сказал, что они увидятся позже. Под «позже» имелось в виду, что это произойдет либо за официальным ужином с его матерью и Оливией, либо уже в постели.

Губы Келли дрогнули в улыбке. По крайней мере в постели он всецело принадлежал ей, однако нигде больше, горько подумала она.

Келли сделала одно грустное открытие. Джанфранко Мальдини, граф и бизнесмен, как небо от земли отличался от того Джанни, в которого она влюбилась. Он был трудолюбивым и большим эго-истом. Его мать и Оливия, так же как и вся прислуга, безмерно баловали его и относились к нему так, словно он был центром вселенной, а он воспринимал всеобщее поклонение как должное.

Джанфранко сказал ей утром, что его мать и Оливия повезут ее по магазинам. Когда Келли попросила, чтобы вместо них с ней поехал он, он сослался на работу, а потом добавил:

– Мама знает, куда надо отвезти женщину в твоем положении, а я понятия не имею об этом.

Когда она вернулась из поездки по магазинам, ее просто переполняло негодование. Кармела и Оливия отвергали все, что предлагала она, утверждая, что лучше знают, как должна быть одета беременная женщина в итальянском обществе. Келли почувствовала себя униженной и замолчала. В итоге

она вернулась домой с двумя такими несуразными платьями, на которые никогда даже не взглянула бы. Как ни старалась, она не могла убедить себя в том, что Кармела и Оливия хотели сделать ей приятное. На самом деле все получилось наоборот.

Она сказала об этом Джанфранко, но он заявил, что она делает поспешные выводы на основании каких-то неправильно истолкованных слов, а потом добавил, что причина ее раздражения в гормонах, разыгравшихся в связи с ее беременностью.

Выходя из ванной, Келли подумала, что ей надо оставить свои надежды. Она стремилась наладить отношения и подружиться с его родными, но не собиралась ради этого приносить в жертву свою гордость и чувство собственного достоинства. А поэтому надела платье, которое купила себе в Англии.

Глубоко вдохнув, она вошла в гостиную. Джанфранко пришел домой пораньше. Оливия, ослепительная в темно-синем платье без бретелек, подчеркивающим каждый изгиб ее тела, стояла так близко к нему, что они почти касались друг друга.

Кармела первой заметила Келли. И ее тщательно выщипанные брови полезли на лоб от удивления.

Потом раздался смех Оливии.

– Неужели ты собираешься это носить? – спросила она с нотой ужаса в голосе.

Собравшись с духом, Келли ответила:

– Да, собираюсь.

На ней было простое черное платье из шелкового трикотажа. Узенькие блестящие бретельки поддерживали лиф с прямым вырезом на груди. Скроенная по косой ткань свободно падала от груди, едва доходя до колен.

Не обращая внимания на разговор дам на итальянском языке, Капли взглянула на Джанфранко, ожидая, что он поддержит ее.

Джанфранко быстро окинул оценивающим взглядом ее фигуру и направился к ней.

– Ты выглядишь очень мило, Келли.

– Не будь неискренним, – сухо сказала Келли, когда Джанфранко подошел и взглянул на нее из-под опущенных век. Его лицо было непроницаемым.

– Нет, правда. Ты же знаешь, что всегда красива, – сказал он успокаивающе. – Но мама думала, что ты наденешь одно из тех платьев, которые она купила тебе. Она считает их более подходящими для женщины в интересном положении, а вкус у мамы безукоризненный. Тебе стоит прислушиваться к ней. – Я извинюсь за тебя, пока ты переоденешься, – продолжал Джанфранко миролюбиво. – Но поторопись.

– Нет.

Его бровь поползла вверх.

– Нет! Ты отказываешься?

Келли едва не расхохоталась, таким ошарашенным он вы-

глядел.

– Считай так.

Он схватил ее за руку.

– Келли, ты ведешь себя глупо. Поднимись наверх и переодеешься, – командным тоном сказал он, раздраженно глядя на нее.

Келли подняла на него глаза.

– Я буду выглядеть глупо, если надену одно из тех платьев, которые получила вчера. Я на шестом месяце беременности, а не на девятом, – взорвалась она. – В них я выгляжу какой-то слонихой. Ты бы... ты бы только посмотрел на них.

Джанфранко улыбнулся в ответ на ее горячую речь понимающей улыбкой.

– Все ясно. – Он выпустил ее руку. – Женское тщеславие. Я могу это понять, – насмешливо протянул он.

Какая чертовская снисходительность!

Альдо объявил, что прибыли первые гости. Взяв себя в руки, Келли попыталась обуздать свой гнев.

Все было не так ужасно, как она себе представляла. Друзья Джанфранко оказались совсем не такими, как его мать и невестка. Это были его соседи и сослуживцы, а когда приехали Джуди и Карло Бертони, Келли не могла скрыть радости.

Угощение было изысканным, разговор велся на смеси английского и итальянского. Кармела, радушная хозяйка, была занята гостями, а Оливию мгновенно окружили знакомые.

Келли, на время предоставленная сама себе, начала успо-

каиваться. Джанфранко, в противоположном конце комнаты, был поглощен разговором с группой мужчин на какие-то, очевидно, сугубо мужские темы.

Неожиданно Келли услышала смешок Джуди.

– Ну разве ты не молчаливица? Келли взглянула на нее и покраснела.

– Твой местный парень оказался графом Джанфранко Мальдини – вот так история! Давай выкладывай. Как это произошло?

Келли все ей рассказала, закончив словами: – Похоже, мне следует за все благодарить тебя.

После того как ты сказала ему, что я беременна, он начал искать меня.

– Здорово! – с улыбкой заключила Джуди. – Но позволь мне дать тебе один совет. У твоего Джанфранко была куча женщин в свое время, и он относился к ним ко всем с такой небрежностью, что ты не поверишь. Он не из тех людей, которые способны на глубокие чувства. Но ты носишь его ребенка, а итальянцы просто обожают детей, так что воспользуйся этим и не выпускай его из виду.

– Спасибо, Джуди. – Келли выдавила улыбку. – Но мы уже состоим в бра... – Она не успела закончить фразу, потому что кто-то толкнул ее, и весь перед ее платья оказался залитым.

– О, прошу прощения. – Перед Келли стояла Оливия. – Я не заметила тебя и, вот видишь, испортила тебе платье.

Какая же я неуклюжая. – Колли взглянула на нее и так и застыла, увидев злорадство в устремленных на нее черных глазах. – Теперь тебе придется переодеться.

Келли не могла поверить в искренность этого сожаления... но, охваченная смущением оттого, что мокрая ткань обтянула ее живот, не стала устраивать сцен.

– Да, – согласилась она.

Откуда-то возник Джанфранко. Его взгляд скользнул по фигуре Келли и мокрому пятну на животе.

– Что случилось?

– Ничего. Так, случайность. Не беспокойся. – От смущения Келли густо покраснела.

Оливия положила ладонь на руку Джанфранко. Он повернулся, и она что-то быстро сказала ему на итальянском. Люди, стоявшие поблизости, засмеялись. Джанфранко усмехнулся и, снова взглянув на Келли, положил руку ей на спину.

– Тогда поспеши.

Келли кивнула, не поняв ни слова из того, что было сказано ими, и, сопровождаемая Джуди, вышла из комнаты.

– Эта мерзавка сделала все нарочно, – сказала Джуди, когда они поднимались по лестнице. – Тебе следует остерегаться ее.

– Да нет, это правда случайность, – солгала Келли.

– Однако она совсем другое сказала только что твоему мужу, – сообщила ей Джуди. – Она пошутила, что неустойчивой тебя сделал лишний вес – наследник Мальдини. Почему

же, по-твоему, все они засмеялись?

– Я не верю тебе, – сказала Келли, защищая Джанфранко и в то же самое время почувствовав глубокий укол обиды.

– Я бы посоветовала тебе поскорее выучить итальянский, – сухо ответила Джуди.

Не обращая внимания на ее слова, Келли сбросила платье.

– Это твоя спальня? – спросила Джуди, осмотревшись. Она заглянула в гостиную, потом вошла в гардеробную, где распахнула дверцы гардероба.

– Да.

Келли вошла следом за ней.

– Твое положение хуже, чем я думала, – заметила Джуди. – Эти комнаты – не апартаменты хозяина «Каса Мальдини». Тебе известно это? вопросительно подняла брови Джуди.

– Нет, – сказала Келли, сухо улыбнувшись. – Но у меня свои собственные спальные апартаменты.

– Может быть, однако вспомни ту статью в журнале, которую я показывала тебе. Роскошные апартаменты хозяина находятся в другом крыле.

– Там живет Оливия, – пробормотала Келли, доставая из гардероба одно из новых платьев. Наименее ужасным из них было белое муслиновое произведение, украшенное розовыми цветами.

– Ах, вот что. Эта черная вдова крепко здесь окопалась. Прости, что говорю это, Келли, но тебе лучше проявить власть.

– Джуди, ты сгущаешь краски. Джуди покачала головой и вздохнула.

– Послушай, Келли. Уже давным-давно ходят слухи об Оливии и Джанфранко, но всем также известно, что Оливия не может иметь детей. Она была десять лет замужем за его братом и, как только ни старалась, наследника так и не произвела. Если ты не будешь осторожна, она приберет к рукам не только апартаменты твоего мужа, но и его самого и вашего ребенка.

– У тебя богатое воображение, – пробормотала Келли, поднимая платье, чтобы надеть его через голову.

– О господи! Только не это! – Джуди вырвала платье из ее рук. – Куда делся твой вкус, женщина?

Келли вздохнула.

– Кармела и Оливия затащили меня в магазин и поклялись, что так одеваются модные итальянские будущие мамыши.

– Ты наденешь это только через мой труп, – процедила Джуди и, перебрав в гардеробе вещи, вытащила белое как снег кашемировое платье, которое Келли надевала на свадьбу. – Вот это по крайней мере стильное... и, ради бога, подумай о том, что я тебе сказала. Ты слишком доверчива.

Звуки музыки заполнили вестибюль, когда они начали спускаться по лестнице. Начались танцы. Келли вошла в зал как раз в тот момент, когда Джанфранко обнял Оливию и они начали танцевать. Появившийся Карло Бертони обхва-

тил рукой Джуди.

– Где ты была? Я скучал по тебе, – объявил он, и Келли увидела, как Джуди улыбнулась мужу.

Ты замечательно выглядишь, – улыбнулся Карло, глядя на Келли. – Джанфранко – просто счастливец.

Келли заставила себя улыбнуться.

– Спасибо, Карло. – Но, увидев, как Оливия обвивает шею Джанфранко руками, Келли засомневалась в том, была ли она счастливцей. Вид этих двоих, танцующих в такой интимной позе, заставлял поверить в предположения Джуди. У Келли все перевернулось в душе, и такая неистовая ревность захлестнула ее, что ей пришлось на секунду прикрыть глаза.

Джанфранко любит меня, сказала себе твердо Келли. И мы женаты, в конце-то концов. Но внутреннее беспокойство напомнило ей о том, что она беременна, и о том, почему он женился на ней. Тут Джанфранко остановил свой взгляд на ней, его глаза округлились от удовольствия, а ослепительная улыбка убедила ее в том, что он принадлежит ей и ее беспокойство не имеет под собой никакой почвы.

Келли была в том самом платье, в котором выходила замуж, и на какой-то миг Джанфранко снова был ошеломлен тем, какой красавицей она была. Его жена, с ее светлыми волосами, поднятыми наверх, с изящным телом, в котором развивался его ребенок. Да, он правильно сделал, приняв решение жениться на ней, гордо поздравил он себя. Это была леда до кончиков ногтей, и вопреки тому, что он предполагал,

глядя на своих женатых приятелей, женитьба мало что изменила в его жизни – кроме разве того, что каждую ночь его ждала в постели любящая женщина. Семейная жизнь пришлось ему по душе. Его друзьям понравилась Келли, вечер удался, и он уже мечтал о том, когда снова окажется с ней в постели.

Музыка смолкла. Джанфранко хотел подойти к Келли, но Оливия удержала его, положив ладонь на его руку. Он слушал с плохо скрываемым нетерпением то, что она ему говорила. Но когда к их разговору присоединилась его мать, он стал слушать внимательно. Старые привязанности вступили в соперничество с новыми, и постепенно его темные брови хмуρο сдвинулись.

Келли увидела, как Джанфранко нахмурился и решительно пошел к ней.

– Я вижу, ты переоделась, – сказал он, наклонил к ней темноволосую голову и, целуя ее в шею, тихо добавил: – Котя ты выглядишь чудесно, неужели было так трудно надеть одно из тех платьев, которые тебе выбрала мама?

– Трудно, – заявила Келли дерзко.

– Потанцуй со мной, – потребовал Джанфранко. Его рука легла ей на спину и притянула ближе. – Улыбнись, – тихо сказал он. – А то все подумают, что мы ссоримся.

– Не дай бог перечить тебе в чем-то, Джанфранко, – с сарказмом протянула Келли. И была наказана отрывистым крепким поцелуем. Ее ноздри затрепетали от знакомого вол-

нующего запаха, и она тут же растаяла в его объятиях. – На нас смотрят, – сказала она, густо покраснев.

– Ну и что? Я хозяин в собственном доме, – прошептал он ей на ухо. – Тебе надо помнить об этом. Я не привык к тому, чтобы женщины много рассуждали об одежде, – заявил он со свойственной ему надменностью. – Это надо прекратить – понятно? Келли невольно вздрогнула и сбилась с такта, оскорбленная явной угрозой в его голосе.

– Оливия была права, ты действительно какая-то неуклюжая сегодня, – заметил он.

Джуди не солгала! В эту секунду Келли хотелось влечь ему пощечину. Ее глаза яростно горели, когда их взгляды встретились.

– А ты шовинист несчастный! – прошептала она сердито.

– Не злись, Келли, – сказал он. – Я прощаю тебя. Видимо, это твои гормоны разыгрались.

Но прежде, чем Келли успела ответить, Кармела подошла и похлопала Джанфранко по руке.

– Гости собираются уходить.

Спустя полчаса ушел последний из гостей. Кармела объявила, что вечер необыкновенно удался, и предложила всем выпить. Келли отказалась, пожелала всем спокойной ночи и направилась прямо к лестнице.

Ее переполняли противоречивые чувства. Она любила Джанфранко, но он своими словами подтвердил, что смеялся над ней вместе с Оливией.

Войдя в спальню, Келли торопливо разделась. Прежде чем надеть голубую ночную рубашку, приняла душ, расчесала волосы.

Джанфранко был уже в спальне.

– Твой уход был слишком поспешным, Келли, – резко сказал он. – С тобой ничего бы не случилось, если бы ты чего-нибудь выпила на ночь вместе с мамой.

– Я предоставила эту возможность тебе, чтобы вы вместе смогли посмеяться надо мной, – взорвалась она.

Раздевавшийся Джанфранко замер и посмотрел на нее.

– Что ты хочешь этим сказать? – Он сбросил рубашку и стоял перед ней в одних черных шелковых трусах. Прищурившись, он взглянул в ее бледное лицо. – У тебя странное настроение весь последний час.

– Возможно, оттого, что мне не нравится, когда мне указывают, что надевать, или требуют, чтобы я переоделась.

Джанфранко застыл, его плечи напряглись.

– Возможно, тебе следует быть поучтивее с моей мамой, которая так великодушно старается помочь тебе, – резко сказал он.

– Возможно, тебе надо быть поучтивее со мной, твоей женой, – огрызнулась Келли, внезапно вспомнив события сегодняшнего вечера. – Например, когда твоя невестка обливает меня с головы до ног, а потом извиняется. Однако, если верить Джуди, тебе она сказала, что всему виной моя неуклюжесть, и вы все весело посмеялись.

На его высоких скулах выступили багровые пятна. По крайней мере краснеть не разучился, горько подумала Келли. Она не желала пререкаться с ним, ей хотелось, чтобы он обнял ее и сказал, что любит, но он пристально смотрел на нее холодными глазами.

– Все вокруг смеялись. Как хозяин, я смеялся вместе со своими гостями, как это и положено, – сказал он с холодной вежливостью. – А ты ведешь себя нелепо, Келли. Я знаю Оливию гораздо дольше, чем тебя, и она не стала бы лгать.

– Она бы не стала? А я, ты полагаешь, стала бы? – гневно выкрикнула Келли.

– Да... нет.

В кои-то веки ее необузданный муж не находил слов.

– Вероятно, ты, в твоем состоянии, ошиблась.

– Раз ты снова заговорил о моем состоянии, так помоги мне, а то я за себя не ручаюсь, – закричала она.

Он стиснул зубы.

– Возьми себя в руки, Келли, такое поведение не на пользу ни тебе, ни ребенку.

Слишком взбешенная, чтобы контролировать свое поведение, Келли уже не могла остановиться.

– А то, что ты поддерживаешь Оливию вместо своей жены, это на пользу? Эта женщина спит в апартаментах хозяина, хотя ее мужа уже больше трех лет нет в живых. Может быть, она ждет, чтобы новый хозяин занял его место, или ты это уже сделал? – выпалила она.

Джанфранко окаменел. Его глаза смотрели на Келли с такой яростью, что она невольно отшатнулась, испугавшись, что он может ударить. Ее гнев улетучился. Она понимала, что зашла слишком далеко. Какой черт дернул ее бросить ему в лицо сплетни, которые ей сообщила Джуди?

– Тебе лучше помолчать, Келли. Если бы ты не носила моего ребенка, я бы заставил тебя заплатить за такой клеветнический выпад против твоего мужа и женщины, которая не сделала тебе ничего дурного, а пригласила в семейное гнездо.

Келли никогда еще не видела Джанфранко в такой ярости. Его глаза были безжизненными и холодными, и это напугало ее. Он схватил ее за плечи, и она задрожала. Близость его тела произвела знакомый опустошительный эффект. У Келли перехватило дыхание.

– Прости, – пробормотала она. Джанфранко увидел страх в ее синих глазах и заставил себя сдержаться. Она то злила, то очаровывала его.

– Скажи мне, кто наговорил тебе такую чушь? – потребовал он и с тревогой заметил, как сильно бьется ее сердце и тяжело поднимается и опускается грудь под легким атласом.

– Никто. Вероятно, это играют мои гормоны, – попыталась оправдаться она. А может, так оно и было, сказала она себе, испытывая уже стыд за свои слова. – Когда Анна показывала мне дом, я узнала, что Оливия... – Она замолчала.

Джанфранко с облегчением вздохнул и обнял ее. Если это

гормоны, тогда все понятно. Он прижался губами к ее лбу.

– Наверное, мне следовало объяснить это раньше, но ты должна понять, что Оливия была потрясена смертью своего мужа Альфредо – моего брата. Мы все тяжело переживали эту потерю, но для Оливии это кончилось нервным срывом. Она больше года болела, и, хотя выглядит уверенной в себе и сильной, она все еще очень ранима. Она – член нашей семьи, поэтому естественно, что мама и я заботимся о ней.

– О, мне жаль ее. – Ее доброе сердце было тронуто.

– Да, кара, – нежно произнес Джанфранко. В каком-то смысле у тебя есть все, что когда-то было у нее.

– Кроме тебя, – вырвалось у Келли. Он хмыкнул и притянул ее к себе.

– Да, кроме меня, конечно, и мне льстит то, что ты ревнуешь, кара. – Он взял ее одной рукой за подбородок и пристально посмотрел в лицо. – Но ты сейчас замужем за нынешним графом, и дело не только в этом, ты беременна, возможно следующим графом. Этого хотела Оливия, когда Альфредо был жив, но ее мечте не суждено было сбыться. Так что попытайся войти в ее положение, хорошо?

Келли пыталась войти в ее положение, на самом деле пыталась... Но это было не так легко.

Обидные комментарии Оливии каждый раз, как только Джанфранко не оказывалось поблизости, ее намеки на то, что они любовники, были настоящей пыткой. Это постепенно приводило к тому, что Келли утрачивала уверенность в

себе и чувство собственного достоинства. Она пыталась поговорить с Джанфранко, но он отметал все ее страхи, иногда со смехом, временами с холодным пренебрежением, что причиняло ей еще больше боли, но чаще всего – с поцелуями. Однако одного только секса было уже недостаточно для Келли. Ей хотелось гораздо большего, ей была нужна поддержка мужа, и, не получая ее, она чувствовала себя все ужаснее и все больше замыкалась в себе.

Келли перестала упоминать об Оливии в разговорах с мужем, а поскольку обратиться ей было не к кому, она тщетно пыталась бороться со своими сомнениями и страхами. Джанфранко утверждал, что обожает ее, занимался с ней любовью, но ни разу не сделал попытки понять, что происходит в ее душе. Он относился к ней как к любимому домашнему животному. Иногда, когда чувство безнадежности становилось невыносимым, Келли бродила по комнатам огромного дома, в которые редко кто заглядывал, и рыдала от одиночества и отчаяния. И никто ни разу не обратил внимания на ее отсутствие...

Когда две недели спустя Джанфранко сообщил, что на следующий день улетает в Америку, Келли решила возразить. Он делал то, что хотел, и тогда, когда хотел. Он не спрашивал ее одобрения, а просто ставил в известность. В те короткие мгновения, когда меланхолия отступала, она удивлялась, куда делась та яркая молодая амбициозная женщина, увлекавшаяся картингом и кикбоксингом, какой она была

совсем недавно.

Через несколько часов после отъезда Джанфранко Кармелу пригласили в Верону к больной подруге, и Келли осталась с Оливией.

За ужином в этот вечер Оливия показала свое истинное лицо. Она назвала Келли авантюристкой и шлюшкой и сказала, что Джанфранко нет до нее никакого дела, его интересует только ребенок. Когда Келли пыталась возразить, Оливия плеснула в нее вином.

Бросившись из комнаты, Келли всерьез задумалась о том, была ли вообще эта женщина психически нормальной. Возможно, причиной всех ее злых высказываний и косвенных намеков было искаженное сознание. Самое лучшее – избегать общения с Оливией. Келли сообщила Альдо, что до возвращения хозяина будет питаться в своих апартаментах.

Джанфранко позвонил на следующее утро и, убедившись в том, что с Келли все в порядке, попросил позвать к телефону мать. Келли сказала, что та уехала навестить больную подругу. Очевидно, он решил, что речь идет о нескольких часах, но она не стала вдаваться в детали. Она была так рада, что услышала его голос.

На следующее утро Келли с облегчением вздохнула, узнав, что Оливия собирается ехать в Рим. Она с удовольствием останется в доме одна, без ненавистной Оливии.

Келли стала совершать длительные прогулки, знакомясь с окрестностями. Однажды она зашла в бар ближайшей де-

ревушки, чтобы освежиться лимонадом перед тем, как отправиться назад в «Каса Мальдини». Постепенно она обрела былую уверенность и даже решила воспользоваться «мерседесом», который Джанфранко предоставил в ее распоряжение. Она стала ездить за покупками. Обычно ее сопровождала Анна.

Через десять дней ее свекровь вернулась и извинилась за свое долгое отсутствие, а спустя несколько часов появилась и Оливия.

На следующий день приехал Джанфранко. Келли увидела, как он выходит из своего спортивного автомобиля. Он был в кожаном пиджаке, черном свитере с высоким воротом и в обтягивающих джинсах и живо напомнил ей Джанни и то время, когда они носились на мотоцикле, и ее сердце переполнилось любовью. Шел седьмой месяц ее беременности. Но она тщательно продумала свой наряд и знала, что в черных брюках и красно-черной тупике выглядит совсем неплохо.

Джанфранко встретился с ней взглядом, и они улыбнулись друг другу. Он обнял ее и поцеловал с такой страстью, что все ее сомнения и страхи бесследно исчезли.

А последующие часы любви и вовсе успокоили ее. И хотя большую часть дня Джанфранко проводил в своем кабинете, все ночи принадлежали ей.

Как-то вечером Келли надела черные шелковые трикотажные шаровары и украшенный яркой вышивкой топ. Она

выглядела прекрасно и чувствовала себя хорошо. Напевая, она спускалась по лестнице в холл.

Оливия стояла в холле, как всегда безупречная в своем черном платье.

– Привет, Оливия, – сказала Келли с вежливой улыбкой.

– Улыбайся, пока еще можешь – тебе недолго осталось, – презрительно усмехнулась Оливия и вплыла в столовую, опередив Келли.

Чувствуя, что ее вновь обретенной уверенности несколько поубавилось, Келли вошла следом за ней.

Разговор не клеился, и Джанфранко большую часть ужина просидел в мрачном молчании. Когда Келли что-то говорила, он отвечал односложно, и она искренне обрадовалась, когда ужин подошел к концу. Извинившись, она первая встала из-за стола.

– Подожди, Келли, – схватил ее за руку Джанфранко. – Пойдем на минутку в кабинет. Нам надо поговорить.

– В чем, черт возьми, дело? – резко спросила она, входя следом за ним в кабинет.

С гладкими, как шелк, волосами, падающими ей на плечи, и синими глазами, устремленными на него, она выглядела невинной как младенец! Он жаждал ее так, как никогда никакую женщину, но ей следовало знать, что, будучи его женой, она должна соблюдать некоторые определенные правила. Он был очень занятым человеком, на плечах которого лежали заботы об имении и финансовой империи. Он хотел,

чтобы его семейная жизнь была размеренной, но у него не было времени самому следить за этим. Ему следовало поговорить об этом с Келли уже давно, но, когда они были вместе, все здравые мысли вылетали у него из головы и он мог думать только о том, чтобы заниматься с ней любовью. Пора было изложить ей некоторые основные правила.

– Ну так говори, – сказала Келли, взглянув на мужа, который выглядел мрачным. – Не понимаю, почему ты так мрачен.

Он прищурился. В его глазах не было и намека на улыбку.

– Келли, как моя жена, ты должна пользоваться определенным авторитетом у местного населения, а некоторые твои поступки абсолютно неприемлемы.

Она нахмурила лоб. Он, должно быть, шутит.

– Например, ковыряние в носу? – пошутила она в надежде разрядить атмосферу. Но она ошиблась...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Оставив без внимания ее попытку пошутить, Джанфранко сказал:

– Мне передали, что в мое отсутствие тебя видели одну в деревне, в тамошнем баре.

– Ну и что? Я устала и зашла туда, чтобы выпить стакан лимонада. – Она не понимала, о чем он.

– Келли, это совершенно непозволительно для моей жены, равно как и носиться по округе в машине с кем-то из слуг. Ты можешь себе представить, чтобы моя мама или Оливия допустили подобное? Они были в ужасе, когда узнали об этом. Я не могу постоянно находиться здесь и был бы весьма признателен тебе, если бы в мое отсутствие ты прислушивалась к их советам. Оливия утверждает, что пыталась сказать тебе, как подобает вести себя хозяйке дома, и не один раз предупреждала тебя о твоём поведении. Но ты проигнорировала это.

Теперь Келли знала, что имела в виду Оливия, говоря ей, что скоро она перестанет улыбаться.

– Удивительно, если учесть, что твоей матери не было здесь во все время твоего отсутствия. Что касается Оливии, помимо того, что она назвала меня шлюхой в первый же вечер после того, как ты уехал, она на следующий же день отправилась в Рим. Так что фактически, если бы не Анна, в

доме не было бы ни единой души, с кем я могла бы перекинуться словом. Твоя мама возвратилась за день до твоего приезда.

Он сложил руки на своей широкой груди.

– Это неправда. Я просил их заботиться о тебе. Келли уставилась на него.

– Надменный, напыщенный глупец! – воскликнула она, подбоченясь. – Если бы ты только мог слышать себя! – Она тряхнула головой, светлые волосы взметнулись вокруг лица. – Ты говоришь так, словно читаешь нравоучения ребенку.

– Не ребенку, Келли, а тебе. – Он холодно улыбнулся ей. – А ты имеешь обыкновение вести себя как ребенок.

– Ну извини, – с сарказмом ответила она. – А ты имеешь обыкновение вести себя как Господь Бог.

Он прислонился спиной к письменному столу и сунул руки в карманы.

– А ты имеешь обыкновение, не сказал бы, лгать, но сильно... преувеличивать, – протянул он. – Я звонил тебе каждый день, и ты ни словом не обмолвилась, что одна. Тебе не кажется это странным? – Он саркастически поднял черную бровь.

– Не более странно, чем иметь мужа, который не верит ни единому моему слову, – горько возразила она и, круто повернувшись, ушла с глазами, полными слез.

В полночь Келли лежала без сна в постели и напряженно

ждала Джанфранко. Она услышала шум душа, потом наступила тишина. Дверь спальни открылась и закрылась. С пересохшими губами, чувствуя, как внутри, у нее все переворачивается, Келли следила сквозь ресницы за тем, как он вошел в спальню. Он великолепный любовник, подумала она, но брак нечто большее, чем только секс. Необходимо разделять надежды друг друга и опасения, необходимо взаимное доверие. Она открыла рот, чтобы сказать это ему, когда он лег рядом с ней, но тут же получила нежный поцелуй.

– Извини, Келли. – Он обнял ее. – Мама сказала, что действительно уезжала. Прости меня. – Быстро освободив ее от ночной рубашки, он нежно заключил ее в объятия.

Прижатая к его обнаженному телу, она вздохнула и простила его...

Когда утром Келли открыла глаза, Джанфранко стоял рядом с кроватью, одетый в серый костюм-тройку.

– Прости, что разбудил тебя, любимая, но я сейчас уезжаю в Рим. По-видимому, мне придется задержаться там дня на два, и я не смог уехать, не поцеловав на прощанье свою женушку. – Он нежно улыбнулся ей, отчего ее сердце учащенно забилось. – Жди меня и будь умницей. Я позвоню сегодня.

Наклонившись, он нежно поцеловал ее.

От его поцелуя у Келли закружилась голова, и она не успела ничего ему сказать.

Ничего не изменилось, грустно подумала она, бесцельно идя на следующее утро через огромный холл.

Альдо позвал ее к телефону. С радостью она услышала голос Джуди, которая предлагала ей приехать в Дезенцано пообедать и заглянуть в магазины. Они уже переселились в свой дом у озера, поскольку свекор был болен и вся семья переселилась в Италию, чтобы быть рядом с ним.

Келли сообщила Кармеле, куда едет, и уже через два часа была в Дезенцано. Келли снова увидела сад, в котором она впервые встретила Джанфранко, когда приняла его за вора.

Возвращаясь в семь вечера в «Каса Мальдини», Келли была в гораздо лучшем расположении духа, чем раньше. В багажнике «мерседеса» лежало множество детских вещичек и кое-какая одежда для нее самой. Она с трудом уложилась в сумму, выделенную ей Джанфранко, и надеялась, что он не рассердится на то, как много она истратила.

Последнее, что она увидела, был яркий свет фар летевшего прямо на нее автомобиля. Она резко вывернула руль и остановилась. Ремень безопасности больно врезался ей в живот, но помог избавиться от сильного удара о лобовое стекло. С бьющимся сердцем Келли оглянулась: машины и след простыл. Дрожа от шока, она потрогала лоб. Шишка не слишком большая, успокоила она себя, но ей потребовалось несколько минут, чтобы немного унять дрожь и продолжить путь.

К тому моменту, когда Келли подъехала к «Каса Мальдини», она почувствовала себя плохо. Выйдя из машины, она попросила Альдо принести в дом ее покупки и сразу поднялась вверх. Войдя в ванную комнату, она убедилась, что

ее самые мрачные опасения подтвердились: у нее открылось кровотечение.

Она осторожно вернулась в спальню, куда в этот момент входила со свертками Анна. Келли с трудом выговорила, что ей нужен доктор, и через минуту рядом с ней уже была Кармела, которая помогла ей раздеться и лечь в постель.

Следующие несколько часов превратились в сплошной кошмар. Приехал доктор Кредо и после тщательного осмотра решил, что Келли не должна двигаться. Ребенок, похоже, не пострадал, но надо было исключить всякий риск. Ей придется пробыть в постели по крайней мере всю следующую неделю, а он будет навещать ее каждое утро.

– Это просто идиотизм. Долго ты будешь выкидывать свои номера?

Голос Джанфранко вывел ее из дремоты. Открыв глаза, она увидела, что он стоит около ее кровати. В темном костюме, воротник белой шелковой рубашки расстегнут, галстук болтается на шее.

– Ты вернулся, – глупо пробормотала Келли.

– Вернулся? Еще бы не вернуться. Я все бросил в разгар важных переговоров и нанял вертолет. А что, по-твоему, должен был я делать, когда мне сообщили, что ты едва не угодила в кювет и не убила себя и ребенка? Ты ненормальная или просто безнадежно глупа? Какого черта тебя понесло в Дезенцано, когда Оливия просила тебя не делать этого? Тебе что, жить надоело?

– Я тоже рада тебя видеть, – пробормотала Келли, закрыв глаза, чтобы не показать наворачнувшихся слез. Опять эта Оливия! Но на этот раз она была не в состоянии возражать: надо было сохранить силы для ребенка. Она в конце концов смирилась с тем, что Джанфранко был толстокожим как слон. Он наскакивал на нее как сумасшедший, вместо того чтобы проявить хоть немного чуткости.

– Черт побери, да смотри же на меня, когда я с тобой разговариваю!

Келли, натянув двумя руками одеяло до подбородка, открыла полные слез глаза и взглянула на него.

Джанфранко застыл. Его загорелое лицо стало серым. Что же он, черт возьми, так разорался на нее? Она плакала. Он никогда не видел Келли плачущей, и его сердце не выдержало.

– Келли... – начал он дрожащим голосом.

– Да что, в конце концов, тут происходит? – Кармела вошла в спальню. – Джанфранко, ты так кричишь, что тебя могут услышать слуги. Бросив сердитый взгляд на своего сына, она присела на край кровати и, откинув волосы со лба Келли, добавила: – Не обращай на него внимания, дитя мое, он сам не знает, что говорит.

Келли была настолько ошеломлена участливостью своей свекрови, что лишилась дара речи.

– Постарайся уснуть, как велел доктор, и ни о чем не беспокойся – и ты и малыш будете в полном порядке. – Потом,

снова переведя гневный взгляд на сына, она поднялась. – А тебе стоило бы пойти выпить чего-нибудь и остыть немного.

Джанфранко на секунду заколебался. Он посмотрел на Келли, но она отвела взгляд. Круто повернувшись, он вышел из комнаты.

За одну ночь отношение Келли ко всему в корне изменилось. Потрясенная случившимся, она осознала, что, если бы не милость Божья, все было бы куда ужаснее – она могла бы потерять ребенка. Это не позволило ей думать ни о чем другом.

Джанфранко пришел к ней на следующее утро, и она выслушала его извинения за то, что накануне он накричал на нее.

Когда Джанфранко обнял ее и поцеловал, Келли отреагировала с некоторой сдержанностью. Когда он сказал ей, что доктор запретил всякую близость вплоть до рождения ребенка, она с пониманием отнеслась к этому, а когда он предложил спать в отдельной спальне, чтобы не доставлять ей неудобств, она согласилась и с этим.

Какая-то вялость навалилась на нее, ей хотелось только отдыхать и заботиться о ребенке. Джанфранко был сама доброта. Он возил ее ужинать с друзьями и всячески проявлял заботу о ней. Но дела держали его в Риме, а затем последовала поездка в Австралию – надо было проверить там виноградники. Ехидные высказывания Оливии больше не действовали на Келли: ее ребенок был куда важнее, чем мелоч-

ная ревность вдовствующей невестки.

Однажды вечером она позвонила Джанфранко в Рим, и трубку сняла Оливия. Джанфранко, которому она не задавала ни единого вопроса, принялся объяснять ей, что Оливия приехала в Рим за покупками, поэтому, естественно, остановилась в семейных апартаментах. Келли ответила: «Да, конечно».

Только выходные дни накануне Пасхи вывели ее из состояния апатии. Солнце сияло, наступила весна, и Келли, которая была уже на восьмом месяце, наконец надела то белое с розами муслиновое платье, которое ей купила Корнелия. Она криво улыбнулась, увидев свое отражение в зеркале. Казалось, минула целая вечность с того момента, когда она ворчала по поводу этого платья. Теперь оно действительно выглядело довольно мило, потому что не болталось на ней.

– Кара, ты готова?

Джанфранко вошел в спальню и замер.

Келли стояла перед зеркалом, улыбаясь, и ему показалось, что он никогда еще не видел ее такой красивой. Это бело-розовое широкое платье с большим мягким воротником. Эти длинные, отливающие серебром волосы, падающие на плечи. Она словно сошла с полотна Гейнсборо, и он едва смог обуздать свои чувства. Еще месяц и несколько недель – и она снова будет принадлежать ему.

Сказав себе это, он подошел к ней и взял ее за руку. Келли ответила ему улыбкой, а он легко поцеловал ее в губы –

единственное, что мог себе позволить.

– Идем, я провожу тебя вниз, на ужин. Джанфранко обнял ее, и Келли расслабилась от тепла его тела, ощутив знакомый прилив счастья, который вызывало его прикосновение.

Когда он свободной рукой погладил ее живот, наклонил к ней свою темноволосую голову и сказал севшим голосом: «Уже недолго. Я едва могу дождаться», она, как прежде, почувствовала себя желанной.

Ужин проходил замечательно. Кармела сделала Келли комплимент по поводу того, как она выглядит. Скандал разразился, когда приступили к кофе...

Начало положила Кармела:

– Будет все высшее общество Рима. Мы всегда бываем там всей семьей и остаемся на всю ночь. Это самый главный благотворительный ежегодный бал. Все хотят отпраздновать окончание Великого поста.

– Звучит заманчиво. – Келли улыбнулась. Она давно уже не чувствовала себя так хорошо. – Не могу дождаться.

Джанфранко сказал, что ему обязательно нужно быть там, что же касается Келли, то слишком рискованно и для нее, и для ребенка пускаться в такое далекое путешествие. Их не будет всего одну ночь, а Анна и вся прислуга получили указания присматривать за ней.

Да он, наверно, шутит! – подумала Келли. Это же будет в следующие выходные! А в следующую субботу – ее день рождения!

Оливия с улыбкой взглянула на Джанфранко.

– Если Келли боится оставаться одна, я спокойно пропущу этот вечер и побуду с ней.

– Это очень великодушно с твоей стороны, – отозвался Джанфранко, лучезарно улыбнувшись Оливии. – Но в этом нет никакой необходимости, правда, Келли?

– Конечно. Мне будет прекрасно с Анной. Анна, похоже, искренне симпатизировала ей.

Чего она не могла сказать ни об одном из сидящих с ней сейчас за ужином...

Внезапно ей пришла в голову мысль о том, что за последние несколько месяцев, в течение которых она была замужем за Джанфранко, ее жизнь изменилась коренным образом. За исключением нескольких случаев, она соглашалась со всеми его желаниями, настолько неуверенно чувствовала себя в роли его жены. Он же ни в чем не изменил своего стиля жизни. Его поездки за рубеж, его частые визиты в Рим... Во время внезапного озарения Келли вдруг все это отчетливо увидела, и ей совершенно не понравилось то, какой она стала. Шаг за шагом она потеряла веру в себя. Без всяких возражений она согласилась на отдельные спальни, потому что он сказал, что так будет лучше для нее. Как часто она просыпалась среди ночи, одна в огромной кровати, со страхом думая о предстоящих родах! Как ей хотелось почувствовать успокаивающие объятия Джанфранко!... И секс тут был ни при чем...

Келли вспомнила, каким ненасытным он был, когда они

только что поженились. Он был зрелым мужчиной с огромной сексуальной энергией. Как говорила Джуди? «Он не принадлежит к числу тех, кто способен на глубокие чувства... не выпускай его из поля зрения». Наверное, ей стоило прилечь... слушаться...

Келли, сидевшая по правую сторону от Джанфранко на стуле с жесткой спинкой, выпрямилась и искоса взглянула на его точеный профиль. Ее муж выглядел уставшим. Возможно, он неверен ей. Сомнения вдруг с повой силой нахлынули на нее.

– Ты уверена? – быстро спросил Джанфранко и, прищурившись, так пристально посмотрел своими черными глазами в ее лицо, словно хотел прочесть ее мысли.

Келли изобразила улыбку онемевшими губами.

– Совершенно уверена. – Она накрыла ладонью его руку, лежащую на столе. – А сейчас извините меня. – Она сжала его руку перед тем, как встать. – Я немного устала.

Она приподнялась, и Джанфранко немедленно вскочил и взял ее за руку, чтобы помочь встать.

Ей нужно было побыть одной, нужно было время на то, чтобы привести в порядок свои мысли, однако Джанфранко настоял на том, чтобы проводить Келли в её комнату и помочь раздеться. Она видела, как в его темных глазах вспыхнуло желание, когда он поднял ночную рубашку над ее головой и плавно опустил ей на плечи. Его большая ладонь с нежностью задержалась на ее животе.

Несколько последних недель Келли отгоняла от себя воспоминания о том, что чувствовала, когда он обнимал ее с такой страстью. Он, конечно, вспомнит про ее день рождения, сказала себе Келли. Не надо все усложнять.

– Я знаю, Келли, – пробормотал Джанфранко, обнимая и целуя ее. Его темные глаза, прищурившись, вглядывались в ее лицо. – Но это ненадолго. – Нежно улыбнувшись, он взял ее руку и крепко прижал к своему телу. – Мне намного хуже, уверяю тебя. – Он тяжело вздохнул. – Но как только это станет возможным, я собираюсь увезти тебя на длительный отдых.

Он хотел ее, и он любил ее. Иначе и не могло быть, потому что она Вы этого не перенесла.

В эту ночь Келли крепко уснула, совершенно убежденная в том, что Джанфранко любит ее, но утром она увидела в окно, как его «мерседес» скрылся из виду.

С глазами, полными слез, она поднялась в свою спальню и, свернувшись калачиком на постели, разрыдалась. Сегодня был день ее рождения, и она была уверена, что Джанфранко вспомнит об этом и останется с ней. С ее точки зрения, это было решающее испытание его верности. Она ошиблась...

В доме было полно слуг, но она никогда не чувствовала себя такой одинокой. Она рыдала, сотрясаясь всем телом, до тех пор, пока не выплакала все слезы. Ноющая боль в нижней части спины, которую она почувствовала через какое-то время, заставила ее в конце концов сесть в постели. Келли

протерла опухшие глаза. То, что она погрузилась в жалость к самой себе, ничего хорошего не принесет ни ей, ни ребенку.

В десять часов вечера Келли поняла, что пора... Она почувствовала боль уже в середине дня, но отдохнула, поужинала и пыталась убедить себя, что все в порядке. Было еще слишком рано...

Альдо отвез ее в больницу в Вероне. Анна сопровождала ее, и Келли была благодарна ей за помощь. Анна держала ее за руку и успокаивала, когда боль становилась непереносимой.

В час ночи Келли родила здоровенькую девочку с копной рыжих волосиков. В радостном возбуждении оттого, что держит свою малышку на руках, она на мгновение забыла о том, что Джанфранко не был с ней в момент, когда она особенно нуждалась в нем. А в следующий час, когда доктор и сестра суетились вокруг нее, она забыла обо всем.

Звук приглушенных голосов разбудил Келли, она открыла глаза и осмотрелась. Она находилась в незнакомой комнате. Тут Келли внезапно все вспомнила и взглянула в сторону колыбельки.

Джанфранко стоял возле колыбельки. Он все еще был в элегантном вечернем костюме, который надел на благотворительный бал. Его точеное лицо выглядело суровым. Рядом с ним стояла его мать.

Наконец он приехал, подумала Келли. Ее сердце переполняли любовь и гордость. Она собиралась заговорить, чтобы

он понял, что она проснулась.

– Оно рыжее, – Он удивленно взглянул на мать и снова перевел взгляд на ребенка.

Келли услышала его и возмутилась.

– Это девочка, а не оно, – пробормотала она, стараясь сесть.

– Келли, Келли, миа кара. – Джанфранко бросился к ней. – Келли, она красавица. Чудесная малышка. Спасибо, спасибо. Как я сожалею, что меня не было здесь.

Сев на край кровати, он взял ее лицо в свои сильные ладони, покрыл поцелуями ее глаза, лоб, нос, прижался губами к ее губам.

Кармела сказала:

– Мои поздравления, Келли! Девочка великолепная, а мне теперь, пожалуй, следует оставить вас втроем, чтобы вы начали привыкать к тому, что вы – семья.

К удивлению Келли, перед тем как уйти, Кармела опустилась на колени и поцеловала ее в щеку.

– Ты не расстроился, что это не мальчик? – спросила Келли у Джанфранко, когда он снова подошел к колыбельке и устался на ребенка так, словно никогда раньше не видел новорожденных.

– Конечно, нет, кара. – Он улыбнулся потрясающей белозубой улыбкой. – Следующий будет обязательно мальчик.

– Ну, как тут наша мамочка? – весело спросил доктор Кредо, подойдя к кровати. Взяв Келли за запястье, он проверил

ее пульс. – Прекрасно.

Тем временем сестра ловким движением подсунула ей под спину еще одну подушку.

– Вот и хорошо. Вы нас немного напугали. На три недели раньше срока... ну, скажем, на неделю, поскольку на две недели раньше или позже – вещь допустимая. Но я счастлив, ребенок прекрасный. А вот о вас придется позаботиться. У вас небольшое кровотечение после родов, так что нам придется задержать вас здесь на неделю.

Келли с трепетом взглянула на крохотное личико, ярко-рыжие волосики, и ее захлестнула любовь. Она прижала ребенка к себе и поцеловала в щечку нежным поцелуем.

Помощница сестры приложила ребенка к ее груди.

Когда доктор и сестра ушли, Джанфранко подошел к кровати.

– Смотри, Джанфранко, она ест, – пробормотала Келли, которой хотелось разделить с ним волшебный момент. – Ну разве она не прекрасна?

Он поднял ресницы, стараясь спрятать слезы, навернувшиеся на глаза.

– Да, вы обе прекрасны, – сказал он севшим голосом и, опустившись на кровать рядом с Келли, нежно провел кончиком пальца по щечке девочки, по груди Келли.

Он смотрел на мать с ребенком и молча благодарил Господа за то, что тот сохранил их.

– Хочешь поддержать ее? – спросила Келли. Она подняла

голову, ее счастливые, сверкающие, как сапфиры, глаза искали его взгляд. – Смелей, она не кусается.

Джанфранко очень осторожно взял ребенка на руки.

Они отлично смотрелись рядом. Широкоплечий темноволосый отец нежно держал новорожденную в своих сильных руках и смотрел на малышку с совершенно ошалелым; выражением на красивом лице.

– Она унаследовала волосы от моего отца, но глаза у нее безусловно твои, – шептала Келли. – Я думаю назвать ее Анна Луиза. Ты хотел назвать мальчика Альфредо и сказал, что, если будет девочка, я сама могу выбрать имя. Как ты считаешь? Анна в честь Анны, которая была мне надежным другом и очень помогла прошлой ночью, а Луиза – в честь моей матери.

– Анна Луиза – отличное имя, – спокойно ответил Джанфранко. Разве мог он что-то возразить? Ребенок будет назван в честь горничной! Но ведь эта горничная была единственным другом, которого обрела Келли за короткий срок их брака. Его не было рядом, когда Келли так нуждалась в нем. За тридцать один год своей жизни он еще никогда не чувствовал себя таким виноватым. Это было совершенно новое ощущение для него. Он молча поклялся себе, что теперь его жена и ребенок всегда будут стоять для него на первом месте.

Вошла сестра, забрала малышку у Джанфранко и положила ее в колыбельку.

– Отдохните, синьора Мальдини, – сказала она.

– Хорошо. – Келли зевнула. – Я немного устала. – Она опустила длинные ресницы. Почувствовав нежное прикосновение губ Джанфранко к губам, улыбнулась. – Замечательно, – пробормотала она и уснула.

Когда, проспав три часа, Келли проснулась, ей доставили первые цветы, а к вечеру сестра начала жаловаться, что у них не хватает ваз. От Джанфранко принесли дюжину красных роз. В прилагаемой открытке было написано только: «Спасибо, моя любимая». Тут были цветы от всей прислуги, от друзей... половины из которых Келли не знала.

Это была лучшая неделя в ее жизни. Джанфранко приезжал по утрам и вечерам. Он подарил ей уникальный бриллиантовый браслет. «За нашу дочь», – сказал он и поцеловал ее. Однажды он привел с собой Анну, доставив Келли этим большое удовольствие, в другое утро – Оливию, что ей удовольствия не доставило. Пока Джанфранко разговаривал с сестрой, Оливия не преминула поддеть Келли:

– Даже в этом ты оказалась неспособной: мы хотели мальчика.

Келли оставила ее замечание без внимания, так она была счастлива. Приехавшая Джуди Бертони проговорилась, что снова беременна, и они договорились, с согласия Джанфранко, вместе потратить несколько дней на магазины, как только малышка немного подрастет.

За исключением доктора, весь медицинский персонал го-

ворил только по-итальянски, и, к гордости Келли, ее итальянский значительно улучшился.

В следующую субботу в больничную палату вошел Джанфранко. Он выглядел, как всегда, неотразимо.

– Ты готова, Келли? – Да. – Она поднялась.

– Выглядишь великолепно, – пробормотал он и поцеловал ее. – Идем. Машина, детская коляска – все ждет тебя, Келли. А еще у меня есть сюрприз для тебя.

Джанфранко улыбнулся сияющей улыбкой.

– Только сначала няня вынесет ребенка, а я оформлю твою выписку.

Они остановились возле регистратуры. Келли ждала, пока Джанфранко получит все бумаги. Она бросила на него взгляд, поскольку он почему-то слишком задержался. Когда он вернулся к ней, улыбка исчезла с его лица и вид у него был странно мрачный.

– Что-то не так? – спросила Келли, испугавшись, что ее не выпишут.

– Да нет, все в порядке.

Пока ехали в «Каса Мальдини», они почти не разговаривали. Джанфранко, молчаливый и насупленный, помог ей войти в дом с маленькой Анной.

Их уже ждали. Кармела, Оливия и прислуга – все суетились вокруг малышки. Джанфранко взял переносную детскую кроватку, а другой рукой поддерживал Келли.

– Я провожу тебя наверх.

Через несколько минут Келли стояла посреди детской, забитой всеми мыслимыми и немыслимыми вещами, которые только могли понадобиться ребенку. Джанфранко с удивительной ловкостью положил спящую девочку в колыбельку и, выпрямившись, элегантно жестом показал на одну из дверей.

– Через эту дверь можно пройти в смежную спальню, ванную для няни и в еще одну ванную комнату.

– Как красиво. – Келли оглядела стены с изображениями животных и разных сказочных персонажей и едва не вскрикнула, увидев огромного паука.

– Ты думала, что будут отремонтированы гостевые комнаты, а мы придумали сделать детскую здесь. Эта комната – смежная с нашими. Идея принадлежит Оливии.

Этот паук должен был навести меня на мысль, что без Оливии тут не обошлось, подумала Келли.

– Да, очень милый сюрприз. – Отведя взгляд, она подошла к колыбельке и с улыбкой посмотрела на спящую малышку. – Нам будет чудесно здесь, правда, дорогая? – сказала она. Выпрямившись, Келли снова взглянула на Джанфранко. – Пожалуй, остальное я посмотрю потом. А пока прилягу.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка застыла на ее губах, когда она подошла к двери, которая вела в ее бывшую спальню.

Длинные пальцы схватили ее за руку и остановили.

– Подожди, Келли. Мама назначила на сегодня несколько

собеседований, чтобы выбрать няню. Наверное, ты тоже захочешь поучаствовать в этом, – сказал Джанфранко, внимательно глядя на нее.

– Нет, давай сразу расставим все на свои места. Я не хочу, чтобы за моим ребенком на первых порах ухаживала какая-то няня... а может быть, и все время. – В этом она была непреклонна. – Я достаточно ясно выразилась?

– Да, достаточно. Я понял. По-твоему, я ничего не способен сделать так, как надо. – Джанфранко взорвался: – Почему ты ничего не сказала мне о том, что в прошлую субботу был твой день рождения? – Оттого, как резко он сменил тему, у Келли голова пошла кругом. – Я бы так ничего и не узнал, если бы, когда брал твои документы из больницы, няня не сказала мне, что, если бы ты родила на час раньше, у вас с Анной день рождения был бы в один день. Неужели ты не понимаешь, как отвратительно я себя чувствую из-за этого?

– И на половину не так отвратительно, как я, – тихо ответила Келли.

– Я не заслужил того, чтобы мне напомнили об этом. – Их взгляды встретились. – Неужели ты хоть на секунду могла подумать, что я оставил бы тебя одну в день твоего рождения или что я не сожалею о том, что пропустил рождение нашего ребенка?

– Верю, – согласилась Келли. Их малышка спала в нескольких шагах от них, и ей не хотелось спорить. Она

услышала его тяжелое дыхание и положила ладонь ему на руку. – Сожалею, но я считала, что ты знал дату моего дня рождения, ведь она была указана в нашем свидетельстве о браке. И мой паспорт у тебя. – Она посчитала свои доводы убедительными, но, увидев его мрачное лицо, решила сменить тактику. – Я знаю, что ты – Лев, родился третьего августа, – попыталась она успокоить его. – Давай не будем ссориться из-за этого.

– Ты права. Мне следовало знать. – Он протянул руку, сжал своими сильными пальцами ее напряженные плечи и притянул ее к себе. – Я недостойн тебя.

Ее сердце глухо забилося. Она сделала глубокий вдох. Эмоции захлестнули ее. Она любила своего мужа, отца своего ребенка. Разве что-то еще имело значение? Келли подняла руки и обвила его шею. Ее охватило нестерпимое желание снова почувствовать себя в его объятиях, ощутить близость его тела – теперь, когда не надо было думать об округлившемся животе.

– Ой, простите. – Оливия хмыкнула. – Мне не терпелось узнать, что Келли думает о детской.

Джанфранко выпустил Келли из объятий.

– Она в восторге. Не правда ли, кара! Взглянув на Оливию, Келли сказала:

– Да, прекрасная комната. Ребенок заплакал.

– Простите, но мне надо покормить Анну. Келли подошла к колыбельке и взяла девочку на руки.

– Тебе надо как можно скорее приучить ее к бутылочке, – посоветовала Оливия. – Тогда ее может покормить любой.

Оставив без внимания этот совет, Келли села на стул, и через минуту Анна жадно зачмокала губками.

Джанфранко посмотрел на мать с ребенком, его взгляд остановился на груди Келли. К своему изумлению, он почувствовал нечто похожее на ревность к своей дочурке.

– Я должен уйти, – коротко сказал он.

Келли подняла глаза, но он уже был на пороге комнаты. Теперь, когда она осталась наедине с малышкой и своими мыслями, она вспомнила все, что произошло в последние полчаса, и тревожный сигнал громко прозвучал в ее голове. В кого же она превратилась? Готова умиротворять Джанфранко любой ценой! Буквально извинялась перед ним за то, что он забыл о ее дне рождения! Боялась выразить свое мнение, чтобы не обидеть его или его родню.

Спустя месяц Келли, которая не находила себе места и не могла уснуть, выскользнула из постели. Она бросила беглый взгляд на смежную комнату, которую занимал Джанфранко. Ей хотелось войти к нему. Но он решительно отказывался спать с ней вместе до тех пор, пока через полтора месяца она не получит одобрение доктора. В дополнение к браслету он подарил ей бриллиантовое ожерелье и машину в качестве запоздалого подарка в ее день рождения. Он был нежен с Анной, когда бывал дома. Да случалось такое нечасто.

Любовь – опасное чувство, подумала Келли. Но любовь к ребенку – это совершенно иное. Она была готова на все ради Анны. У нее становилось все меньше молока, и няня посоветовала потихоньку переходить на детские смеси, однако малышке, кажется, они не слишком нравились. Келли осторожно открыла дверь детской и на мгновение застыла на пороге.

Оливия держала на руках Анну и кормила ее из бутылочки.

– Что это, черт возьми, ты тут делаешь? Оливия взглянула на Келли.

– Практикуюсь, чтобы заменять тебя в твое отсутствие.

Дрожа от гнева, Келли выхватила малышку из рук Оливии. Теперь она понимала, почему Анна плохо брала грудь.

– Убирайся немедленно и держись подальше от моего ребенка, – взорвалась она.

– Твоего ребенка? – фыркнула Оливия. – Разве ты еще не поняла? Джанфранко вышвырнет тебя, как только ты перестанешь кормить грудью, и мы заживем с ним семьей. Ваша так называемая свадьба ограничилась только гражданской церемонией в Англии, и ему даже не понадобится разводиться с тобой, чтобы обвенчаться со мной в церкви, глупая ты корова.

И Оливия удалилась.

Келли пыталась убедить себя, что это всего лишь бредни не совсем здоровой женщины. Но в глубине души она не

очень в это верила. Она поступалась многим ради того, чтобы не потерять Джанфранко, но в том, что касается ее дочери, она будет сражаться как тигрица.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три года спустя.

Сай-Эйден-Коув в графстве Корнуолл был практически безлюден, хотя уже началось лето. Келли стояла на скалистом берегу маленького пляжа и наблюдала за тем, как ее дочка насыпала песок в маленькое красное ведерко. Ничто не могло помешать намерению Анны Лу построить песчаный замок, и это напомнило Келли о Джанфранко. Анна Лу унаследовала отцовские глаза и отцовскую решимость.

К сожалению, этого нельзя было сказать о ее матери, грустно заключила Келли. Кажется, был такой же июньский день, когда она покинула «Каса Мальдини».

В результате все оказалось довольно просто, вспомнила она, мысленно вернувшись к тому тяжелому времени. Она рассказала Джанфранко о том, что сделала Оливия, а он ответил, что она придает этому слишком большое значение. Они поссорились, но на этот раз Келли и не подумала уступить.

В ночь накануне того дня, когда ей предстояло идти к доктору для окончательного обследования, Джанфранко пришел в ее спальню. Он пристально посмотрел на нее, лежавшую на просторной кровати.

– Завтра у тебя встреча с доктором... я прав?

Их взгляды встретились, и она ощутила, как задрожала каждая клеточка ее тела. Словно почувствовав это, он сел на край кровати и заключил Келли в объятия. Она почувствовала теплый мускусный, до головокружения знакомый запах, когда он поцеловал ее жадным, нетерпеливым поцелуем.

– Белла миа, – простонал он, одной рукой глядя ее и подняв другую, чтобы откинуть ее волосы за спину. Его темные глаза пристально вглядывались в ее запрокинутое лицо, в полуоткрытые губы. – Не задерживайся завтра. Я умираю от нетерпения.

Она была настолько глупа, что этих поцелуев оказалось достаточно, чтобы убедить ее: все страхи беспочвенны и Джанфранко любит ее. Они были семьей, и их будущее рисовалось ей в радужном свете. Но когда, уходя, он сказал: «Попроси доктора, чтобы он выписал тебе таблетки – это самое надежное защитное средство», ее эйфория несколько поубавилась.

Однако это было ничто в сравнении с тем шоком, который она пережила на следующий день. Вернувшись от доктора в приподнятом настроении, она тут же направилась в кабинет Джанфранко, торопясь сообщить ему хорошую новость.

Та боль до сих пор не прошла, сокрушенно подумала Келли. Дверь была приоткрыта, и она увидела Джанфранко и Оливию в объятиях друг друга. Предостережения Джуди, поведение Оливии – все теперь встало на свои места. Но настоящее потрясение Келли испытала, когда услышала, о чем

они говорили. Это и побудило ее принять решение немедленно уехать.

– Уверяю тебя, Оливия, у нас с Келли больше никогда не будет детей.

– Так чего же тогда ждать? Отделайся от нее немедленно, Джанфранко. Я в состоянии позаботиться об Анне Луизе. Я люблю ее.

Келли приняла решение немедленно... Она выглядела искренне огорченной, когда сообщала Джанфранко, что доктор порекомендовал подождать еще неделю. Потом уговорила Джанфранко отпустить ее с ребенком на несколько дней погостить к Джуди Бертони, предложив ему воспользоваться этим, чтобы уладить свои дела в Нью-Йорке.

По иронии судьбы Джанфранко сам помог ей в ее намерении бежать от него. Он вручил ей мобильный телефон, попросив звонить ему, когда она сможет, поскольку не хотел беспокоить ее в то время, когда она занимается с Анной Луизой. Зайдя в его кабинет, Келли, к счастью, нашла свой новый паспорт, который ей оформил Джанфранко и в который была вписана малышка. Он говорил, что хочет поехать с Келли куда-нибудь отдохнуть. Она не переставала удивляться самообладанию этого человека. Видимо, таким своеобразным способом он собирался расплатиться с ней! Что же, его ждет жестокое разочарование, подумала она.

На следующий день она была на борту самолета, улетающего в Лондон, а вечером сняла все деньги со своего бан-

ковского счета. Это были деньги за ее проданный дом. Келли несколько раз звонила Джанфранко, чтобы не вызвать его подозрений.

Последний, решающий звонок она сделала, когда выехала из отеля, в котором провела ночь. Она сказала ему, что оставила машину в римском аэропорту и что уходит от него. С ним может оставаться Оливия, но не ее ребенок.

Он все еще что-то кричал в трубку, когда она выключила телефон и швырнула его на дорогу.

Сохранив детские воспоминания о дяде Томе, она отправилась в его дом в Корнуолле. Он встретил ее и Анну Луизу с распростертыми объятиями и настоял на том, чтобы она остановилась у него, в коттедже с видом на залив. Своим соседям он представил ее как Келли Хоуп, свою недавно овдовевшую племянницу с дочкой, и предупредил, что единственное, что ей не надо делать, чтобы не обнаружить себя, – это пользоваться государственными компьютерными программами здравоохранения, образования и т.д.

Положив деньги за проданный дом на банковский счет Тома, Келли не испытывала никаких проблем. Эллен Джонс, отец которой был другом Тома, владела небольшим спортивным клубом в соседнем городке Ньюкуэй. Она предоставила Келли работу в своем клубе на неполный день и платила ей за это наличными.

Три года жизнь Келли складывалась совсем неплохо. Она посмотрела на Анну Лу. Стиснув зубки, та строила «самый

большой замок из песка» для дяди Тома.

Келли смахнула невольно набежавшие слезы. Вчера они похоронили дядю Тома. Это он придумал называть Анну Луизу Анной Лу. Они больше никогда-никогда его не увидят. Келли никогда больше не услышит, как он, гортанно выговаривая слова, беседует с ней, успокаивает и уговаривает ее. Их жизнь теперь изменится...

Джанфранко остановился, чтобы успокоиться. Это была Келли, еще более красивая, чем раньше. Даже дешевое черное платье, которое было на ней, не могло скрыть ее великолепную фигуру. Ее отливающие серебром волосы отросли и теперь доходили почти до талии.

Он ни в чем ей не отказывал, а она предала его...

Он медленно подошел к ней.

– Так вот где ты прячешься, Келли?

Келли, конечно, узнала этот глубокий голос с акцентом. Джанфранко стоял не более чем в шаге от нее. На его лице появились новые морщины, но от этого его смуглое лицо стало только еще красивей. Она, попятившись, прижалась спиной к скале.

– Ты, – пробормотала Келли. Казалось, ее недавние мысли о нем материализовались. Она поспешно отвела взгляд и посмотрела на Анну Лу, которая сидела на песке и удивленно тарасилась своими карими глазами на незнакомого мужчину.

– Большой дядя, – сказала Анна Лу, – хочешь построить

замок из песка?

Джанфранко немедленно присел на корточки.

– Анна? – тихо спросил он. И на глазах у Келли его жесткое лицо удивительно преобразилось. Он улыбнулся девочке. – Я люблю строить замки из песка, Анна.

Не очень уверенно он протянул руку, чтобы погладить огненно-рыжие волосы, обрамлявшие ангельское личико. Две пары похожих темно-карих глаз встретились и не могли оторваться друг от друга. Это была любовь с первого взгляда.

Увидев, как Анна Лу улыбнулась, Келли проглотила подступивший к горлу ком.

– Меня зовут Анна Луиза Хоуп, но все зовут меня Анна Лу, – серьезно поправила его девочка.

Джанфранко метнул на Келли испепеляющий взгляд. Но когда он снова повернулся к ребенку, его лицо вновь обрело нежное выражение.

– Значит, и я буду звать тебя Анна Лу, – сказал он с улыбкой. – А ты можешь называть меня папой.

Знает, куда бить. Келли онемела от такого предложения Джанфранко.

Анна Лу смотрела на Джанфранко широко раскрытыми глазами.

– Ты – мой папа? – спросила она, потом взглянула на мать. – Мама? – произнесла она всего одно слово, но впервые за свою короткую жизнь очень неуверенно.

Джанфранко смотрел на Келли, как огромная черпая пан-

тера, приготовившаяся к прыжку. Он увидел ее посеревшее лицо и испуганные глаза.

– Скажи ей, Келли, – глухо сказал он.

От потрясения Келли едва могла связно мыслить, тем более говорить. Анна Лу не замечала отсутствия папы в своей жизни до тех пор, пока после Пасхи не стала ходить в детский сад. Келли сказала ей, что он живет далеко, и девочка успокоилась. Глядя сейчас на мужчину и ребенка, на торжествующее выражение на лице этого мужчины, она поняла с упавшим сердцем, что выхода у нее нет... Она попала в западню.

Келли опустилась на песок рядом с Анной Лу.

– Да, солнышко. – Она инстинктивно обняла дочку за плечи. – Это... – Она увидела насмешливый взгляд Джанфранко и беспомощно запнулась. – Он... то есть этот человек – твой папа.

Анна Лу вывернулась из-под руки Келли и бросилась к Джанфранко.

– Ты правда мой папа? – И с детской непосредственностью добавила: – Дядя Том отправился в рай, поэтому он прислал тебя.

Джанфранко схватил Анну Лу на руки и крепко прижал к груди.

– Что-то вроде этого. – Он бросил поверх головы ребенка полный ненависти взгляд на Келли и, поднявшись на ноги с Анной Лу на руках, добавил: – Но в отличие от твоего дяди

Тома я собираюсь остаться с тобой навсегда.

Он проговорил это тихо, поцеловал Анну Лу в нежную щечку и тут же получил ответный поцелуй.

Гордо подняв голову, Джанфранко пытливо смотрел прищуренными глазами на побелевшее лицо Келли. В его взгляде сквозило мрачное удовлетворение.

– Ведь правда, мама? – Он требовал от нее подтверждения с насмешкой, очевидной для Келли, но непонятной ребенку.

Келли неуверенно переминалась с ноги на ногу. Она побледнела еще больше. Ей удалось один раз сбежать от Джанфранко, но он никогда не повторит своей ошибки. По крайней мере в отношении своего ребенка. Что же касается ее... Она, вероятно, была сейчас так же не нужна ему, как и три года назад.

– Мама?

Личико Анны Лу было обращено к ней. Она ждала от матери подтверждения такой прекрасной новости.

Неожиданно Келли захлестнуло почти непереносимое чувство вины, смешанное с глубоким страхом за будущее. Ей не оставалось ничего другого, как согласиться...

Спустя несколько часов, когда замок из песка был построен и шумно одобрен, Келли пришлось пригласить Джанфранко к себе домой. Том завещал ей этот дом вместе со своими деньгами. Фактически только эти деньги у нее и оставались! Дядя жил на пенсию, которую прекратили выплачивать после его смерти. Келли не знала, что ей делать даль-

ше, но это беспокойство вытеснил теперь куда более сильный страх. Анна Лу была слишком мала, чтобы что-то заметить, а Джанфранко каждым своим взглядом и жестом давал понять Келли, что не может дождаться, когда они останутся наедине, и тогда разразится скандал.

– Почитай сказку, папа, – попросила Анна Лу, которую уже искупали и уложили в постель. Она смотрела на Джанфранко, стоявшего у кровати. – Пожалуйста.

Келли почувствовала легкий укол ревности от того, как быстро Джанфранко завоевал расположение ее дочки. Она перевела взгляд на него. Взъерошенный, он смотрел смеющимися глазами на малышку. Келли подумала о том, что ни одна женщина, будь ей три или девяносто три, не могла бы устоять перед его обаянием.

И к сожалению, она, Келли, не была исключением, с ужасом подумала она.

– Спокойной ночи, солнышко. – Келли наклонилась и прижалась губами к бархатной щечке, стараясь избегать любого контакта с Джанфранко. Выпрямившись, она добавила: – Папа укутает тебя.

Келли почти бегом бросилась из спальни и спустилась по лестнице вниз. Войдя в кухню, она бросила взгляд на стол. Их ужин состоял из гренок с бобами. Вряд ли такое меню соответствовало вкусам Джанфранко, но это было любимое блюдо Анны Лу. Келли принялась за уборку. Вымыла посуду, вытерла скамейки. Она готова была заняться любым де-

лом, лишь бы не думать. Но чувства не так-то легко контролировать. Когда все было переделано, она вернулась в гостиную и подошла к венецианскому, почти во всю стену, окну. Она стояла, устремив взгляд на песчаный пляж и море.

Она была счастливой здесь, ну, может быть, не счастливой, поправила она себя, но, безусловно, довольной своей жизнью. Это был летний домик. Передняя дверь вела в большую гостиную. Кроме того, здесь были кухня, кладовая, а сзади – дверь черного хода. Лестница вдоль боковой стены вела на площадку балкона, куда выходили двери двух спален и ванной комнаты. Дом стоял на краю рыбацкой деревни, и когда-то его сдавали отдыхающим. После того как Том однажды остановился здесь, он решил купить этот дом.

Том! Если бы только он был сейчас здесь, подумала Келли, сдерживая слезы. Он бы знал, что делать. Знал бы, как справиться с Джанфранко. Она распрямила плечи и глубоко вздохнула. Она повзрослела за последние три года. Она не была больше той наивной беременной Келли, которая ухватилась за предложение Джанфранко выйти за него замуж, польщенная тем, что он нанял детектива, чтобы разыскать, ее.

– Довольно впечатляющее убежище, – с насмешкой произнес за ее спиной глубокий хрипловатый голос, и она вздрогнула, поскольку не слышала, как он спустился по лестнице.

Повернувшись, она посмотрела на него.

– Как ты нашел меня? – сразу же бросилась в атаку Келли. – Снова детективы? – ухмыльнулась она.

Джанфранко пытливо смотрел на нее.

– Твой друг Том написал мне и все рассказал. Ничего больнее он сказать не мог. Кровь отлила от лица Келли, когда она взглянула на него широко распахнутыми глазами.

– Нет. Не верю.

Том не мог предать ее!

Джанфранко пожал широкими плечами.

– Как хочешь. – Он пересек комнату, опустился на кожаную софу и небрежно вытянул перед собой длинные ноги. – Теперь это не имеет значения. Хотя я должен поздравить тебя с тем, что ты все так ловко провернула. Сначала я подумал, что во всем виновата послеродовая депрессия, и проконсультировался с доктором Кредо. Но нет... Ты вышла из больницы стопроцентно здоровой и счастливой, с полугодовым запасом противозачаточных пилюль, – сухо сказал он.

Кровь прилила к щекам Келли. Ее ложь была раскрыта. Она бросила на Джанфранко колючий взгляд, возмущенная его тоном, но по его холодному, отстраненному виду ничего не смогла попятить.

– Ты просто великая актриса. Я снимаю перед тобой шляпу, – сказал он язвительно. – Я истратил целое состояние, наняв самых опытных детективов, но они не могли найти твои следы после того, как ты выехала из лондонского отеля. У тебя довольно многочисленная родня. Двоюродный брат с

отцовской стороны был, как я узнал, твоим самым близким родственником, которого они нашли. Твоя мама выросла в сиротском приюте. Тебе невероятно повезло – или это был хитроумный план, – что ты разыскала Тома, моя дорогая жenuшка. – Его губы холодно скривились. – Иначе тебе бы не выпутаться.

Келли, нахмурившись, слушала его. Джанфранко был точен до мелочей во всем, что касалось ее побега и ее семьи, так зачем он стал бы лгать, говоря, что Том сообщил ему о ее местонахождении? Она с ужасом поняла, что Джанфранко сказал правду. Ее ноги вдруг стали ватными, и она опустилась на ближайший стул. В это невозможно было поверить. Том предал ее. Келли хмуро посмотрела на Джанфранко.

– Когда он написал тебе? – тихо спросила она.

– Десять дней назад, видимо с больничной койки. Но я получил это письмо только вчера вечером. Он знал, что умирает, поэтому написал мне, что хотя он любит тебя как родную дочь, но больше не сможет заботиться о тебе.

Джанфранко сказал это таким сочувствующим тоном, что Келли стало немного легче на душе. В каком-то смысле она могла понять, что побудило Тома так поступить, хотя всем сердцем хотела бы, чтобы он этого не делал.

– Он написал также, что настало время мне подумать и о себе. – Его бровь саркастически изогнулась. – «Я думаю – , стоит использовать шанс». Видимо, это английское выражение.

– Да, у тебя сейчас есть шанс. Ты получил его, когда сболтнул, что ты – отец Анны Лу, – горько заявила Келли. – Ты мог травмировать ребенка, – не удержалась она.

В мгновение ока Джанфранко вскочил с софы и, схватив за плечи, поставил ее на ноги. Перевоплощение было невероятным. Его лицо было так перекошено от злости, что Келли испугалась за себя.

– И ты смеешь мне это говорить, дрянь такая? Ты, которая лишила ее отца на целых три года. – Его темные, как ночь, глаза неистово буравили ее взглядом. – Лишила меня моего ребенка. Нашла мне замену в лице своего любовника Тома.

– Нет. Нет! – закричала ошеломленная Келли. – Отпусти меня! – Она попыталась оторвать его руки, испуганная яростью, которую слышала в его го-лосе. – Все совсем не так.

Она снова попыталась освободиться, но он еще сильнее сжал ее плечи.

– Нет, так, моя красивая, вероломная женушка. Ты что, за дурака меня принимаешь? В этом доме всего две спальни, – процедил он сквозь зубы и сильнее прижал ее к своему на-прягшемуся телу.

– Там две кровати. Я спала в комнате с Анной Лу.

– Только для виду, в чем я не сомневаюсь, – проворчал он. – А сегодня я буду спать с Анной Луизой. Дио, ты даже лишила девочку ее настоящего имени, а я – я, ее отец, – должен выслушивать ее слова о том, что ее всегда звали Анна Лу.

Он смотрел на нее с яростью. Напряжение достигло предела.

– Когда я увидел тебя сегодня на пляже, то готов был убить тебя. По твоей милости я три года жил в настоящем аду. Но ты не стоишь того, чтобы меня лишили из-за тебя свободы. Я заставлю тебя испытать такие же мучения, которые испытывал я, – прошипел он с ненавистью.

Страх и напряжение, которые навалились на Келли с того момента, как он снова вошел в ее жизнь, наконец дали о себе знать, и Келл взорвалась:

– Заставить меня испытывать мучения? Да ты делал это с того самого дня, когда женился на мне.

Тебе никогда не была нужна я, тебе был нужен только мой ребенок. Ты даже не пытался искать меня, пока не узнал, что я беременна. И даже...

– Ты обманула мои ожидания, – нетерпеливо прервал ее Джанфранко. – Я никогда не бегал ни за одной женщиной.

Келли судорожно глотнула воздух. Он остался таким же самонадеянным, возомнившим о себе ничтожеством, каким был всегда.

– Вот именно, – насмешливо сказала она. – Это подтверждает мои слова о том, что тебе был нужен только мой ребенок. Удивительно, как далеко ты для этого зашел, даже женился на мне, а не на этой маньячке Оливии, которую ты так обожаешь. Ты держал меня в вашем доме, в этом огромном мавзолее, как какую-то племенную кобылу. Ты никогда не

верил ни единому моему слову, но ни Оливии, ни твоей матери не удалось причинить мне зло.

Схватив ее рукой за подбородок, Джанфранко наклонил ее голову назад. Он пронзал ее взглядом, горящим негодованием.

– И ты еще смеешь обвинять меня? – возмутился он. – Я дал тебе все, о чем только может мечтать женщина, а ты отплатила мне тем, что сбежала вместе с моим ребенком.

– Ты дал мне все, кроме своей поддержки. Все, кроме своей любви, едва не добавила она, но вовремя остановилась.

– У тебя было и это, а если бы ты потребовала больше, то получила бы и больше. Но дело не в этом. Хочешь, я скажу тебе, почему ты сбежала? – Он коротко рассмеялся циничным смешком. – Потому что в присутствии тебе детской манере прислушивалась ко всем слухам и сплетням и делала скоропалительные, совершенно неправильные выводы. Я говорил тебе, что никогда не любил Оливию, относился к ней только как к сестре, как к нездоровому человеку, нуждающемуся в помощи, но ты предпочла не верить мне. – Его пальцы с силой сжали ее подбородок. Она попыталась освободиться. – Смотри мне в глаза, – свирепо потребовал он, и Келли подчинилась, вдруг ощутив прикосновение его бедра к своему, близость его тела. – Может быть, я и допускал ошибки как муж, но не заслужил, чтобы ты меня наказала тем, что лишила ребенка.

Возможно, нет, подумала Келли. Она сознавала свою вину

все эти годы, но сильнее всего было осознание того, что он лжет. Она своими глазами видела, как он обнимал Оливию, и слышала, что он говорил.

Он смотрел на нее, и как-то неуловимо атмосфера начала меняться. Он улыбнулся, и в его глазах появился какой-то дьявольский свет, когда он ласково сказал:

– Знаешь, что по-настоящему гнетет меня? Я мучился три года, не зная, все ли с тобой в порядке. Я глаз не сводил с единственной фотографии моей дочери, сделанной в ее первый день рождения, которую ты соблаговолила прислать мне. Конверт пришел из Лондона без обратного адреса. – Он осторожно провел ладонью по ее щеке и крепко обнял ее другой рукой за талию. – Умно. Очень умно. Потом я узнал, что у тебя есть любовник – «дядя» Том, – фыркнул он с горьким презрением.

– Нет! – Она слишком поздно заметила грозящую опасность в его потемневших глазах. Почувствовала ее в том, как он прижался к ней всем своим телом. – Нет, Джанфранко! – закричала она, но он уже закрыл губами ее рот, и она ужаснулась тому невероятному желанию, которое охватило ее. Нет! – кричал ее разум, в то время как губы беспомощно полуоткрылись навстречу его неукротимому натиску.

– Ты должна мне три года, – проскрипел Джанфранко, а его губы тем временем скользили по ее шее и дальше вниз.

– Нет, – вздрогнула Келли, почувствовав его руку на своей груди.

Она знала, что должна была остановить его, но ее захлестнула жаркая волна. Она обвила его шею руками.

Он долго лежал, уткнувшись в нежный изгиб ее шеи, потом, грубо выругавшись по-итальянски, отпрянул от нее.

Келли поняла ругательство и услышала, как он стал одеваться. Ее била дрожь. Но не от холода, а от стыда.

Вскочив на ноги, Джанфранко пригладил взъерошенные волосы. Черт возьми, такое не должно было произойти. Он бросил взгляд на нее. Увидев ее пылающее лицо, поморщился. А она испытывала такое желание, что ничего не могла с собой поделать. На этот раз она всецело принадлежала ему. Дио, сколько еще мужчин наслаждались ею? – мрачно подумал он.

Стыд не позволял ей взглянуть на Джанфранко.

– Ты могла бы заработать целое состояние как порнозвезда. Сядь, ради бога, – резко сказал Джанфранко. Его голос был жестким и холодным.

С помертвевшим лицом Келли натянула лиф платья, опустила юбку.

Как загипнотизированная, она взяла чайник, налила в него воду, включила. Потом достала с полки чашку и положила в нее ложечку растворимого кофе. Опершись рукой на скамейку и наклонив голову, она ждала, пока закипит чайник. И все это время ее разум кричал. Что я наделала? Как я могла уступить Джанфранко так быстро? Три года, молча простонала она, а ее предательское тело вело себя так, слов-

но это было вчера. Ничто не изменилось.

Нет, нет, изменилось, поправила себя Келли. Выпрямившись, она сняла чайник и налила в чаш-ку кипяток. Она изменилась... она стала более сильной. То, что она одна растила своего ребенка, многому ее научило. Слегка дрожащей рукой она поднесла чашку черного кофе к губам и после первого же глотка почувствовала себя немного лучше. По крайней мере она избавилась от ощущения вкуса Джанфранко на своих губах. Если бы она могла так же легко избавиться от него самого, с горечью подумала она.

– Хорошая идея. Налей-ка и мне, – скомандовал Джанфранко.

Келли обернулась на звук его голоса, готовая сказать, чтобы он приготовил себе кофе сам, но из осторожности остановилась. Ей предстояло выиграть куда более важный спор. Джанфранко сидел на одной из трех табуреток за маленьким обеденным столом, повернув к ней свою темноволосую голову, и смотрел непроницаемым взглядом.

Неожиданно почувствовав сухость в горле, Келли откашлялась.

– Черный с одной ложкой сахара, так? Джанфранко поднял бровь.

– Помнишь!

– Некоторые вещи трудно забыть, – пробормотала Келли, доставая еще одну чашку с полки. И она не имела в виду кофе. Вид его, такого холодного, в то время как она все еще

испытывала шок от того, что только что занималась любовью – нет, не любовью, сексом, – невероятно раздражал ее.

– Да, приятно сознавать, что я по-прежнему воспламеняю тебя и заставляю выкрикивать мое имя, – произнес он своим глубоким хриплым голосом. – Это значительно облегчает будущую жизнь. Обет безбрачия никогда не привлекал меня.

Келли была потрясена тем, что Джанфранко прочитал ее мысли. Она ни в коем случае не собиралась возобновлять семейную жизнь с Джанфранко.

– Насколько я мог заметить, Анна Лу выглядит счастливой, уравновешенной девочкой.

Келли про себя вздохнула с облегчением, услышав, что он сменил тему, но ее облегчение длилось недолго. Она повернулась, чтобы взглянуть на него, и от насмешливого, торжествующего взгляда его темных глаз мурашки побежали по ее спине.

– Да, это так, – коротко ответила Келли и повернулась, чтобы поставить чашку с кофе на стол перед ним. – И она очень счастлива здесь. У нее много друзей.

Если бы ей удалось уговорить его дать развод, подумала Келли, нервно закусив губу, она бы не стала возражать, чтобы за ним сохранились некоторые попечительские права.

– Похоже, это летний домик. И насколько я понимаю, теперь ты его владелица. – Джанфранко поднес чашку к губам и сделал глоток горячего кофе. Потом спокойно добавил: – Я думаю, что Анна Лу по-прежнему сможет бывать здесь вре-

мя от времени и общаться со своими друзьями.

– Время от времени! – воскликнула Келли. – Мы живем здесь.

– Больше нет. Мы уезжаем утром в Италию. Она ожидала этого с того момента, как увидела его на пляже, тем не менее для нее это был шок. Келли попятилась и прислонилась к кухонной стене, боясь, что ноги подведут ее.

– Нет, Анна Лу и я останемся здесь. – Она должна была держать себя в руках, быть убедительной, но внутри у нее все дрожало. – Но я готова вести себя разумно. Мы с тобой могли бы получить быстрый развод и разделить опеку. Ты сможешь приезжать сюда в любое время.

– Ты закончила? – строго спросил он. Его глаза были холодными как лед. – Прекрасно, потому что я забираю свою дочь с собой в Италию. Все визиты – на мое усмотрение.

– Ты не сможешь так поступить. Я тебе не позволю. – Келли выпалила это, пытаясь говорить решительно, но ничто не могло скрыть дрожь в ее голосе. Чуждость его слов больно ударила ее. Она знала, что боролась не за себя, а за благополучие своего ребенка. – Не может быть и речи о том, чтобы Анна Лу оказалась рядом с Оливией в мое отсутствие.

– Так поезжай вместе с ней.

– Нет. – Келли инстинктивно отвергла эту возможность. – А ты не сможешь увезти Анну Лу без моего разрешения.

Она сказала то, во что сама не верила. Она прекрасно знала, что Джанфранко принадлежал к тем людям, которые все-

гда добивались своей цели. Келли сомневалась, чтобы кто-то когда-нибудь перечил ему, кроме нее. Честно говоря, она была даже удивлена, что ей удавалось так долго скрываться от него. Он стоял с гордо поднятой головой и смотрел на нее своими темными насмешливыми глазами так, будто рассматривал под микроскопом какое-то насекомое.

– Если тебя посадят в тюрьму, у меня не будет никаких проблем.

В тюрьму? Что он несет?

Джанфранко поставил свою чашку с таким стуком, что она поняла: его спокойствие лишь видимое. Он встал и, криво улыбнулся.

– Я навел справки о Келли Хоуп в ту же минуту, как прочитал письмо Тома. Когда мой самолет приземлился сегодня, в аэропорту меня уже ждал человек со всеми твоими данными. Ты уважаемая вдова с ребенком, работавшая последние три года на Элен Джонс, которой принадлежит спортивный зал. Правильно?

При упоминании о ее работе Келли вдруг поняла, куда он клонит.

– Моя личная жизнь и где я работаю, тебя не касается, – огрызнулась она.

– Возможно, но интересно, какой доход получает государство от твоей работы. Кажется, англичане называют это черным налогом? – Он хмыкнул. – Уклонение от налогов является серьезным правонарушением, которое карается в некоторых

случаях тюремным заключением.

Келли, онемев, смотрела на него. Встретив ее взгляд, он со злорадством продолжал:

– Я бы не стал слишком беспокоиться: это твое первое правонарушение. – Он пожал плечами. – Разумеется, бедняжка Эллен Джонс тоже понесет наказание. Существует еще и один добрый доктор, друг Тома, который, не получив от тебя никаких официальных документов, заботился о твоём здоровье, делал прививки моей дочери. Он тоже пострадает.

Келли сделала резкое движение и в ярости шагнула к нему. Ее глаза неистово горели.

– Я презираю тебя! – закричала она. – Ты способен причинить боль невинным людям, моим друзьям?

– Мне это не нужно, – сказал он. – Решение за тобой, Келли. Ты можешь вернуться с Анной Лу и со мной в Италию или остаться и смотреть в лицо последствиям. – Он торжествующе посмотрел на нее. – Так или иначе, но я получу свою дочь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

У меня не было выбора, подумала Келли, вглядываясь в лицо спящей дочурки. Подняв голову, она с отвращением увидела изображение огромного паука, которое все еще красовалось на стене. Даже если бы ей грозило наказание за неуплату налогов, она сомневалась в том, что все закончилось бы тюрьмой. Она никогда не зарабатывала больших сумм. По крайней мере так говорил ей Том. Но она не могла подвести Эллен и, возможно, доктора. Главное, с чем не могла смириться Келли, – это позволить Анне Лу уехать в Италию без нее и попасть под тлетворное влияние Оливии.

Келли быстро обернулась: голос Джанфранко прервал ее размышления:

– Прекрасная девочка.

Стоя с другой стороны кровати, он наклонился, чтобы поцеловать Анну Лу в щечку. Вид его, такого высокого и сильного и к тому же полуодетого, заставил ее пульс бешено забиться.

Темно-синий махровый халат, свободно завязанный на талии, доходил до середины его бедер, обнажая оливковую кожу. Келли покраснела и отвела взгляд.

Презируя себя за слабость, за такую реакцию на его неожиданное появление, она коротко ответила:

– Да, прекрасная, и я хотела бы, чтобы она оставалась та-

кой и не попадала под влияние твоей невестки. – Она холодно добавила: – Как я понимаю, Оливия будет ужинать вместе с нами?

Они приехали в «Каса Мальдини» в четыре часа дня. К удивлению Келли, ее свекровь, Кармела, встретила ее с распростертыми объятиями и извинилась за то, что не была достаточно внимательна к ней в последние дни ее пребывания в этом доме. И Анна все еще работала здесь. Она была помолвлена и собиралась сыграть свадьбу в августе.

Анна Лу немедленно влюбилась в этот дом, в отличие от своей мамы, которой не нравилось это огромное здание. К тому времени, когда Келли с помощью Анны уложила девочку спать, Анна Лу, с присущей ей решительностью, заручилась обещанием, что будет подружкой невесты на свадьбе у Анны. Единственным человеком, которого еще не видела Келли, была Оливия.

Обойдя вокруг кровати, Джанфранко остановился за спиной Келли и посмотрел на нее сверху вниз своими загадочными глазами.

– Оливия не будет ужинать с нами, равно как обедать и завтракать. Она больше не живет здесь.

– Что?! Но ты же говорил вчера... – Келли замолчала. Он не подтвердил, но и не отрицал присутствия Оливии. Он только сказал: «Так поезжай вместе с ней». Келли взглянула ему в лицо, но оно было непроницаемым. – Ты дал мне понять...

Он саркастически поднял темную бровь.

– Ты поняла так, как хотела, кара. – Он ласково добавил: – Я хотел, чтобы мои жена и дочка вернулись в мой дом, и использовал для этого все свои возможности. В моем понимании брак – это на всю жизнь. Помни это, и у нас все будет прекрасно.

– Оливия уехала? Когда?

Келли все еще с трудом верила в это, хотя не подвергала сомнению утверждения своего неистового мужа. Это был неугомонный дьявол, когда ему надо было чего-то добиться.

– Через несколько недель после тебя. Сейчас она замужем и живет в Швейцарии.

Не страдает ли он, потеряв Оливию? Опустив голову, чтобы скрыть, насколько ее изумило это известие, Келли незаметно взглянула на него из-под густых ресниц. Он не увидел этого. Его взгляд с явным одобрением блуждал по ее изящной фигурке. Она уже приняла душ и переоделась к ужину в фиолетовое атласное платье с тонюсенькими бретельками, поддерживающими лиф. Она смутилась, почувствовав, как натянулась тонкая ткань на ее груди, и опустила глаза.

За ужином Келли едва притронулась к еде, хотя почти ничего не ела весь день. Наконец она бросила беглый взгляд на Джанфранко, сидящего во главе стола, улыбнулась извиняющейся улыбкой Кармеле и встала.

– Это был долгий день, и я устала, так что, с вашего разрешения, пожалуй, пойду лягу.

– Ну, конечно, – отозвалась Кармела. – Я понимаю.

– У тебя была напряженная вся неделя. Тебе надо отдохнуть, – миролюбиво сказал Джанфранко. – Спокойной ночи.

Смерть Тома, похороны, а на следующий день – приезд Джанфранко. Келли неожиданно вспомнила, что почти не спала и не ела целую неделю. Удивительно, что Джанфранко понял это. Он не отличался особой чуткостью.

– Спокойной ночи, – ответила она и поспешно пересекла комнату, боясь встретиться взглядом с Джанфранко.

Келли обвела глазами спальню. Это была та же комната, которую она занимала раньше, и Анна положила ее льняную ночную рубашку на массивную кровать с четырьмя столбиками. Интересно, спит ли Джанфранко по-прежнему в соседней спальне? – подумала она, но тут же отогнала от себя эту мысль. Размышления о Джанфранко не приведут ни к чему хорошему.

Взяв ночную рубашку, она вошла в примыкающую к ее спальне ванную комнату. Приняв душ, она натянула через голову ночную рубашку. Мельком взглянув в зеркало, недовольно поморщилась. Рубашка доходила ей до ступней. Она стояла с распущенными волосами, без тени косметики на лице, и единственным цветовым пятном были темные круги под глазами. Она была похожа на привидение.

Келли вернулась в спальню, потом вошла в детскую. Несколько минут она стояла, всматриваясь в лицо спящей дочурки, потом молча произнесла молитву о том, чтобы Ан-

на Лу была здесь счастлива. О себе она не думала.

Правильно ли она поступила? В глубине души Келли знала, что выбора у нее не было. Джанфранко, объявившись вчера, только ускорил события. Если честно, Келли уже пришла к решению связаться с Джанфранко, после того как Анна Лу спросила на Пасху о своем отце.

Она дотронулась пальцем до щеки дочери.

Все эти годы Келли пыталась не думать о муже, потому что ей было слишком больно, но теперь она смотрела в лицо фактам. Прошлая ночь доказала ей, что ее влекло к Джанфранко так же сильно, как раньше. Только теперь она не называла это любовью.

Она не доверяла ему, но ведь и он не доверял ей, так что в этом они были квиты. Однако у них был общий ребенок, и она не подвергала сомнению его любовь к Анне Лу. За короткие двадцать четыре часа между отцом и дочерью установился несомненный контакт. Если Келли хотела быть с дочерью и обеспечить ей счастливый дом, которого та заслуживала, – а она этого хотела, – тогда, вероятно, лучше всего помириться с Джанфранко.

Тихо прикрыв за собой дверь, Келли вернулась в спальню. Она слишком устала, чтобы принимать сейчас какое-то решение. Забравшись в постель, она свернулась калачиком, широко зевнула и через секунду заснула.

Келли проснулась и подняла голову. Ей еще не хотелось просыпаться. Она устроилась поуютнее и ощутила твердое

мужское бедро. Широко раскрыв глаза, она резко вскочила.

– Какого черта! – воскликнула она. Другая сторона кровати была занята.

– Бонджорно, синьора.

Анна поставила на ночной столик поднос с кофейником и двумя чашками.

Джанфранко лежал в ее постели, откинувшись на подушки. Он выглядел необыкновенно сексуально и, если Келли не ошибалась, был абсолютно нагим. Она перевела взгляд с Джанфранко снова на Анну и поспешно отодвинулась на край кровати.

– Спасибо за кофе, а где Анна Лу? – спросила она.

Можешь идти, Анна, – распорядился Джанфранко. – Я сам все объясню.

Ему придется чертовски много объяснить. В том числе, почему он оказался в ее постели, сердито подумала Келли. Ее синие глаза снова остановились на нем.

– Успокойся. Мне сказали, что наша дочь умыта и одета и в данный момент завтракает на кухне. Она совершенно очарована нашим котом, – добавил он.

Его глубокий голос, охрипший со сна, словно бальзам действовал на ее кожу. Он не сводил с нее сонных глаз.

Почувствовав жар во всем теле, Келли судорожно глотнула и отвела от него взгляд. Он излучал такую сильную мужскую энергию, что становилось страшно. Ее взгляд скользнул по черной поросли на его широкой груди, по прикрытым

тонкой простыней бедрам.

Келли проглотила ком в горле и спросила первое, что ей пришло в голову:

– Почему кофе принесла Анна? Раньше это делал Альдо. Губы Джанфранко скривились в циничной усмешке.

– Я понял, что проявлял не слишком много чуткости три года назад. Ты была тогда новобрачной, впервые в жизни стала делить постель с мужчиной, а я позволял другому мужчине будить тебя по утрам. Я привык к Альдо, но помню, как ты краснела и пряталась под простыню.

– Ты прав, я стеснялась.

Она почувствовала на мгновение, как тронута тем, что он обратил внимание на ее смущение, хотя и с опозданием на три года.

– Конечно, это вряд ли имеет значение теперь. – Джанфранко снова откинулся на подушки. – Но я позаботился об этом еще до того, как поехал в Англию и выяснил, какой образ жизни ты там вела.

Келли уловила сарказм, и то теплое чувство, которое было вспыхнуло к нему, исчезло как дым.

– Уж не сравнить с тем, какой у меня был здесь, – уколола она, выскользнула из постели и с вызовом спросила: – Может быть, теперь ты объяснить, что делаешь в моей постели?

– В нашей постели, Келли.

– Ценное заявление. Когда-то ты не мог дождаться, чтобы выскочить из нее, – в свою очередь с сарказмом поддела она.

Обида не прошла и спустя три года.

– Насколько я помню, ты ни разу не возразила: для тебя главным была безопасность нашего тогда еще не родившегося ребенка. – Он с удивлением взглянул на нее, словно получил ответ на какой-то мучивший его вопрос. – Я понятия не имел, что тебя это трогало.

Он был слишком проницателен, и она смертельно испугалась того, что едва не выдала себя.

– Налью кофе, пока он еще не остыл, – пробормотала она и стала наполнять обе чашки.

Сделав глубокий вдох, Келли снова повернулась к нему лицом и протянула чашку с блюдцем.

Он взял чашку из ее рук, выпил и поставил чашку на ночной столик. Потом, отклонившись назад, посмотрел на нее с невозмутимым выражением, отчего Келли занервничала. А когда он заговорил безучастным тоном, она едва не пролила свой кофе.

– В конце твоего пребывания здесь мы провели несколько недель, деля одну постель, а потом доктор запретил нам секс. Я спал в отдельной спальне потому, что жаждал тебя со страстью, которую не мог контролировать.

Втянув воздух, Келли испуганно посмотрела на него. Она увидела огонь в сверкающей глубине его темных глаз и почувствовала, как ее охватывает ответное тепло.

– Да, Келли. Я представлял угрозу для нашего неродившегося ребенка, поскольку не был уверен, что смогу удерж-

жаться от близости с тобой. Стоило тебе только прикоснуться ко мне и улыбнуться, как все остальное отступало перед непреодолимым желанием овладеть тобой.

Келли от удивления раскрыла рот. Она не верила ему.

Он вытянулся во весь свой рост, продолжая внимательно следить за ней.

– Ты знаешь, что это правда, – усмехнулся он. Но теперь нет таких ограничений, а ты хочешь меня так же сильно, как я тебя.

Келли стиснула зубы и со стуком поставила свою чашку на столик. Она не клюнет на его приманку, подумала она и про себя сосчитала до десяти.

– Не отрицаешь. Очень разумно, – сказал Джанфранко, и при этих его словах она снова взглянула ему в лицо.

– Полагаю, ты пытаешься сказать мне, что всегда любил меня, а не Оливию? – фыркнула Келли.

Его губы скривились в насмешливой улыбке.

– Нет, не пытаюсь. Ты никогда не доверяла мне раньше. Почему бы это изменилось сейчас? А что касается любви... речь не о ней. – Его лицо стало напряженным. – Когда мы в первый раз занимались любовью... или сексом... как хочешь... ты довела меня до исступления и продолжаешь доводить. На этот раз мы будем делить постель и доставлять друг другу удовольствие до тех пор, пока не пройдет страсть. Это будет удовольствие без всяких последствий.

Он натянуто рассмеялся, насмешливо оглядывая ее за-

стывшую фигуру в белой ночной рубашке, спутанные длинные волосы, падающие на спину.

– Вид у тебя, может быть, и наивный, но мы оба знаем, что ты теперь дама опытная. Сколько еще Было их у тебя, кроме Тома?

Сжав кулаки, Келли почувствовала, как ее захлестывает гнев.

– Как ты...

– Не надо, не трудись, не отвечай. – Он предостерегающе поднял руку. – Не будем говорить о прошлом.

Он спустил длинные ноги с кровати и встал, совершенно обнаженный.

Это нечестно, беспомощно подумала Келли. Вид его нагого тела возбуждал ее, а она стыдилась своей слабости. – Она бросилась в ванную и заперла за собой дверь. Сердце бешено колотилось в груди.

Прошло полчаса, прежде чем она отважилась выглянуть из ванной. Приняв душ и накинув белый банный халат, она осторожно оглядела спальню. Комната была пуста. Келли надела синий сарафан и босоножки и отправилась искать дочь.

Картина, которую она увидела, спускаясь по лестнице, вызвала невольную улыбку на ее губах. Джанфранко стоял на четвереньках, а Анна Лу оседлала его. Держась за его волосы, она кричала:

– Быстрее, быстрее, папа.

Когда Келли дошла до нижней ступеньки, Джанфранко

остановился у ее ног и поднял голову.

– Сними ее с меня, пока она не вырвала все мои волосы.

Умоляю тебя, стоя на коленях.

Так оно буквально и было, и Келли, засмеявшись, сияла Анну Лу со спины отца и поставила на ноги.

– Что все это значит?

Она старалась быть серьезной, но улыбающиеся глаза выдали ее.

– Папа сказал, что купит мне пони, и я тренировалась. Он будет меня учить ездить верхом.

Было совершенно очевидно, что Анна Лу полностью освоилась и со своим отцом, и в своем новом доме. Келли наклонилась и обняла ее, потом выпрямилась и с завистью подумала, что хотела бы чувствовать себя так же непринужденно в присутствии Джанфранко.

– Я обещал Анне Лу, что возьму ее с собой на целый день и мы поедем покупать пони.

– Что? Пони? – рассеянно спросила Келли. – Чтобы ездить верхом?

Джанфранко широко улыбнулся.

– Да, пони, и да, чтобы ездить верхом, – сказал он ласково. – Лучше поедем с нами, чтобы тебе понравилась наша покупка. Я подумал, что мы можем провести целый день в Вероне и там пообедать. Может быть, ты купишь там какую-то летнюю одежду для вас обеих.

– Пожалуйста, мамочка, поедем, – потянула ее за юбку

Анна Лу.

Келли бросила испепеляющий взгляд на Джанфранко. Значит, их одежда была недостаточно хороша? Но когда она ответила, голос ее был ровным.

– Если ты найдешь время, это было бы прекрасно. – Она не собиралась спорить в присутствии Анны Лу.

Взяв Келли за руку, он тихо сказал:

– У меня много времени, и мы оба знаем, почему. Его длинные топкие пальцы, легко сжимающие ее руку, жгли ей кожу. Угроза в его голосе заставила Келли замолчать. Прищуренный взгляд в его смуглое красивое лицо сказал ей, что у нее нет выбора, и, взяв Анну Лу за ручку, она вышла с ними из дома.

Он привез их в конюшни на окраине Вероны. И к удивлению Келли, у владельца действительно оказалась маленькая шотландская лошадка. Анна Лу была в восторге, но надула губки, когда отец объяснил ей, что они не могут забрать пони с собой, лошадку привезут позже на специальной машине для перевозки лошадей. Но когда они приехали в Верону, девочка повеселела. Накупив игрушек и одежды, Джанфранко предложил поехать на озеро Гарда в охотничий домик с небольшим частным пляжем.

У Келли пересохло во рту, когда он снял рубашку и сел рядом с ней, не сводя глаз с Анны Лу, шлепающей по мелководью. На нее нахлынули тревожные воспоминания о том времени, когда она была здесь с Джанни, когда она была невин-

ной и влюбленной.

Неожиданно ее ослепили слезы. Слава богу, ее глаза были скрыты за стеклами темных очков. Келли заморгала и уставилась невидящим взором на озеро. Ей не хотелось признаться себе, но это было так: кем бы он ни был, простым смертным или графом, изменником или человеком, которого она предала своим дезертирством, ее чувства не менялись. Она до боли мечтала о нем с одинаковой силой, одинаковой страстью и любовью...

Они были женаты и прожили вместе всего полгода и спали вместе чуть больше одного месяца. Возможно, на этот раз все сложится лучше... по крайней мере теперь не было Оливии...

Испугавшись того, куда завели ее мысли – прямым ходом в его постель, – она поспешно сказала:

– Пора возвращаться. Уже поздно, и Анне Лу больше чем достаточно впечатлений для одного дня.

Она увидела изумление в его темных глазах. Словно он прочитал ее мысли и прекрасно понял, что она чувствует.

– Слишком много воспоминаний, кара!

Поднявшись на ноги, он бросил на нее тяжелый взгляд. – Но теперь у нас будут новые.

Подойдя к Анне Лу, он взял ее на руки. Келли поймала себя на мысли, что с удовольствием оказалась бы на ее месте.

Да, это был чудесный день, согласилась Келли с Анной Лу, укладывая дочку спать.

Получасом позже, в течение всего ужина, она поддерживала вежливый разговор с мужем и свекровью, но в душе у нее все кипело, и она с облегчением вздохнула, когда после кофе Джанфранко сказал, что ему нужно просмотреть кое-какие бумаги, и ушел.

Облегчение сменилось паникой через пару часов, когда Келли, закутанная в банное полотенце, вышла из ванной. Она остановилась как вкопанная. Джанфранко стоял возле кровати в купальном халате. Рядом с ним, на столике, стояли бутылка шампанского и два бокала.

– Тост за наше воссоединение, – насмешливо объяснил он. Затем открыл шампанское, наполнил оба бокала и, держа в каждой руке по бокалу, подошел к ней.

Ее сердце беспорядочно забилось. Келли понимала: это был момент истины. Если она беспрекословно возьмет бокал, значит, соглашается быть по-прежнему его женой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Она подняла голову, пристально всмотрелась синими глазами в его точечное лицо и вдруг поняла, что он вовсе не так уверен в себе, как казалось. Она тут же решила, что принимает желаемое за действительное. Да, решение было за ней... это правда. Но на самом деле она знала, что Джанфранко так или иначе, но добьется своего... Она взяла бокал.

– Спасибо.

Слегка дрожащий голос выдавал ее состояние.

Его сверкающие черные глаза жадно скользили по ней. Их

взгляды встретились. Неожиданно атмосфера стала напряженной.

Келли почувствовала, как ее тело захлестнула жаркая волна, когда он поднес бокал к губам.

– За мою жену, мать моего ребенка. За начало нашего брака.

И он выпил залпом.

Дрожащей рукой Келли поднесла свой бокал ко рту и сделала глоток, но поперхнулась и опустила голову.

Джанфранко отобрал у нее бокал и направился к ночному столику, чтобы поставить оба бокала. Затем повернулся к Келли.

– Иди сюда, – скомандовал он.

Она подняла голову. Ее повлажневшие глаза встретились с его горящим взглядом. Этот греховно чувственный рот, гордый наклон темноволосой головы, гибкое сильное тело, застывшее в ожидании...

Как загипнотизированная, Келли сделала шаг вперед, потом другой... Она почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, ощутила тяжесть в груди. Заколебалась и проглотила подступивший к горлу ком, прежде чем снова шагнуть вперед. Он не собирался помогать ей...

– Ты выглядишь взволнованной, – мягко сказал он, протянул руки к ее напряженным плечам и притянул ее к себе, не сводя глаз с ее лица. – Только почему? Ты же теперь опытная женщина.

Если бы он только знал, что был единственным мужчиной в ее жизни, подумала Келли, но ничего ему не сказала.

Он схватил край ее полотенца, ловким движением сорвал его, и она предстала перед ним обнаженная. Он наклонил голову и неожиданно нежно прижался к ее губам.

– Совершенство... – простонал Джанфранко и опрокинул ее на кровать. Мгновенье черные, как уголь, глаза созерцали ее, потом он сбросил с себя халат.

Это было то, чего так ждала Келли. Обнаженный, сильный, он сам был подлинным совершенством. Ее глаза жадно скользили по его великолепному телу. Она с такой страстью жаждала его, что больше не могла ждать. Она протянула к нему руку.

– Сейчас, кара.

Он обещающе улыбнулся, наклонился над ней и снова прижался губами к ее губам.

В течение нескольких последующих часов они не произнесли ни единого слова. Это был эротический пир чувств.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующее утро Джанфранко представил ей няню. Это была внушительного размера вдова лет сорока, синьора Мусси. Джанфранко дал ясно понять, что в функции этой женщины входит пресекать любую попытку Келли вновь сбежать с Анной Лу. Те же самые инструкции получила и остальная прислуга. Келли и не пыталась возмущаться, потому что знала, что это бесполезно. Тем более что она собиралась оставаться с дочерью, чего бы ей это ни стоило.

В последующие недели жизнь Келли вошла в свою колею. Она проводила весь день с Анной Лу, по вечерам и в выходные дни к ним присоединялся Джанфранко, а по ночам... Ночи она проводила со своим мужем.

Каждую ночь в огромной кровати они набрасывались друг на друга со страстью, не знавшей границ. Джанфранко учил ее тонкостям любви, и она была прилежной ученицей. Они мучили друг друга и доставляли друг другу наслаждение, а потом в полном изнеможении засыпали в объятиях друг друга.

Раньше, когда они были вместе, Келли была беременна. Их любовные отношения были чудесными, но только сейчас она поняла, каким сдержанным был тогда Джанфранко. Три года спустя никаких ограничений для него не было, и он предавался любви с необузданной страстью. Иногда, проснувшись,

шись утром, она видела, что он смотрит на нее с пугающей пристальностью. Он мог часами любоваться красотой ее тела. То же самое было и с ней.

Сначала Келли надеялась, что страсть, которую они испытывают друг к другу, сблизит их. Но шли недели и месяцы. А все оставалось по-прежнему.

В повседневной жизни они были папой и мамой для Анны Лу. Они соблюдали светские приличия в тех случаях, когда появлялись где-то вместе, на деловых ужинах или на приемах в «Каса Мальдини». Но все остальное время вели себя как незнакомые люди. Джанфранко был таким же трудоголиком, как и прежде, но больше не выезжал за рубеж. Келли была занята с Анной Лу. Она подружилась с прислугой и, к своему удивлению, с Кармелой. Частые обеды и поездки за покупками в какой-то степени скрашивали одиночество Келли.

День двадцать третьего августа выдался роскошным – жарким и солнечным. Это был день свадьбы Анны. Анна Лу стояла у входа в небольшую деревенскую церковь. Она была как картинка в своем пышном платье из светло-голубого шелка, с кремовыми розочками на круглом отложном воротничке и в юбке с кринолином, волнистые края которой были украшены атласными букетиками.

– Слушай, что будет говорить главная подружка невесты, и веди себя как следует, – спокойно сказала ей Келли. – А мы с твоим папой сядем на свои места.

– Хорошо, мамочка.

Сев на переднюю скамью, Келли обвела взглядом церковь. Большинство присутствующих было ей знакомо. Все это были люди, работающие на ее мужа. Она искоса взглянула на сидевшего рядом с ней Джанфранко. Прекрасно сшитый серебристо-серый шелковый костюм ладно сидел на его безупречной фигуре. Она внимательно смотрела на его лицо и с удивлением отметила следы усталости вокруг глаз и рта, которые придавали жесткость его красоте. Он ответил ей взглядом, словно почувствовав, что она наблюдает за ним, и вопросительно поднял смоляную бровь.

Келли покачала головой и стала смотреть строго вперед. Он выглядел измученным – ничего удивительного при том, сколько он работал. Две прошедшие ночи они занимались любовью с такой страстью со стороны Келли, что это смущало ее. Но их отношения по-прежнему были такими, что она не могла проявлять свою заботу о нем.

К тому же Келли хватало и собственных проблем.

Самая большая из которых возникла два дня назад. В Вероне, куда Келли приехала за платьем для Анны Лу, она заодно зашла к доктору Кредо, и тут выяснилось, что она снова беременна. Сначала Келли обрадовалась, но потом вспомнила, как Джанфранко говорил Оливии, что не хочет больше иметь детей... Невеста была красива, служба – великолепна, фотографии, прием... все было безукоризненно, но Келли все время нервничала.

– Это была самая лучшая свадьба, – сказала позже в этот вечер Анна Лу. Она стояла в детской, умытая и подготовленная ко сну. Ее едва уговорили спать платье подружки невесты. – Анна очень красивая! У меня тоже будет такая свадьба. И у тебя была такая, мамочка?

Келли хмыкнула.

– Что-то вроде этого.

Бросив взгляд на Джанфранко, она с удивлением увидела в его темных глазах что-то похожее на боль. Он только что смеялся и говорил Анне Лу, что она была похожа на маленькую принцессу.

– Ложись. – Подождав, пока Анна Лу забралась в кровать, Келли наклонилась к ней, подоткнула одеяло и поцеловала девочку.

– Ты тоже красивая, мамочка, – сонно пробормотала Анна Лу. Келли, растроганная словами ребенка, проглотила подступивший к горлу ком.

– Спасибо, солнышко. А теперь спи. Выпрямившись, она провела руками по бедрам, поправив юбку своего платья. Это было платье от дизайнера. Синее, из тяжелого шелка с кремовой отделкой, с большим квадратным вырезом, который слегка открывал грудь. Оно прекрасно подчеркивало ее точеную фигуру. Но не долго этому быть, вяло подумала она.

– Кажется, я не говорил тебе, какой красивой ты была сегодня. – Хриплый голос Джанфранко вывел ее из задумчивости. Он вдруг оказался рядом с ней и положил ладонь ей

на руку. – Моя дочь напомнила мне.

– Ты и сам неплохо выглядел, – пробормотала Келли, бросив взгляд на его крупное гибкое тело, когда он повел ее из комнаты.

– Спасибо, – улыбнулся Джанфранко. – Но я думаю, что пальма первенства принадлежит нашей маленькой принцессе. Как ты считаешь?

– Да. Конечно, – согласилась Келли и задумчиво посмотрела на него, когда они входили в свою гостиную. Возможно, сейчас подходящее время выяснить, как он относится к идее иметь еще одного ребенка. – Она так быстро растет, – начала Келли, опускаясь на софу и сбрасывая туфли. Ее сердце сильно билось, но она пыталась оставаться спокойной.

– Да, такая чудесная девочка. Она была просто как картинка в этом платье, – отозвался Джанфранко. Подойдя к бару, он плеснул изрядную порцию виски в хрустальный стакан. – Хочешь? – Он поднял стакан.

Келли покачала головой.

– Нет, – ответила она и на секунду задумалась о том, как бы он отреагировал, если бы она взяла и честно сказала: «Извини, не могу я беременна». Вместо этого она продолжала: – Иногда я задумываюсь над тем, не чувствует ли себя Анна Лу немного одинокой при том, что ее окружают одни взрослые. Может быть, нам надо задуматься над тем, не завести ли еще одного ребенка – братишку или сестренку для нее.

Затаив дыхание, она ждала, что он ответит.

Джанфранко едва не подавился виски. Осушив стакан, он поставил его и нахмурился. Неужели она потеряла разум? Он подошел к Келли, сидящей с совершенно спокойным видом, и посмотрел на нее сверху вниз. Она неуверенно улыбалась, но ее глаза были странно серьезными. Он знал, как моментально она хватается за каждую идею. Эту, новую, надо было уничтожить в зародыше.

– Нет, Анна Лу абсолютно счастлива, и у нее есть друзья в детском саду. О еще одном ребенке не может быть и речи, – резко сказал он. На виске у него забился пульс. Он положил ладонь ей на плечо. – Забудь об этом, Келли. Я не хочу больше детей.

Она задрожала, почувствовав тепло его руки. У нее был готов ответ. Он был убийственно серьезен, и это причиняло ей нестерпимую боль. В глубине души она лелеяла надежду, что, хотя ее итальянец вел себя не лучшим образом три года назад, она не-правильно истолковала то, что сказал сейчас Джанфранко.

– Жесткое заявление, – сказала она, сбрасывая его руку со своего плеча. – Потому что я уже беременна.

Не дожидаясь его ответа, она направилась к двери.

– Нет – нет! – Джанфранко схватил ее за руку и повернул к себе лицом. – Скажи, что это неправда, – процедил он сквозь зубы.

Его пальцы вцепились в ее руку. От злости щеки Келли побагровели, но она заставила себя оставаться спокойной.

Речь шла об их не родившемся еще ребенке, и злоба ни к чему хорошему не приведет.

– Это правда. Привыкай к ней, – фыркнула она и увидела, как он на секунду прикрыл глаза. Возможно, теперь, когда факт свершился, он сможет примириться с этой мыслью. Но всякая надежда исчезла раз и навсегда, как только он открыл глаза.

Его лицо окаменело и превратилось в непроницаемую маску.

– Врач подтвердил твою беременность? – требовательно спросил он, и от его холодного голоса мороз пробрал ее до костей.

– Доктор Кредо. Два дня назад.

– Этот ребенок мой?

Невеселый смешок сорвался с ее губ. Вот уж чего она не ожидала, так это такого вопроса, а следовало бы, принимая во внимание его замечание на счет Тома.

– О да. Я на девятой неделе беременности, так что сам суди. История повторяется.

Он так прищурился, что его темные глаза на застывшем лице превратились в щелочки. – Ты же принимала таблетки.

– Нет.

Ее муж, граф Джанфранко Мальдини, был очень богатым, очень могущественным человеком, одним из той почти вымершей, как динозавры, породы людей, которые считали, что любое их желание должно быть исполнено беспрекословно.

Его тщеславие было безгранично.

Джанфранко окинул взглядом ее фигуру и почувствовал такой страх, которого еще ни разу в жизни не испытывал. Он, нахмурившись, посмотрел на нее.

– Ничего, Келли. Хотя это идет вразрез с моими убеждениями, еще не слишком поздно. Можно прервать беременность.

Она вздрогнула и закрыла глаза от боли.

– Я поговорю с доктором Кредо, – продолжал он, и Келли расвирепела.

Сжав руку в кулак, она ударила его прямо по носу.

– Вот тебе, подонок! – закричала она. – С меня хватило этой проклятой жизни с тобой.

Они не прожили еще и года как муж и жена, и за это время Келли испытала все мыслимые и немыслимые эмоции, и все благодаря Джанфранко. Но последнее его предательство было самым ужасным. Чаша ее терпения переполнилась. Она посмотрела на него дикими глазами. Выпрямившись, он держался за нос, кровь сочилась сквозь его пальцы.

Так тебе и надо, в ярости подумала она. И вся боль, весь гнев, которые она так долго сдерживала, прорвались наружу.

– Тебе никогда не надо было от меня ничего, кроме секса, с того самого момента, как мы встретились. Я всегда была недостаточно хороша для того, чтобы быть твоей женой или матерью твоего ребенка. Ты бы никогда не женился на мне, если бы не узнал, что я беременна, ведь твоя драгоценная

Оливия мечтала о ребенке. Вот вы и решили с ней вместе завладеть моим. Оливия сама говорила мне, что гражданский брак в Англии ничего не значил: это был лишь способ получить моего ребенка. Ты все еще мог обвенчаться с ней в церкви.

Она не слышала, как Джанфранко в ужасе произнес: – Дио, нет. Ее гнев, которому она дала волю, ядом растекался в его гордой голове.

– Я увидела вас вдвоем в кабинете, когда вернулась от доктора. Вы обнимались. А ты... ты... – закричала она, – говорил ей, что у нас никогда не будет больше детей. Ты погладил ее, когда она заявила, что любит моего ребенка и будет заботиться о нем.

Келли не заметила, как Джанфранко вдруг застыл. Его глаза впились в ее разгневанное лицо.

– Что ж, я рада, что сорвала ваши планы, и рада, что Оливия оставила тебя. Единственное, о чем я сожалею, – это что ты нашел меня. Ты не заслуживаешь такой дочери, как Анна Лу. Подумать только, а я ведь действительно считала, что люблю тебя. – Келли покачала головой. Ее прекрасные волосы, собранные в пучок, рассыпались по плечам. – Даже сегодня я пыталась убедить себя в том, что, возможно, не слишком хорошо знаю итальянский. Может быть, ты сказал не то, что я подумала. Я снова обманулась! – Слезы ослепили ее. – Наверное, ты был прав: должно быть, я не в своем уме.

Еще никогда в жизни Келли не чувствовала себя такой

одинокой и брошенной. Но через секунду она распрямила плечи, ее влажные синие глаза блестели на измученном лице, когда она взглянула на Джанфранко.

– Хочешь убить моего малыша? – грозно спросила она. – Только через мой труп.

Его голова откинулась назад, словно она снова ударила его. На его напряженном лице не осталось ни кровинки. Оно казалось посеревшим и измученным. Его чувственный рот превратился в ниточку, когда он процедил лишь одно слово:

– Именно.

Всего одним словом он подтвердил все, что, как она боялась, было правдой. Кровь отлила от ее лица, она сделала глубокий прерывистый вдох.

– Наконец-то ты сказал правду, – произнесла Келли бесстрастным тоном, машинально потирая побелевшие костяшки пальцев. – Я охотнее увижу себя в аду, чем позволю тебе приблизиться ко мне снова. – Он протянул к ней руку, но она оттолкнула ее. – Не трогай меня! Не смей никогда дотрагиваться до меня!...

Его лицо исказила нестерпимая мука.

– Нет, Келли, нет, ты все неправильно поняла! – И прежде чем она смогла пошевелиться, он прижал ее к себе, всматриваясь темными глазами в ее страдальческое лицо. – Я все знаю о твоей матери.

Сквозь слезы отчаяния она взглянула в его глаза и увидела там не меньшее страдание, чем ее собственное.

– О моей матери? Тебе известно, что они с Томом были любовниками?...

Зачем только ему понадобилось копаться в том, что давно стало древней историей?

– Нет, я не знал этого, – сказал он бесцветным голосом. – Но я знаю, что она умерла во время родов и что такое может произойти и с тобой. Когда я сказал «именно», я среагировал буквально на твой комментарий «только через мой труп». Разве ты не поняла?

Она посмотрела на него в полном смущении, потом медленно, сквозь охватившее ее отчаяние, почувствовала первый проблеск чего-то похожего на надежду. Она видела боль и страсть в его взгляде, который скользил по ней. Он волновался за нее! Она была настолько изумлена, что не возразила ни слова, когда он усадил ее на софу и сел рядом.

– Если бы мне пришлось выбирать между тобой и еще одним ребенком... – Он опустил голову и зажал руки между коленями. – Мне плевать, если я обреку свою бессмертную душу на ад. Мне важнее ты. Я не вынесу, если снова потеряю тебя.

Глаза Келли округлились, когда она постигла смысл его слов. Келли повернулась к нему и положила ладонь на его руку.

– Ты испугался? – прошептала она.

Он кивнул и сел прямо. Подняв голову, он посмотрел на нее мрачным, почти злым взглядом.

– Я пришел в ужас, – подтвердил он, и Келли инстинктивно поняла, что его злость была направлена не на нее, а на него самого.

Взъерошив свои волосы, он продолжал:

– В тот день, когда я увидел тебя на больничной койке, после того как ты произвела на свет Анну Лу, доктор Кредо сказал мне, что ты потеряла много крови, а потом сообщил, что твоя мать умерла во время родов, но ты не хотела об этом говорить. И...

– И?... – поторопила его она.

– В этот момент, когда я понял, что ты могла умереть, рожая моего ребенка, а меня даже не было рядом с тобой, я понял то, о чем и не подозревал, – что я тебя безумно люблю.

– Значит, ты не любил меня, когда мы женились, – грустно пробормотала она себе под нос, но Джанфранко услышал.

– Я не знал, что такое любовь, – поспешно сказал он и, схватив за узкие плечи, повернул ее лицом к себе. – Хочешь знать правду? – Его темные глаза сверкнули. – Пожалуйста. Я встретил тебя, яркую, красивую девушку, и возжелал. Потом, из-за глупого недоразумения с моим именем, я потерял тебя. С моей гордостью и высокомерием, я поклялся, что не стану бегать за тобой. Так я и поступил. Я встречался с другими женщинами, но в этом не было ничего хорошего. Долгие месяцы я очень страдал от воздержания. – Он взглянул на нее. – Такого никогда не случалось со мной раньше.

Келли улыбнулась, подумав о его высокомерии.

– Бедняжка.

Но его слова дали ей первый лучик надежды.

– Да. – Он поморщился. – Даже когда я узнал, что ты беременна, и начал искать тебя, мысль о браке не приходила мне в голову. Но в ту же минуту, как увидел тебя снова, неожиданно для себя самого я предложил тебе выйти за меня замуж. Я был поражен этим не меньше тебя. Я убеждал себя в том, что это было разумно. Моя мать мечтала о том, чтобы я женился и подарил ей наследника, так почему бы и нет?

– Не уверена, что мне надо об этом знать, – оборвала его Келли.

– Ты хотела знать правду, вот и слушай, – заявил Жан-Франко. – Мне приходила в голову мысль, что ты могла оказаться авантюристкой, а Оливия была в этом просто уверена, но мне было все равно. Возможно, я любил тебя уже тогда, но не понимал этого... или не хотел понимать... – добавил он с неосознанным самомнением. – Я знал только, что мне нужны ты и ребенок. Я перевез тебя в свой дом, разделил с тобой свою постель, и моя жизнь потекла во многом по тому же руслу, что и раньше. – Он передернул плечами, словно устыдившись того, что был недостаточно проникателен. – Вспоминаю, что я удивлялся тому, почему мои женатые друзья жаловались на то, что семейная жизнь ограничивает их свободу. Я такого не испытывал. Моя жизнь не изменилась ни на йоту, и у меня была дополнительная награда – я имел тебя в своей постели по ночам. Но тут ты стала жаловать-

ся на Оливию, и мне пришлось раздваиваться в своих родственных чувствах.

– Она была твоей любовницей? – с болью спросила Келли. Он говорил, что полюбил ее, но только после рождения Анны Лу, и она не знала, как отнестись к этому.

– Нет, никогда. – Его пальцы сжали ее плечо. – Ты должна понять. Я был в море вместе с Альфредо в тот день, когда произошел несчастный случай. Он погиб, а я спасся, и с тех пор меня не покидает чувство вины. Я всегда думал, что все должно было случиться наоборот.

В ответ она выдохнула:

– О нет.

– Да, – возразил он с унылым видом. – Я отметал твои страхи насчет Оливии из-за собственного чувства вины и еще, честно говоря, винил во всем твои гормоны. Господи, да что я знал о беременных женщинах? Когда я должен был поддерживать тебя, я не оправдывал твоих ожиданий. Я сносил от этой женщины гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Но в последний день, когда ты, по твоим словам, видела, как мы в объятиях друг друга плели заговор против тебя, клянусь жизнью нашей дочери, все было совсем по-другому.

Келли едва не задохнулась. Клясться жизнью Анны Лу! Да, должно быть, он говорит правду.

– Так что же тогда это было? – настойчиво спросила Келли. Ей надо было это выяснить прежде, чем она позволит

разгореться в своем сердце крошечному пламени надежды.

– Она знала, что ты уехала к врачу, знала, что я собирался увезти тебя отдохнуть, и бросилась ко мне со словами о том, как сильно она любит меня, и с вопросом, когда мы сможем пожениться. Я пришел в ужас – у меня никогда не было такого намерения. Только тогда я наконец понял, что она очень больна. Я попытался успокоить ее, но она заявила, что нам придется подождать, пока ты родишь мальчика. И я обнял ее, успокаивая после того, как сказал, что она говорит чепуху и что я не собираюсь больше иметь детей.

Келли открыла было рот, но Джанфранко сурово, продолжал:

– Оливия снова попала в психиатрическую лечебницу через две недели после твоего отъезда. Теперь она поправилась. Человек, за которого Оливия вышла замуж, – вдовец с тремя детьми. Она получила то, что хотела. В отличие от меня. Из-за своей собственной слепоты и гордости я потерял тебя и нашего ребенка. И это возвращает меня к настоящему моменту. – Он наклонил свою темноволосую голову и поцеловал ее, потом слегка отстранился. Красные пятна горели на его скулах. – Я слишком сильно люблю тебя, Келли, – произнес он страдальческим голосом. – Я не могу позволить тебе рисковать, рожая еще одного ребенка. Я не смогу жить без тебя.

Она пристально посмотрела на него и увидела в его темных глазах любовь и страдание. Она больше не сомневалась

в его искренности: Джанфранко действительно любит ее.

Мир вдруг стал прекрасным для Келли, и ее переполнили надежда и счастье. С сияющими синими глазами она сказала:

– Я тоже люблю тебя, но ты ненормальный, Джанфранко.

– Ненормальный! – воскликнул он и, посадив ее к себе на колени, добавил: – Ненормальный от любви. Но, как твой муж, я должен защищать тебя от тебя самой, – серьезно сказал он. – Больше никаких детей.

Келли свернулась калачиком на его коленях и обняла его одной рукой за плечи. Она знала, что должна убедить его в беспочвенности его страхов.

– Ты не можешь остановить меня. – Она прижала палец к его губам, не давая ему возразить. – Но ты ошибаешься. Нет никакого риска. Я рискую не больше, чем рискует каждая беременная женщина в мире. – Она взяла его за руку. – Я – не моя мать. Она умерла от осложнений, потому что, хотя ей было сорок два года и она подвергала себя риску, она настояла на том, чтобы рожать дома. Ребенок родился с пуповиной, обвивавшей его шейку, мертвый. Акушерка сделала все, что смогла, но, когда у моей матери открылось кровотечение, потребовалось два часа, чтобы доставить ее в больницу.

– Какое безумие со стороны твоего отца позволить ей остаться дома, – проговорил Джанфранко со своей типичной самоуверенностью.

Именно так и сказал Том. – Келли почувствовала, как Джанфранко напрягся при упоминании о Томе. – Том был всю жизнь другом моей мамы, они воспитывались в одном детском доме и были любовниками в юности. Потом Том ушел в плаванье, а когда вернулся обратно, моя мама была уже замужем за моим отцом. Том был мне как дядя, друг семьи. Время от времени он появлялся с кучей подарков. Но после смерти мамы он разругался с моим отцом – обвинил его в смерти мамы, – и мы больше не видели его. Но я всегда хранила его адрес.

Она увидела в глазах Джанфранко облегчение.

– Ничего удивительного, что мои детективы не могли найти тебя. Никакой родни, никаких контактов с самых детских лет. – Он покачал темноволосой головой, заглянув в ее лицо, крепче обнял ее за талию и прижал к себе. – Ты подвергла себя опасности, разыскивая его, – серьезно сказал он со странным выражением в темных глазах. – Он мог оказаться бывшим убийцей или еще кем-нибудь.

– Вечно тебя мучают сомнения, – поддразнила его Келли с улыбкой. – Тем не менее я больше никого не знала, – просто ответила она. – Он никогда не был моим любовником. – Ей все еще было больно оттого, что Джанфранко думал о ней так плохо. – У меня никогда не было любовников.

Его потрясающие темные глаза закрылись на секунду, потом он открыл их, и его голос задрожал от эмоций, которые он больше не старался скрыть.

– Слава богу.

– Том был прекрасным человеком. Он любил Анну Лу и меня, и я скучаю по нем, – тихо сказала Келли.

Джанфранко глубоко вздохнул и заглянул в ее сапфировые глаза. Он собирался сказать ей правду, но печаль, которую он увидел в ее глазах, остановила его. Его детективы выяснили, что Том никогда не был моряком, он занимался мошенничеством и часто попадал в тюрьму. Ничего удивительного, что Тому удавалось скрывать Келли. Этот человек был знатоком своего дела.

Джанфранко взял Келли за подбородок и поднял ее лицо вверх.

– Уверен, что он был таким, Келли. Он защитил тебя и Анну Лу и сохранил вас обеих для меня. За это я всегда буду благодарен ему.

Опустив голову, он накрыл ее губы своими. Она почувствовала, как заколотилось ее сердце.

– Я рвался к тебе все эти три года. Я люблю тебя и всегда буду любить, Келли.

Его слова проникали ей в самое сердце. Келли заглянула ему в глаза, ища правды, и задрожала от чувств, которые увидела там.

– А малыша? – спросила она.

Он откинул голову и посмотрел ей прямо в глаза.

– Мы обеспечим лучший медицинский уход, и если родится мальчик, назовем его Томом.

Келли засмеялась и обняла его за шею.

– Ну это уж слишком, – поддразнила она, играя темным шелком его волос и притягивая его голову снова к себе. – Мне больше нравится Джанни, в честь первого и единственного мужчины, которого я любила, – призналась она и прижалась губами к его губам.

– Дио. Как часто я видел во сне, что обнимаю тебя, а потом просыпался, протягивал руку и обнаруживал возле себя пустоту, – простонал он. Он быстро расстегнул молнию на ее платье и спустил его с ее плеч. – А теперь, когда у меня есть ты, я все еще просыпаюсь среди ночи и просто смотрю на тебя, боясь потерять.

– Я заметила, – созналась Келли. Потрясенная золотым пламенем любви в его глазах, купаясь, как в целительном бальзаме, в его любви, Келли сама скинула одежду.

– Не на софе, в постели, – забормотал Джанфранко, поднял ее на руки, перенес в спальню и осторожно положил на кровать; – Не могу поверить, что у нас будет еще один ребенок.

Келли прерывисто вздохнула, дрожа от охвативших ее чувств.

– Ты правда не против?

Джанфранко застонал и накрыл ее рот поцелуем. Поцелуем, не похожим на другие. Это было открытое признание в любви и нежности, верности и надежде. Наконец, подняв голову, он посмотрел на нее.

– Я люблю тебя, Келли, и хочу, чтобы ты родила мне ребенка, но...

Их взгляды встретились, и, к своему удивлению, она увидела в глубине его глаз некоторую неуверенность.

– Но?...

– Наблюдая за Анной, ее женихом и Анной Лу во время сегодняшней свадьбы и услышав, о чем говорила наша дочь вечером, я подумал, что многого лишил тебя. Келли, выйдешь ли ты снова за меня – в церкви, в присутствии всех наших друзей и соседей и моей мамы. – Он прижался губами к ее шее. – Я не хочу, чтобы у тебя оставалось хоть какое-то сомнение в том, что ты моя жена и я люблю тебя.

Келли улыбнулась.

– Прекрасная идея, – пробормотала она и погладила своими маленькими руками его широкую грудь. Потом обвила его шею, притянула его голову к себе и нежно поцеловала раненый нос. – Прости, что стукнула тебя, – извинилась она. – Только не думай, что я во второй раз собираюсь быть беременной невестой! – поддразнила она. Попытайся сделать мне предложение снова, когда я не буду беременной.

Год спустя Келли стояла в огромном холле «Касса Мальдини». На ней было атласное цвета слоновой кости свадебное платье, расшитое жемчугом, с длиннющим шлейфом. На нее смотрела Анна Лу, не менее красивая в своем волшебном голубом платье, таком же, как у Джуди Бертони, главной

подружки невесты.

Кармела выглядела очень элегантно в прекрасно сшитом светло-коричневом костюме. На руках у нее был пятидесятилетний мальчик – Джанни Томазо Мальдини.

– Ты такая красивая, Келли, – сказала Кармела. – Однако нам пора. Мы опаздываем на сорок минут.

Когда Джанфранко увидел Келли в облаке нежного атласа, с ее серебристыми волосами, поднятыми вверх в виде короны из локонов, которые удерживала бриллиантовая тиара, у него перехватило дыхание. Она улыбнулась загадочной улыбкой, предназначенной только для него, улыбкой, от которой так ослепительно вспыхнули ее сапфировые глаза.

Его рука, сжимавшая букет роз, задрожала, когда он шагнул вперед, чтобы в традиционной итальянской манере преподнести букет невесте.

– Это тебе. – Он протянул ей розы.

Келли не могла сдержать улыбку. Он выглядел невероятно красивым в жемчужно-сером фраке, в белоснежной рубашке со стоячим воротником, в золотистом галстуке и таком же жилете. Высокий и элегантный, до мозга костей аристократ.

– Твоя красота просто неземная, и я люблю тебя страстно, преданно, любовью, которая переживет века, – сказал Джанфранко не очень твердым голосом, ведя ее к церкви.

С повлажневшими глазами Келли сжала его руку.

Ее сердце переполняла любовь.

– Спасибо, – сказала Келли. Этим одним словом она бла-

годарила его за все: за его любовь, за их детей, за их совместную жизнь.

Это была свадьба года. Семья и друзья, сановники со всей Италии, коллеги по работе – никто не был забыт. После церемонии состоялся прием на лужайке «Каса Мальдини».

– Нам скоро уезжать... – Джанфранко весь день обнимал жену за талию. – Если не хотим опоздать на самолет.

Джанфранко обожал Анну Лу и присутствовал при рождении сына Джанни. Пережитое наполнило его благоговением и гордостью. Но как бы он ни любил свою семью, они наконец, после двух бракосочетаний, собрались поехать в свадебное путешествие. Одни Келли будет целых три недели всецело принадлежать ему одному.

– Хорошо. – Келли лучезарно улыбнулась ему. Это была лучшая из свадеб, которые были у какой-нибудь из женщин во всем мире, подумала она, сияя от счастья и гордости за стоявшего рядом с ней мужчину.

– Мы не можем опаздывать. Ты и так опоздала в церковь, – напомнил ей Джанфранко в тот самый момент, когда зал их спинами прозвучал довольно громкий голос слегка опьяневшего отца Россо:

– После того как у них появилось двое детей, они с опозданием на пять лет, но все-таки совершили это. Слава Всевышнему!